

ТВОИ НОВЫЙ МИР
КНИГА ПЕРВАЯ
МИР БЕЗ ГРЕХА

СЕРГЕЙ
ТОМЯКОВ

16+

Сергей Вадимович Томилов

Мир без греха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48581877

SelfPub; 2020

Аннотация

Во второй половине двадцать первого века мир докатился до глобального кризиса и на стыке эпох изменяется судьба цивилизации. Решение о падении привычного порядка и перехода в эру биотехнологий будет принято не одним героем или группой политиков, а простыми действиями обычных профессионалов своего дела, порой даже не знакомых друг с другом. Потерять мир навсегда или построить общество будущего – выбор в руках простых людей человеческой цивилизации.

Содержание

Авторское предисловие	4
Пролог	5
Ничто не вечно	9
Страх рождает верность	70
Жалость проявление слабости	128
Падение черных ангелов	193
Эпилог	246

Авторское предисловие

Содержание данной книги является вымышленным и не претендует на реальное отображение событий, персонажей, мест или юридических лиц, представленных в тексте. Автор ни в каком случае не поддерживает, оправдывает или поощряет поведение людей, представленное в произведении.

Пролог

Память стиралась, становилась тусклыми картинками, незначительными и мелкими осколками прошлого. Полузабытое детство, яркие годы юности, энергичная молодость – все исчезало. Что-то мешало сначала вспомнить детали, моменты, целые дни и недели, а в какой-то момент даже знание о том, что он забыл, растворялось.

Он пытался запомнить один день. Почему-то это казалось важным.

Последний месяц работы в технической службе. Они демонтировали старые дата-центры, переносили данные или уничтожали их за ненадобностью. В этом провозились очень долго: во время бесконечных протестов и погромов часть здания оказалась охвачена огнем, большая часть техники пришла в негодность.

Уже в самом конце работ на объекте он проверял блоки один за другим и наткнулся на гигантский кусок не соединенной с сетью частью системы. С удивлением обнаружив, что все в сохранности, подключено и работает, он попытался вскрыть информационный массив, но все было закодировано и наглухо заблокировано.

– Старший, у меня здесь что-то непонятное.

– Конкретно что? – раздраженно отозвался старший. –

Друг, если ты меня вызвал из-за какой-то чепухи, я расстроюсь.

– Тут все серьезно, – заверил он старшего.

Он безуспешно пытался вскрыть гигантские архивы, пока не пришел главный. И вдвоем у них не получилось даже хоть немного продвинуться вглубь. Оставалось только одно: демонтировать целый сектор и отправить рабочую технику на экспертизу. Старший сказал притормозить и ушел разговаривать с вышестоящим начальством. Надолго, все это время он продолжал штурмовать неприступный цифровой форпост.

Вернувшись, старший долго смотрел на высокие монолитные кубы, в ответ они тихонько гудели. Работали, скрывая внутри себя петабайты неизвестной информации.

– Пошли, оставляем все на своих местах.

– Как? Этот сектор работает непонятно над чем. Надо выяснить...

– Ты чего такой трудный? – с неприязнью уставился на него старший. – Сверху сказали ничего не трогать, ясно?

Напоследок он обернулся и ему показалось, что серверы ему подмигнули. Мистика какая-то.

Он забыл все это, устав цепляться за канувшее в небытие воспоминание. А пару мгновений спустя и то, как его уволили с работы. Дальнейшее он забывал с радостью: месяцы, проведенные в постепенном обнищании и позже в алкогольном угаре. Память исчезала стремительно, пока не остался

последний краткий эпизод.

Он упал и не мог самостоятельно подняться, запутавшись в лохмотьях. Его избили в центре города. Роня на пол крупные капли слез и крови, сжимал в израненных руках острые осколки разбитой бутылки. Сползал по стене, а над ним ярко и весело горела большая неоновая надпись: «С новым 2070 годом!».

Затуманенное сознание дернулось в конвульсии, перед глазами все поплыло. В неестественной позе с перекошенным лицом он смотрел на яркий свет, вспыхнувший перед ним. Вот так все закончится?

– Это Лидеринг. На пересечении седьмой и шестой улиц около парка в переулке алкаш. Похоже на ножевое, тут все в крови и дерьме. Передайте парамедикам, чтобы поторопились, он отъезжает.

Свет спустился ниже, перестал ослеплять, и он увидел полицейского. Его спасут, он не умрет. И он радостно провалился в небытие комы.

Последнее воспоминание растворилось без следа. Глаза, не мигая, смотрели в черноту, которая разломилась на четыре части, уплывающие в стороны. Открывшееся яркое освещение не ослепляло, он все видел отчетливо.

– Шина ЦНС функционирует без отклонений, форсирование проведено успешно, – мужчина в сине-белом лабораторном халате посмотрел на него и тут же отвел взгляд. – Биокибер с порядковым номером триста сорок два готов.

– Все, забираем его, – послышался глухой голос сбоку, –
Еще один ангел в строю.

Он спокойно смотрел вверх, когда потолок пришел в движение. Боли больше не было. Как и эмоций.

Зато он теперь чувствовал нечто новое. Эмоции каждого человека поблизости, как тонкие струны, звучали где-то в глубине его головы. И он знал, что некоторые из этих эмоций могут вернуть ему боль.

Этого он не допустит.

Ничто не вечно

*Смена формаций, эпох и идей.
Сотни путей открыла для всех, но, как прежде,
В каждой судьбе отдельной всегда большинство
людей –
Лишь декорации в круговороте дней.*

Виктор Аргонов

Моросил едкий и холодный осенний дождь. Ветра не было, ночной европейский холод пробирал нулевой температурой. Вечерний сумрак улицы рвали прерывистые блики проблесковых маячков от полицейской машины. Едкое неоновое свечение старых вывесок и сполохи новых голографических современных рекламных установок больше раздражали, нежели освещали улицу.

Офицер полиции в полевой форме стремительно вылез из машины, зло сплюнул на мокрый асфальт и с прищуром посмотрел в сторону копающихся у стены медэкспертов. От них отчетливо несло спиртом и еще какой—то медицинской дрянью, в отличие от приятного, сухого и ароматного салона электромобиля. В приоткрытой дверце труповозки сиял дешевый голопроектор с извивающейся женщиной.

"Крылатый ублюдок! Мудак чернокрылый!" – совсем нецензурно подумал полицейский. В файле полицейской ба-

зы данных говорилось о смерти гражданского, возраст и личность уже были установлены.

Пахло кровью.

Крылатый ублюдок торчал здесь же, флегматично наблюдая за работой полиции и медиков. Три машины призывно звали в свое теплое нутро на мягкие сиденья – стандартная полицейская колымага, фургон экстренной помощи медиков и "ФиналФури–205" лейтенанта Макса по кличке Цербер. Свое прозвище Максимилиан Лидеринг заслужил два года назад, с появлением на улицах крылатых. Некоторые полицейские упорно не желали расставаться с оперативной работой и таскались в патрулях по улицам, в тщетных попытках настучать по печени хотя бы хулиганью. Почти двухметровый крепкий лейтенант Макс не был исключением, да и внешность у лейтенанта полиции была бульдожья – крупный приземистый торс с почти невидимой шеей. Прозвище коллег прочно пристало к офицеру еще и за то, что никак не успокоится и не заживет нормальной жизнью после появления биокиберов. Офицер полиции Лидеринг постоянно вызывался добровольцем в патруль, в то время как остальные просиживали штаны в управлении, сменив уличную полевую форму на деловой костюм. Начальству такая инициатива не нравилась и, благодаря этим обстоятельствам, Макс все еще был лейтенантом.

Мрачный вечер в мрачной компании двух медиков–пьяниц, квартального сержанта, трупа девчонки и черного ан-

гела. Последний создавал для офицера больше всего негатива. Матовые черные одежды скрадывали движения двухметровой мощной фигуры. Широкий силуэт биокибера был обрамлен в матовую нанокompозитную броню почти повторяющую форму тела крылатого. Порядковый номер на наплечнике, двести сорок два, из первых трех сотен, созданных самыми первыми из второго поколения биокиберов. Не молодое и не старое лицо – на висках пробивается седина. Никогда не понятно, о чем они думают, лишенное эмоций выражение лица, как будто глубокой задумчивости. Или попытки прислушаться.

Макс подошел к биокиберу и, глядя снизу-вверх, спросил:
– Зачем ты ее убил?

Он даже не изменился в лице – был также спокоен. Как будто муху прибил. Говорили, что в лабораториях Центра их меняли так, что они были уже не людьми в общем. Макс охотно в это верил, разглядывая безэмоциональное лицо, покрытое сетью шрамов. Черный ангел шевельнулся и посмотрел на Цербера, потом отвел взгляд, как будто осматривая улицу целиком. Зрачки биокибера мгновенно изменили форму, приспособиваясь – фары давали сильный свет.

– Сильный эмоциональный выброс, – проскрежетал черный ангел, люди вокруг вздрогнули. Биокиберы отвечали редко.

– Лейтенант, оформляйте документы, очевидцы уже все рассказали, – бросил из сумрака один из медиков.

Да, тупая эмка. Молодежь поголовно проводила время в сети, а молодые шейли и эмки города были постоянно под действием пси, наследием медицинских прорывов шестидесятых. Эта нажралась психотропников и, шатаясь, брела по улице, наткнулась на крылатого. Заорала в приступе эйфории и бросилась на него. Свидетели рассказали, что никогда не видели черного ангела в таком состоянии. Обычно им хватает одного выстрела БАна. Биокибер разрядил в девчонку всю обойму своего огнестрельного кинетического вооружения.

Черный ангел спокойно продолжал стоять посреди улицы. Один из медиков подошел вплотную к полицейскому. Макс принялся – от медэксперта отчетливо несло перегаром.

– Лейтенант, тебе когда-нибудь пневмомолотом по яйцам били? Ты бы уже никогда не встал после такого. Они такого не могут выдержать – их такими создали.

– Тебе то откуда знать, алкаш? Забирайте все, что осталось и спрессуйте у себя в труповозке. – презрительно смеялся он взглядом Цербер.

Медик пожал плечами и отошел подальше от негативного представителя правопорядка. Макс скрипнул зубами. Девчонке было на вид лет шестнадцать. Сейчас уже трудно было определить возраст по развороченному выстрелами трупю. Останки медики погрузили на носилки под тяжелым взглядом лейтенанта. Кивнув вопросительно глядевшим на него медэкспертам, Цербер размашистым шагом подошел к ма-

шине и рывком бросил себя в сидение водителя. Грохнул дверью так, что напарник Эшли Салливан проснулся.

– Чего воюешь?

Макс не ответил, достал сигареты из кармана и закурил. Эш поморщился старомодной привычке напарника. В полицейском управлении курили только трое из всего штата – капитан, лейтенант и вечно обдолбанный психотропами уборщик.

– Если все посмотрел, заводи и поехали, я сегодня вовремя хочу домой свалить.

– Да-а, – протянул Макс, выпуская облачко сизого дыма. – Я тоже. Мне еще на шестом сегодня племянницу встречать. Подумать только – ребенка ушатал. Ворона драная. Эш, ты не видел – там просто в хлам.

Напарник пошевелился и, протянув руку, включил радиостанцию. Эфир молчал. Оживленные полицейские переговоры стихли два года назад.

– Племяшка симпатичная?

– Ты у меня свой галстук сейчас съешь, – хмуро заметил Макс.

Эш в притворной защите вскинул руки и засмеялся. Макс завел мотор и бросил взгляд в зеркало заднего вида. Чернокрылый стоял на том же самом месте, видимо в округе было спокойно. Макс мысленно пожелал ему захлебнуться под дождем и вывел машину с тротуара на дорогу. Выехали на проспект – до управления по времени было пятнадцать ми-

нут пути от места происшествия, и Эш снова задремал.

Неказистое здание двадцатых годов, облупленное с местами отвалившимися модными в те годы зеркальными панелями, под дождем выглядело еще более жалким, чем обычно. Угрюмо чавкнула автоматика, раздвинув двери и пропустив в здание полицейских. Дежурный кисло глянул на напарников, кивнул и вновь уткнулся в экран портативного компьютера под стойкой, выражая полное презрение к работе.

– Передай кэпу, что я домой – отчет завтра дорисую, – проговорил Эш и отправился переодеваться. Макс зло глянул ему вслед и ушел к лифтам.

Пятый этаж уже больше походил на офис средней фирмы, чем на помещение полицейского управления. И – тишина, которой не было еще два года назад. Раньше в это время этаж был наполнен людьми, занимающимися работой и затихал лишь ближе к часу ночи. Теперь же десять вечера и тишина как в офисной высотке. Макс заглянул в кабинет капитана. Тот что-то увлеченно набивал на компьютере, мурлыкая под нос какую-то знакомую мелодию тридцатых годов.

– Что пишешь? – поинтересовался Макс.

Капитан убрал руки с клавиатуры и внимательно посмотрел на лейтенанта.

– Да вот.... Характеристику на тебя. Запарился в одном предложении. Как лучше написать – мутный или мудный?

– Очень смешно, – скривился Макс.

– Идем курить, Лидеринг, – капитан встал из-за стола и

накинул бушлат на плечи. Спустились по лестнице во внутренний двор управления, заваленный старой техникой и пластиковыми кофрами с ненужным хламом.

– Тебе что? Больше всех надо? Зачем ты его доставал вопросами?

– Ворона драная, – Макс выругался. – Быстро же он на меня настучал.

– Да не стучал он... У них же техники в организме, как в молодежи контрацептивов. Ваш разговор сразу же в Центр поступил, – офицер прикурил, через пару затяжек щелкнул электронную ароматизированную капсулу в фильтре.

– Сходил бы я в этот чертов Центр, задал бы пару вопросов. – мечтательно произнес Макс.

– Делать тебе нечего. Знаешь, что?

– Что?

– Иди ты в отпуск. Отдохни, – капитан поежился, выкинул недокуренную сигарету и решительно развернулся, направившись к выходу. Повернулся в тамбуре и сказал. – На десять дней. И чтобы я тебя в офисе не видел. В патруле, тем более.

Макс скривился.

– Нужен мне отпуск...

– Нужен, еще как! Инициатива не от меня – повыше мягко намекнули, – оборвал Макса капитан.

Капитан ушел. Полицейский достал смартфон, посмотрел на время и набрал номер племянницы.

Над зданием бесшумно пролетела матовая фигура черного ангела.

Макс встретил рассвет за рулем автомобиля. Ночью не спалось и поэтому он решил выехать пораньше. Занималось солнечное теплое утро, и Макс остановил "Финал Фури" на зеленом пригорке, не доехав до аэропорта пару километров. На рулежных дорожках и восьмиугольниках для вертикального взлета царила вялая рассветная суета – сотрудники аэропорта в экзоскелетах вытаскивали товары из старого грузового самолета и пассажирский "Валор-420" глушил двигатели после приземления. Воздушные драконы нестерпимо жгли глаза яркими металлическими бликами. Воздух дрожал в преддверии жаркого дня и уже порождал в атмосфере оптические иллюзии фата-морганы.

За обширным аэродромом простирались бесконечные поля ветряков и солнечных панелей. Мир – по крайней мере большая его часть – в тридцатых годах массово перешел на использование возобновляемых источников энергии. Причины этой энергетической революции были, в основном, экономические. А после событий сороковых возникла и экологическая необходимость в использовании энергий солнца и ветра. Сейчас постройки выглядели плохо, многие ветряки не работали. О причинах такого запустения, полицейский не задумывался, только изредка ругался в редкие промежутки перебоев с энергоснабжением.

Закурив, Макс решил, что сегодня до вечера посвятит время племяннице – погуляют по городу, расскажет о местных достопримечательностях. Рация что-то хрипло прокаркала голосом диспетчера – Макс даже не повернул головы. Часы показывали семь тридцать, до приземления было еще десять минут. Некстати запищал вызовом динамик смартфона, Цербер щелчком выбросил окурочок и активировал гарнитуру. Пользоваться новыми достижениями имплантационных разработок он не желал.

– Ты уже в аэропорту? – раздался женский голос. Макс поморщился – звонила бывшая жена.

– А как же – только что приехал, ожидаю.

– Что-то тихо там у тебя. – холодно отозвалась женщина.

– Не начинай, а! Сказал, встречу, значит, не паникуй – все будет нормально. – огрызнулся Макс.

– Вечером завезешь Нэнси ко мне.

– Хрена-с-два! – гаркнул Макс и отключил связь.

Утро казалось окончательно испорченным.

Макс зло сплюнул на обочину и сел в машину. Мотор привычно и ровно загудел генератором. Дорога до взлетного комплекса заняла ровно минут пять – огромный пассажирский аэробус "Игерен" с племянницей как раз шел на посадку, утробно гудя десятую турбинами. Гигантский стальной дракон мягко шлепнулся на плиты взлетной полосы и резво прокатился по рулежным дорожкам к стационарным разгрузочным постройкам.

В зале аэропорта было прохладно, и тихо. Цербер гипнотизировал цифровое табло прибытия и отбытия воздушного транспорта – на самом верху мерцала дата и год. Две тысячи семьдесят второй. Макс родился в две тысячи четырнадцатом, в самом начале первого миграционного кризиса, когда гибридные войны и нелепая внешняя политика сверхдержав в средиземноморье выгнали толпы беженцев из стран третьего мира и они заполнили Европу. Первая волна мигрантов интегрировалась в цивилизованное общество без осложнений, было лишь несколько нервных лет для всех сторон. Но вторая волна в тридцатых и сороковых была уже больше похожа на цунами. Религиозно настроенные толпы хлынули в демократические страны и спровоцировали множество изменений в те сумбурные годы. Возможно, эти события и направили будущего лейтенанта полиции в молодости выбрать карьеру профессионального боксера, а потом бросить ее и уйти учиться в академию полиции. Макс нахмурился – для своих пятидесяти восьми лет он был вполне реалистом и циником.

Ждать пришлось недолго, девочка выбежала из терминала уже через несколько минут. Весело размахивая пестрой сумкой, легко подбежала к Максиму, и он поднял ее невесомое тело и пару раз шутливо подбросил, как ребенка. Для своих двадцати двух лет Нэнси была ростом метр восемьдесят при весе всего в пятьдесят девять килограмм – акселерация поколений к концу двадцать первого века преимущественно

шла в рост.

До города добрались быстро, верный "ФиналФури" уверенно и ровно держал дорогу. Проезжая последние километры по городу Макс отвлекся от веселой болтовни Нэнси и задумчиво молчал. Суток не прошло, а он уже соскучился по работе. Но еще больше по оперативной работе. Полиция последние два года никого не ловила, офицеры перебирали бумажки в тиши своих кабинетов. Цербера это не устраивало, он ушел из спорта в полицию за собственным понятием справедливости, но у него это забрали.

– Все так изменилось. Вау! Смотри – черный ангел! – Нэнси подпрыгнула и наполовину вывалилась из окна, задрав голову к небу. Бухнувшись от рывка за курточку на сиденье машины, девушка восхищенно проводила глазами удаляющийся в воздухе силуэт биокибера.

– Первый раз вижу его реально, только в сети видела раньше. А ты с ними встречался по работе?

– Да, вчера видел. – хмуро произнес Макс.

– Супер! А говорил?

– Да, по рабочим моментам. – Цербер не стал уточнять, по каким.

Нэнси мечтательно отвернулась к окну.

– Вот бы поболтать с одним.

Макс резко бросил машину вправо к обочине, благо почти приехали и заглушил двигатель.

– Нэнси. Не вздумай приближаться к ним. Они опасны.

Они убивают людей.

Племянница надулась. Макс оттаял и улыбнулся.

– Ладно, ладно. Пойдем завтракать. В полете, наверное, кормили всего один раз?

В кафе было душно, несмотря на наличие вполне современного кондиционера. Макс пожалел уже, что они пришли сюда, но Нэнси и бровью не повела. Заказав легкий завтрак, мужчина с девушкой устроились за столиком у широкого окна, впрочем, не совсем удачно – окно оказалось новым голографическим полупрозрачным экраном, откуда вещал глава партии трансгуманистов Джеймс Оранж, невысокий блондин с пронизывающим взглядом. Не особо прислушиваясь к политической чепухе резкой критики на правительство и ООН, полицейский с племянницей в молчании наконец позавтракали. Молодой растущий организм девочки быстро справился с хорошо поджаренными тостами, щедро обмазанными вкусным джемом и Нэнси продолжила засыпать дядю разговорами.

– Рассказывай, что интересного произошло, пока я была на обучении? Как Лита? Как соседи? Я до сих пор не забыла того вихрастого парнишку, который пытался мне назначить свидание, но постоянно двух слов связать не мог.

Макс улыбнулся.

– И пропал, когда ты преподнесла ему в подарок флешку с видео уроками знакомств.

– Видимо, совсем сгорел от собственного стеснения! – за-

смеялась девушка.

В помещение зашла компания смуглых молодых людей. Нэнси сразу притихла, невольно вжавшись в мягкое кресло. Цербер в недоумении посмотрел на девочку. Племянница улыбнулась, взяв себя в руки.

– Десять лет прошло. А я до сих пор боюсь теракта. Тем более чего бояться сейчас – ангелы охраняют нас.

Макс вздохнул.

– Куда хочешь поехать дальше?

Нэнси задумалась. Девушка четыре года провела на Мадагаскарском экологическом факультете – филиалы Института Современной Экологии были разбросаны по всему миру, включая Антарктику. Первый курс студенты учились в городе, где поступили, потом на четыре года уезжали на учебную практику в не затронутые урбанизацией территории земного шара. Потом перерыв на полгода, долгие каникулы и последний, самый трудный год, практически полноценная работа по специальности в областях, где экология местности была убита напрочь человеческой цивилизацией. После шести лет обучения полностью подготовленные специалисты по экологии с крайне востребованным дипломом устраивались на работу. А рабочих мест после глобального затопления сороковых было много.

Она уехала из города в шестьдесят восьмом. А через два года правительство выпустило на улицы черных ангелов. Это было самое заметное изменение в жизни города, но девушка

видела, как раздражительно дядя реагирует на эту тему, что казалось ей странным. В ее восприятии и полиция и биокиберы делали одно дело – защищали жизнь людей.

– К родителям, если несложно, дядя Макс.

Мавзолей был обрамлен изумрудными побегами зеленого плюща, дорожки между стенами с ячейками захоронений были идеально чистыми. На широких столбах, уходивших ввысь, покоилась огромная крыша с редкими вставками из стекла, пропускавшими немного солнечного света. Полицейский и студентка казались чужеродными предметами в этой величественной гранитной империи тишины. Шаги гулко раздавались, даже малейший шорох подошвы был слышен.

Макс встал поодаль, когда пришли на место. Нэнси прислонилась ладонью к двум металлическим табличкам с именами и прошептала: "Ну, здравствуйте, ма и па". Закрывает глаза, то ли отгоняя, то ли впитывая печаль.

Цербер хорошо помнил, как все случилось. Семь лет спустя после Точечной войны продолжался сильный резонанс общества на любое проявление насилия, и правительства оказались в цейтноте. Теракт преступной группировки в терминале крупнейшего аэропорта города не оставил безучастным никого. Жертв было около тысячи, раненых вдвое больше. Он был тогда еще постовым в начале карьеры в полиции, практически без оперативной работы, сразу после ака-

демии. Вызвали всех, пожарников, медиков, полицию и даже армию. Завалы и обломки разбирали около недели. Макс лишь когда вернулся и просмотрел в сети списки погибших, с ужасом обнаружил, что его старшая сестра и ее муж погибли. Он поссорился с ней за год до этого и не общался. Не смотря на усталость после недели непрерывной работы, он под негодующие крики Литы умчался в ночь. И через сутки занес в дом спящую шестилетнюю выжившую дочь сестры. Девочка чудом выжила, отделавшись лишь царапинами. Семья собиралась лететь на долгожданный отдых, когда от взрывов смертников, подрывавших себя под религиозные крики, обрушился терминал аэропорта. Это был крупнейший теракт с конца Точечной войны и до этих дней.

Нэнси не думала о прошлом. Девушка стерла у себя из памяти события тех страшных дней. Она все реже вспоминала еще живых родителей, детство. Переживания юности и новые впечатления заменили девочке яркую и трагическую гибель семьи. Нэнси жила дальше, веселилась, училась и лишь в редкие моменты предавалась грусти.

Солнце стояло в зените, был полдень. Племянница с дядей в молчании покинули мавзолей. До автостоянки было около километра, кладбище крематория было отделено от автострад шикарной парковой зоной. Город вдали пронзал шпилями небоскребов небеса. Нэнси сбросила курточку, повесив ее на сгиб локтя, после прохлады мавзолея под солнцем было жарковато.

– Так почему ты развелся с Литой, дядя Макс?

Макс устало потер пальцами переносицу и, достав из кармана сигареты, закурил. Девушка в этот раз даже не поморщилась. Вопрос был серьезный, и дяде нужно было собраться с мыслями.

– Мы же так и не завели детей. Со здоровьем и у меня, и у нее все в порядке, просто мы изначально не сошлись характерами, заключив брак по глупости. Мы развелись бы еще шестнадцать лет назад, но тогда все и произошло.... Впрочем, как уж получилась. – Макс раздавил посмотрел на электронный светлый кружок ароматизированной капсулы в сигарете и не нажал его. – Когда ты уехала, мы просто поняли, что нет дальнейшего смысла жить вдвоем.

– Не расстраивайся. – девочка порывисто обняла мужчину. – Я разговаривала с Литой еще на Мадагаскаре. Так что не беспокойся, она конечно же будет мне жаловаться на твой тяжелый характер, но я все равно очень тебя ценю, дядя Макс.

– Спасибо. – буркнул Цербер. Нэнси засмеялась. Макс действительно обладал непримиримым железным характером и терялся от такой искренней, практически детской непосредственности племянницы.

– Заедем в центр города? Мне нужно купить кое-что из одежды, потом закинем вещи к Лите и я вечером уеду посмотреть старые и новые развлекательные места – соскучилась за четыре года по городской жизни. Тебе на работу ко-

гда?

– Я в отпуске.

– Даже так.... Наверное, сейчас у вас совсем нет проблем с работой?

– Да уж. Совершенно никаких проблем.

Макс отвечал односложно, не хотел пугать Нэнси разглашательствами о сложившейся за последние два года обстановке. Как раз подошли к автостоянке и электромобиль утробно загудел генераторами, унося пассажиров в город.

Пол вздрогнул.

Восемь месяцев работы, а все никак не мог привыкнуть к практически бесшумному появлению подопечных в широко раскрытых створках взлетного ключа. Первый черный ангел, вернувшийся из дневного патруля, легко спружинил на ноги и, сложив крылья, неторопливо пошел в глубь распределителя. Поежившись от внезапно налетевшего порыва ветра – как никак восемнадцатый этаж – Пол активировал компьютерную диагностику. Система дала зеленый свет и перешла в режим ожидания.

Черный ангел остановился в конце взлетного коридора. Подошли два специалиста технической службы Центра и, деактивировав боевые системы, начали снимать броню и вооружение. Мягкий красный свет сверху сменился зеленым, и ангел прошел в открывшиеся двери. Большой зал за дверями был наполнен большим количеством аппаратуры и в нем

находилась полтора десятка людей. Форсированный эмпат привычно просканировал все психоволны и неторопливо полпелся к отведенной ему камере отдыха. Камера два на полтора представляла собой нишу, заполненную диагностирующим креслом с множеством систем, необходимых для биологии живого организма. Черный ангел бесшумно опустился на свое место и привычно почувствовал шесть уколов – диагностирующие иглы вонзились в тело. Через минуту он уже впал в забытие – сон без сновидений.

Два человека остановились у кельи с застывшей в кресле фигурой. Двое мужчин средних лет вели неторопливый деловой разговор.

– Статистика работает против нас, все показатели ухудшились за последний год. В два раза больше инцидентов и меньше пресечений. Намного меньше по отношению к прошлому году. – неторопливо излагал постарше, чьи виски уже тронула седина.

– Так что вы хотите от меня? – удивился мужчина помоложе.

– Эндрэй, поймите меня правильно. – мужчина устало потянул плечами. – На меня давят со всех сторон. Необходимо снизить количество инцидентов.

– Это не в моей власти, Рафаэль. – невесело улыбнулся Эндрэй.

– Разве? Я думал, ты гений, Поланский.

Молодой ученый смутился и отвернулся к нише. Черный

ангел открыл глаза. Рафаэль Андерсон отшатнулся.

– Вы не понимаете, Рафаэль. Они уже не люди. Они воспринимают мир не так, как мы. Я лишь на секунду задумался о нехорошем, а он уже ощутил это даже в режиме полностью выключенных систем. – Эндрэй Поланский повернулся к начальнику. – Координатор Колибри понимал проект не так, как вы. По-другому. С позиции цифр, но не в таком ракурсе. Вы эффективно ведете работу, но не понимаете ее суть.

Черный ангел закрыл глаза и уснул.

– Гибнут люди, Поланский. – глаза координатора проекта "СРВ" Рафаэля Андерсона уже приобрели нехороший блеск.

В этот момент завизжала сирена. Пол отпустил кнопку тревоги, выбежал из-за стойки терминала и подскочил к самому краю взлетной платформы. Истекающий кровью черный ангел с порядковым номером пятьсот двадцать восемь, пошатнулся и навзничь рухнул на поверхность платформы в метре от обрыва в пустоту. Подбежавшие спецы начали помогать и лишь втроем люди с трудом оттащили боевую единицу вглубь комплекса. Кровавый след тянулся по ранее безупречно чистому покрытию.

Выбежавшие на звук тревоги вместе с другими служащими Центра Рафаэль и Эндрэй, не мешая, смотрели, как реанимируют павшего черного ангела медики и техники Центра. Ужасающие повреждения были несовместимы с жизнью, если бы это был человек. Но даже повышенная регенерация не могла восстановить разорванные в клочки жизнен-

но важные органы. Через несколько минут все системы озарились мертвенно бледным красным оттенком – черный ангел был мертв.

– Они тоже все еще гибнут, Андерсон. – сухо заметил Поланский. – Давайте делать нашу работу дальше.

Нэнси отпустила такси за пять кварталов от оживленной части города. До центра девушка решила пройти пешком, вспомнить улицы, запах урбанизации, дух мегаполиса. Двадцать первый век не сильно изменил города планеты, все те же спальные районы на окраинах вперемешку с частными территориями за кольцевым периметром и плотная современная застройка в центре с культурными объектами прошлых веков. Сгущающийся сумрак улиц уже два года как был полностью безопасным для прохожих.

Девушка остановилась лишь только раз – прикинуть цены на новейшие музыкальные имплантаты для ушей в павильоне с аляповатой новомодной голографической рекламой. Цены беспощадно кусались и были не по карману студентке. Вздохнув, Нэнси продолжила свой путь.

В центре она удивленно озиралась – обычно кипящая ночная жизнь мегаполиса была как-то странно спокойной. Четыре года назад весь центр города гудел по ночам – бары, дискотеки, разнообразные массовые культурные мероприятия и столпотворения на улицах. Сейчас же спокойствие людей было для девушки слегка удивительным. Прогуливались па-

рочки, максимальные группы молодых людей были не больше пяти человек. И все люди, даже те, что были под алкогольным опьянением, вели себя сдержанно, не было слышно громких криков, тем более брани или драк.

Нэнси решила посетить "Космик" и "Лагуну" – два увеселительных заведения, в которых раньше всегда зависала молодежь. Перед "Космиком" была большая площадь, на которой каждую ночь происходило что-то интересное – концерты, выступления или просто неорганизованные гуляния. "Лагуна" была местом пошикарнее – огромный крытый павильон с элитными развлечениями на любой вкус и денежный счет побольше, чем средний. К девушке перед "Космиком" подошел молодой парнишка. Его распахнутая до середины куртка обнажала безволосую грудь.

– Не желаешь пси?

– Что? – Нэнси не услышала начало фразы, отключив аудиоклипы.

Парень дернул плечом.

– Пси. Психотропники. У меня легкие, легальные.

Нэнси рассмеялась.

– А я от них не поплыву? А то еще наутро в полиции очнусь.

Парень странно глянул на нее живым глазом. Второй, видеоимплант, был серым и выключенным. Девушка на секунду смутилась и обворожительно улыбнулась.

– А где сейчас самое веселое место?

Парень кисло глянул на нее.

– В "Лагуне", конечно. Ты не местная что ли?

Нэнси, уже собравшись, идти дальше, притормозила.

– Я с ИСЭ, только с основного.

– Понятно. – коротко бросил парень и ушел, прежде чем девушка успела продолжить.

Нэнси нахмурилась и не спеша пошла до "Лагуны", решив последовать совету уличного торговца. По дороге, и особенно перед зданием, таких уличных торговцев было намного больше. А сама постройка уже не казалась такой новомодной, как ранее, и вид имела совершенно не развлекательный, если не считать разноцветного сияния голограмм.

Место сильно изменилось. Архитектурно оставшись тем же строением, что и ранее. Почти полностью поменялось внутреннее наполнение. Остался знакомым лишь сектор архаичных игровых автоматов, вперемешку с установками виртуальной реальности. Нэнси за полчаса обошла всю "Лагуну" и остановилась в одном из баров, возле танцпола – был концерт голографической музыкальной команды и пришлось заплатить за вход. Студентка предъявила гражданские документы и купила коктейль – будущие сотрудники экологии пользовались некоторыми привилегиями, например, такими как возможность покупать алкоголь с двадцати одного года, а не с двадцати пяти лет. Пригубив ароматную жидкость, девушка наблюдала за голоконцертом. Ритмичная музыка с красиво сделанной голографией была великолепна. Слева от

Нэнси сидела парочка девушек, приглушенно болтавших, а справа молодой парень глушил уже второй стакан с чем-то крепким, щедро разбавленным льдом. Через пару минут парень внимательно глянул на девушку.

– Пол.

Нэнси удивленно посмотрела на него и нахально бросила:

– Я разве интересовалась?

Парень ухмыльнулся и бросил стакан бармену – тот ловко подхватил и, увидев два пальца, которые поднял клиент, наполнил рокс густой пахучей жидкостью.

– Четыре раз мазнула взглядом, вот я и решил, что желаешь познакомиться. Если ошибся, то все равно – Пол.

– Нэнси. Как тебе голоконцерт?

– Честно, плевать. Как видишь, – парень опрокинул в себя добрую треть стакана и неторопливо поболтал лед в стекле. – Здесь неплохой бренди. Так откуда ты? Студентка?

– Угадал. ИСЭ, четыре года в глуши на Мадагаскаре.

– Неплохо. – усмехнулся Пол. – ИКТ, магистр, походу бывший.

Нэнси мысленно присвистнула. Институт Компьютерных Технологий, одно из самых элитарных учебных заведений мира. После объединения высших учебных заведений, этот институт вобрал в себя все самые лучшие вышки планеты, став одним из самых престижных высших учебных заведений. И весьма дорогостоящих. В двадцать первом веке управление компьютерной информацией было неотъем-

лемой частью жизни людей. И неплохо оплачиваемой работой.

– А почему бывший?

– Уволился из центра этих. – Пол кивнул наверх. – В бедну их.

Нэнси нахмурилась. Пьяный парень явно был раздражен. А в планы девушки не входило провести вечер, наполненный неблагоприятными эмоциями.

Пол допил стакан и снова махнул бармену. Сегодня он после смены связался с кадровым отделом и затребовал увольнение. Его уведомили, что без еще четырех месяцев работы он не сможет получить магистра, на что он отреагировал весьма спокойно – работа в Центре больше ему казалась не по силам. А деньги для него не были проблемой – семья Янсена могла обеспечить обучение молодого человека и, будучи даже не магистром, а просто специалистом, Пол мог устроиться куда захочет. Или найти другую рабочую практику и, закончив ее, защитит за год магистрат.

Девушка снова повернулась к парню.

– Так, говоришь, они тебя обидели. – Нэнси кивнула вверх. Пол удивился и через секунду расхохотался.

Час спустя они уже разговорились, как неплохие друзья. Нэнси сильно соскучилась по живому общению в городе, после четырех лет довольно однообразного окружения, а Пол наконец то вырвался из жесткого графика работы Центра и наслаждался чувством свободы.

Голокоманда закончила выступление и техники начали собирать аппаратуру с площадки. Народ наполнил бар. Пол взял Нэнси за руку и повел к выходу. У самого входа он развернулся к девушке и удивленно увидел здорового мужика за ней. Нэнси вскрикнула, а мужчина коротко и быстро ударил Пола в лицо. Пошатнувшись, парень отступил на два шага и удивленно воззрился на мужчину и кричавшую на него девушку.

Нэнси была вне себя – естественно, она, увидев Макса, поняла, что дядя следил за ней. Молодая ярость в девушке закипала неистовым огнем.

И посреди этой мизансцены с легким шелестом зашуршали крылья. Черный ангел с активированным, готовым к работе БАном приземлился между людьми. Пол оторопел и, прищурившись, ожидал душераздирающего скрежета тяжелого излучателя. Нэнси гневно кричала на Макса и ошеломленно замерла, при появлении нового участника. Макс уже выровнял дыхание и спокойно ожидал, осматривая молодых людей и крылатого ублюдка.

Черный ангел с порядковым номером триста сорок два привычно отреагировав на сигнал, вызванный отрицательными эмоциями, занял центральную позицию посреди центра ситуации и сканировал психополе. Объект один был напуган и подавлен – страх, смятение, сомнение. Объект два, рассержен, но спокоен – ненависть, спокойствие, злость. Объект три была самой пси нестабильной – ангел не мог дол-

го ее экранировать и активировал голосовое общение:

– Прошу всех сохранять спокойствие.

Подействовало. Объект три перестала излучать психофон и остались два мужских объекта, между которыми произошел физический конфликт. Биокибер отследил применение физической силы на лице объекта один. Идентифицировав объект два, коротко обратился.

– Офицер?

Макс глубоко вдохнул и выдохнул.

– Ничего серьезного или требующего внимания.

Психофон был в пределах нормы – легкие конфликты не включали активацию боевых навыков черного ангела. И триста сорок второй молча кивнул и, расправив широкие крылья, взмыл в высоту, мгновенно набрав скорость.

Макс критически оглядел молодежь и кивнул на припаркованный рядом "ФиналФури", коротко бросил:

– Садитесь.

Нэнси и Пол были под впечатлением от появления крылатого и подчинились, забравшись в машину. Макс завел электромобиль и погнал по центральному проспекту.

– Тебя куда?

Нэнси пихнула Пола локтем и тот оживился.

– Шестнадцатая аллея за южным кольцом.

Макс кивнул. Пол отходил от происходящего, медленно трезвел и ошеломленно вспоминал – он добрую сотню раз встречал и отправлял триста сорок второго с высотной пло-

щадки Центра, и лишь раз сегодня повстречал вне работы. Шок, при знании, на что способны черные ангелы, все еще не отпускал полупьяного молодого человека.

Нэнси отрешенно смотрела в окно на пролетающие мимо огни города, а затем пригорода. Безнадежно испорченный вечер был для студентки сравним с поражением всей жизни по чисто юношескому восприятию. Поэтому оставшийся путь полицейский и студентка сохраняли молчание. У дома Литы девушка вышла, коротко попрощалась с дядей, и, ни проронив более ни слова, решительно закрыла за собой дверь.

Макс включил автопилот, выбрал адрес дома, откинулся на кресло электромобиля и закурил.

Лиза выключила компьютер. Был третий час ночи. Конец дня, ни принесшего абсолютно ничего. Она ни на йоту не продвинулась в поиске информации о сотрудниках проекта "СРВ". Вторую неделю поиска в этом направлении она потратила зря, в бесплодных поисках по сети.

Елизавета Гранд была опытной журналисткой. Не смотря на все метаморфозы, которые претерпела свобода слова в двадцать первом веке, от журналистов все равно ждали сенсаций. Точнее, громких разоблачений и феерических драм. Уже полвека как исчезли бумажные газеты, а вслед за ними и глянцевого журналы. С треском перевернулась с ног на голову мировая Сеть, раздувалась и сдувалась, как легкие, цен-

зура. Но неизменным было одно и для крупного журналиста, и для занюханного блоггера с тремя подписчиками – люди ждали сенсаций.

Поэтому Лиза, журналист фрилансер, сделала свой портал сателлитом крупного информационного агентства и пыталась раскопать грязное белье людей, выпустивших два года назад на улицы черных ангелов. Причина, по которой двадцатипятилетняя журналистка занялась именно проектом, были простой и конструктивной. В современном мире проект "СРВ" был единственным средством абсолютного контроля общества, что совершенно противоречило всем аспектам свободы.

Закинув капсулу пси, девушка разделась и уронила шестьдесят семь килограммов своего тела на мягкую кровать своего кондоминиума. Пышные каштановые волосы, собранные в высокий хвост, давили и Лиза сдернула резинку, освободив непослушную копну.

Волны пси мягко разливалась по телу, расслабляя нервы и мышцы и постепенно девушка забыла все тревоги и заботы безрезультатного дня.

Наутро Лиза быстро позавтракала, привела себя в порядок и отправилась на встречу. На сегодня ей было назначено интервью с капитаном полиции, заказ от агентства. Конечно, не сенсация, но громкое имя ее портала и известность агентства, в котором она работала, позволяли добраться хотя бы до полицейских.

Капитан принял журналистку в пол–одиннадцатого утра. За десять минут Лиза задала вопросы по обязательной программе и выключила запись.

– Итак, капитан, можете что–либо рассказать не для статьи?

Пятидесятилетний мужчина вопросительно изогнул бровь и внимательно посмотрел на девушку.

– Смотря, что вас интересует. – произнес мягко, но с осторожностью.

– О черных ангелах в частности и проекте "СРВ" в целом. Капитан сразу поскущел и развернувшись на кресле вполоборота уставился в окно.

– Информации и в сети навалом. Не могу представить, чем бы мог вам быть полезным. Я знаю не больше вашего.

– Разве полиция не сотрудничает с Центром? – деланно изумилась Лиза.

Капитан посмотрел на девушку.

– Только лишь в той мере, насколько им это нужно.

– Например, при допросах! – вытащила свой козырь девушка. Действительно, это было единственная информация, которой обладала Лиза. Через свои связи, наработанные за десять лет, она вытащила из информационного поля, что ангелов использовали при допросах. Источник отыскать не удалось, ниточка была абсолютно не проверенная и ее стоило раскрутить.

Капитан снова внимательно посмотрел на девушку.

– Вы имеете ввиду, что черные ангелы используют псионические способности для оперативной работы?

– Это так? – жадно спросила Лиза и вся обратилась в слух.

Капитан встал и налил себе воды из кулера. Вернулся и грузно опустился в кресло. В кабинет вошел человек и занял место у компьютера в дальней части кабинета.

– Ни для кого не секрет, что черные ангелы являются форсированными эмпатами. Но эта технология никак не относится к чтению мыслей. Телепатия, так же, как и телекинез – это выдумка и мифы. Черные ангелы способны лишь тонко чувствовать эмоциональный фон людей. Я повторяюсь – эта информация находится в открытом доступе. Так что я не могу представить, как я могу вам помочь, мисс Гранд.

Лиза разочарованно выдохнула и, вежливо попрощавшись с капитаном, покинула кабинет. В коридоре ее догнал парень, который зашел в кабинет в конце интервью.

– Елизавета Гранд?

– Да. – обернулась девушка.

– Интересуетесь Центром?

– Очень даже. – девушка широко улыбнулась.

– Пойдемте, выпьем по кофе. При управлении есть неплохое кафе.

С торца здания была небольшая двухэтажная пристройка, по-видимому ранее относившаяся к полицейскому управлению и отданное в аренду после сокращения финансирования. В пятидесятых уже и так большая часть преступлений

совершалась в экономических сферах и в сети, поэтому финансирование правоохранительных органов неуклонно сокращалось, вплоть до реформации в середине шестидесятых годов. Тогда все не криминальные преступления взяли на себя частные компании, создав огромное количество новых рабочих мест и сняв напряжение безработицы в странах. К две тысячи семидесятому году полицейское управление уже не занималось экономическими и информационными преступлениями совершенно, это являлось сферой деятельности корпораций, специализирующихся на безопасности такого рода деятельности.

Парень и девушка расположились за одним из столиков.

– Можете выключить свой скрытый имплантат. – улыбнулся парень. – Меня зовут Ник.

Лиза смутилась и щелкнула большим пальцем по краю ногтя безымянного пальца левой руки. Микроимплантат в краю глаза, перестал мерцать на краю видимости обзора девушки.

– Как вы узнали?

– У полиции отобрали не всю современную технику. – усмехнулся Ник. – Тем более я старший технического отдела и в курсе всех последних новинок индустрии по долгу службы.

Ник заказал себе кофе, а Лиза зеленый чай.

– Так насчет Центра – я тоже очень сильно интересуюсь тем, что там происходит. По своим причинам. К сожалению,

ни черта я тоже не знаю, как и вы.

Лиза молча и мрачно пригубила чай.

– Но. – продолжил Ник. – Если я найду что-либо интересное, могу надеяться, что вы опубликуете информация на главных бордах вашего информационного агентства?

– Гарантировать не могу, но за свой портал ручаюсь.

– Да, я потому и начал с вами беседу – вы независимый журналист. Сотрудники агентств связаны контрактами. Ну и как задел за будущее, могу сказать, что вы правы. Черных ангелов действительно используют при допросах. Старик не мог вам это сказать ни под каким соусом, сами же понимаете.

– Значит все-таки есть скрытые псионические способности?

– Что, у ангелов? – Ник расхохотался. – Разумеется нет. Старик ни капли не соврал. Они действительно форсированные эмпаты, не более.

– Так как это работает?

Ник отхлебнул кофе и посерьезнел.

– Страх. Люди имеют способность бояться. И потенциальный преступник просто обдывается от страха и готов признать все, что угодно, даже половую связь с собственной матушкой. А черный ангел фиксирует эмоциональный фон и выступает как неплохой детектор лжи. Вот и вся загадка.

– Теперь я понимаю, почему эта информация под сукном. Люди очень недовольны жестокими мерами, а здесь прямое нарушение прав человека. В который уже раз за два года.

Центр не хочет огласки и новых обвинений, которых и так предостаточно.

– Верно. – Ник допил кофе и придвинулся ближе к Лизе. – И кажется, у меня есть тот, кто может нам помочь.

Сто тридцать восьмой батальон механизированной пехоты был особенным. По двум причинам. Во–первых, четыре сотни состава подразделения не были пехотой в прямом смысле слова, скорее универсальные мастера военного уровня, включая ученых и программистов. Во–вторых, чаще всего мехпехи батальона выполняли спецоперации со вторым поколением биокиберов, усовершенствованных людей. Конечно, эти два нюанса делали подразделение уникальным, одним из немногих в мире. Подготовка для вступления в него длилась три года, вместо стандартных двух. Солдатам было необходимо держать себя в руках в любых – абсолютно любых ситуациях, чтобы не быть уничтоженными своими же боевыми единицами. Поэтому в батальон попадал лишь один из пятнадцати рекрутов.

Таким бойцом спецмехпехоты был Ростислав Деланор, сержант отделения. Сержант Рости получил увольнительную на три дня вследствие гибели всего наличного состава своих подчиненных и второй день бесцельно шатался по городу, не зная, чем себя занять. Тяжелое похмелье после обильно выпитой вчера порции спиртного было подавлено мощным молодым тренированным организмом и дозой восстано-

тельных препаратов из армейского медзапаса. Вчера утром спецназовец написал короткий отчет и в ожидании инструкций мялся в армейском комплексе. Через полчаса его позвал лейтенант из штабных и проводил в небольшое строение, где размещались офицеры в рабочее время. Он еще удивился, что лейтенант провел его на второй этаж и еще больше, когда понял, что очутился в кабинете майора. Непосредственного командующего батальоном майора Зорина.

– Сержант Деланор. – констатировал командир, когда спецназовец вытянулся перед ним и отдал честь. – Вольно. Я прочитал твой рапорт. Чудом выжил, боец. – немолодой военный внимательно посмотрел на Роста.

– Так точно, ком майор, ситуация была критической.

– Чувствуешь себя как? – спокойно продолжил командир.

– К службе готов. – выпалил сержант. На самом деле Рост чувствовал себя очень уставшим после ночной мясорубки и не прочь был бы отдохнуть. И немного беспокоился, не понизили бы в звании. Сержантский оклад был повыше, чем у рядовых бойцов спецмехпехоты.

– А моральное состояние? – после паузы продолжил майор, все еще внимательно глядя на бойца.

– В норме, ком.

– Уверен? Как никак нестандартная боевая ситуация, с потерей наличного состава подразделения. – не унимался Зорин.

– Да, ком. Уверен. – твердо ответил Рост.

Майор опустил глаза на стол и провел своим армейским идентификатором над пластиковой карточкой на столе и протянул ее сержанту.

– Вот тебе увольнительная на три дня. По прибытии с отдыха зайдешь в мед и пройдешь психа. Дальнейшие инструкции получишь у лейтенанта Морано через три дня. Свободен.

Рост отдал честь и вышел из кабинета. Майор с его каверзными вопросами нервировал бы солдата, но Рост не умел нервничать. Проведя необходимые бюрократические процедуры, сержант через час выкатился из военного сектора на своем элмуттере, затарился в центре алкоголем и прикатив домой, тихо, спокойно и вполне по цивильному утрамбовал этиловый боекомплект в организм.

Занимался непонятный по погоде осенний день и Росту, как будто предугадав дождь, нырнул в среднего класса ресторанчик. Хостесс на входе был робот, чему Росту порадовался. Ощущать направленные в спину презрительные взгляды гражданских именно сегодня ему не хотелось. Спецназовец назвал роботу свое имя и, отмахнувшись от предложений столика и сопутствующих предложений, прошел в зал. Есть совершенно не хотелось и Росту обрадовался, обнаружив в ресторане барную стойку с живым барменом. Заказал пиво и активировал смарт, в надежде узнать приблизительно сколько ему тут торчать. На портале метеослужб информация различалась от часа до трех. Сержант вздохнул и пригубил пи-

во. Слева сидела пухленькая девка и уже с полминуты иско-са на него пялилась. Росту невозмутимо тянул пиво.

– Не рановато пить, армеец?

Росту мысленно чертыхнулся – нахальная девка еще и первая завязала разговор. Воспитание двадцать первого ве-ка не позволило грубо оборвать или промолчать, и сержант ответил. Но ответил максимально кратко.

– Нисколько. Увольнительная.

– Ну это в корне меняет дело, сержант. – ехидно сказала девка. – Что отмечаем?

Деланор повернулся к ней. Гнева или злости не было, но нахальность в край обнаглевших гражданских могла задеть за живое даже самого толстокожего солдата. Особенно в дан-ной ситуации. Как вспышка, события прошлого. Он, Лара, Дейв, Крей и два биокибера – атакующий пятьсот двадцать восьмой и страхующий триста сорок второй. Простая опера-ция по зачистке нелегального вооруженного логова преступ-ников. Последних изгоев, не желающих смириться и жить без преступлений. Как в старых фильмах начала века, в за-медленной съемке. Как умер Крей, убитый мощным взло-мом во время связи контроля за гелиодронами через нейро-интефейс – у парня просто вскипели мозги. Рост вспомнил, как сжимал в руках громоздкий парализатор, как умер Дейв, прошитый насквозь охранным лазером в логове преступни-ков, как через секунду через него пролетел биокибер, раз-неся на части двери. Рост залетел за ним и обомлел – чер-

ный ангел обстреливался с шести точек. Рост взял на себя ближайшую, разрядив почти весь парализатор. В это время в помещение завалилась Лара – и тут же упала от точного выстрела в голову, рухнула навзничь и голова разлетелась на куски – разрывные с упреждением. Черный ангел получил два выстрела и разнес точку снайпера на мелкие ошметки вместе со стрелком. Потом повернулся – Росту обомлел, броня биокибера была просто в хлам, он весь истекал кровью. Черный ангел стремительно вылетел из здания, внутрь тут же залетел другой, с которым сержант Деланор закончил зачистку, уничтожив еще трех боевиков. Усиление прикатило только через две минуты – два броневика с взводом спецназа. Три трупа и улетевший труп биокибера. Вот такая ночь.

– Полную потерю всего наличного состава отделения. Такой ответ вас устроит. – вкрадчиво и холодно произнес Рост.

– Вполне. – девушка мгновенно посерьезнела. – Откуда мне знать, что могло случиться в сто тридцать восьмом спецмехпехе, особенно если он расквартирован вблизи Центра. Не без участия черных ангелов, могу поспорить.

Рости, лениво, без злобы, мечтавший уже придушить нахальную девку, изумленно воззрился на нее. Ехидная сука как в воду глядела. Густые каштановые волосы, под ними внимательные темные глаза, смугловатая кожа, склонная к полноте, но подтянутая. Сержант залпом допил пиво и, кивнув бармену, молча разглядывал девушку.

– Судя по твоему ошарашенному виду, сейчас мечтаешь,

как бы резво смыться? – весело произнесла девушка.

– Предварительно сломав тебе шею.

Бармен наострил уши, что не укрылось от Деланора.

– Сержант шутит, а ты не подслушивай! – гаркнула деваха на бармена.

– Вам уже хватит, я так понимаю? – невозмутимо произнес бармен, овладев собой.

– Еще чего! Повтори двойной.

И тут до Рости дошло. Да она была пьяная в хлам, хотя по внешнему виду и не скажешь – держалась уверенно, движения были точны. Станный народ женщины – Рости никогда их не понимал, да и не пытался.

– Ну, то что я сержант, ты поняла по нашивкам на куртке, а вот с чего ты взяла что я со сто тридцать восьмого и работаю с биокиберами?

– Легче легкого. Батальонов, работающих с черными ангелами в радиусе тысячи километров всего два. Спецмехпехи в городе в увольнительном могут быть с шестьдесят первого, либо со сто тридцать восьмого. Шестьдесят первый сейчас откомандирован в ЮАР, значит, выбор невелик. А увольнительная дается не просто так – бухающий сержант в центре большая редкость.

– Для городской шейли ты неплохо информирована. – прищурившись, произнес Рости.

– Думай с кем разговариваешь, сержант. Я тебе не эмка под пси, и молчать не буду....

– Ок, не молчи. – прервал Рости, улыбнувшись.

Девка впилась в него горящим взглядом.

– И сколько людей уже убил?

Деланор искренне удивился.

– Ни одного. О чем ты? Люди не убивают людей, мы не в двадцатом веке. Я–ясно, пойдем.

Сержант взял девушку под локоть и вывел из ресторана, подальше от услужливо подставленных ушей бармена. Ливень щедро окатил влагой две разгоряченные головы.

– Что ты творишь? Трезвей и не нервничай! – Деланор хорошенько встряхнул девушку. – Хочешь, чтобы ангел прилетел по твою душу?

Девушка засмеялась. Дождь щедро волнами окатывал людей на улице.

– Не беспокойся, я в порядке. Слегка перебрала. Спасибо, что вытащил на улицу. Тысячу лет не была под дождем.

Рости кисло смотрел на нее. Ну не так он планировал провести день. Не промокая под ливнем с пьяной девкой в центре города.

– Если я работаю с биокиберами, это не значит, что меня нужно ненавидеть....

– Я и не проявляла ненависти, остынь, сержант. – Прервала его девушка. – Мне сегодня много рассказали о черных ангелах, втором поколении форсированных эмпатов. Не хочешь узнать больше о своих сослуживцах? – спокойно, трезво и серьезно сказала девушка. – Пойдем назад, еще раз спа-

сибо.

Среди интенсивного движения на улице рядом лихо припарковался электромобиль с мигалкой. Из него вылез мужчина лет сорока.

– Сержант Эшли Салливан, молодые люди, предъявите доки.

Парень и девушка моментально вытащили свои документы – Рост закатал рукав и обнажил армейский браслет, а девушка достала карту идентификации личности из сумки. Считав информацию полицейским сканером, сержант кисло посмотрел на них.

– Сотрудник ресторана вызвал полицию. – было видно, что копу совершенно лень было ехать на вызов. – Потрудитесь внятно объясниться, как так получилось.

– О, сержант, все в полном порядке, просто мы внезапно решили выбежать и проветриться, к сожалению, никого не предупредив. Просто недоразумение. – опередила, открывшего было рот, спецназовца бойкая девчонка. – Ужас, как нелепо вышло....

– Угу. Потрудитесь вернуться внутрь. – кисло кивнул на ресторан сержант Эшли.

Внутри покрасневший бармен перекинулся парой фраз с копом, после чего девушка вежливо и лаконично объяснила в чем кто и конкретно не прав. Росту аж заслушался – девка умудрилась выставить все в свете, что неправы оказались сотрудники заведения, а когда она представилась Ели-

заветой Гранд, бармен и вовсе побледнел. Как оказалось впоследствии, заказы были за счет заведения, а Лиза за локоть споро вытащила Ростя на улицу.

Ливень кончился. Редкие капли дождя неожиданно шлепали в открытые части тела и Ростя невольно морщился, жалея, что на нем не боевое обмундирование, а легкая армейская куртка с нашивками. Девушке и того было хуже, с ее легкой гражданской курточкой.

– И что дальше? – поинтересовался Ростя.

– Да ничего. – ответила Лиза. – К тебе не поедем, в казармах не бухают, значит, ко мне. – И вызвала такси со смарта.

– С чего ты взяла, что я с тобой поеду. – слегка охреневая от происходящего, деланно возмутился Ростя.

– А у тебя есть выбор? Ну ладно, иди допивай увольнительную в одиночестве и без увлекательного разговора об интересных событиях последних лет, непосредственно связанных с твоей деятельностью. – иронично парировала Лиза. Ростя пожал плечами и утвердительно кивнул.

Подъехало такси и двое молодых людей нырнули из холодного климата осеннего города в теплое нутро электромобиля.

Вечер для Пола Янсена на этот раз начался не с выхода на смену в Центр, но парень по привычке стоял перед высоким зданием своей бывшей работы. Днем Пол отправил отказ от практики по электронной почте в кадровый отдел и

подмахнул своей электронной подписью присланный пакет документов о неразглашении. Стремительно темнело и ночной патруль биокиберов менялся с дневным, крылатые силуэты размыто мелькали в вышине.

Пол был хорошим программистом, и еще более лучшим инженером. Когда он выбирал профессию, хотел освоить нанотехнологии, но отец настоял на выборе компьютерной профессии. И сейчас у молодого специалиста совершенно не было желания проходить практику дальше.

Особенно в Центре.

Наступали выходные и ожидаемо на улицах было людно. На этот раз Пол внимательно присматривался к пестрым толпам на улицах. Это были не простые обычные люди, решившие прогуляться по вечернему городу в свободный вечер, а разномастный сброд. Молодежь, которой некуда было податься, верующие различных конфессий и просто бездомные. Последние чаще всего терлись у стоек терминалов оплаты, протягивая приближающимся людям мобильные считыватели мгновенной оплаты в надежде на мелкие подачки. Верующие тоже совали свои карманные терминалы, но чаще нараспев зазывали людей в свою религию. Подростки шатались под легальным пси и залипали в имплантатах.

– Есть ли в тебе вера, друг мой? – обратился к Полу почти в конце улицы один из верующих. По пояс голый, он почему-то не выглядел замерзшим. На его торсе слабо пульсировали светящиеся татуировки теологического толка.

– Нет. – коротко бросил Пол и ускорил шаг, покидая улицу. Оказавшись дома через полчаса, парень бросил взгляд на мерцающий экран смартфона. Звонил отец. Пол гипнотизировал экран взглядом, пока сигнал вызова не завершился. После чего включил компьютер и ткнул ярлычок мировой онлайн-игры, скачанной пару месяцев назад, твердо решив покинуть реальный мир посредством виртуального.

Рости пришлось ждать Лизу минут двадцать, пока девушка находилась в душе. Сержант молча разглядывал маленькое жилое помещение своей случайной знакомой. Стандартный кондоминиум в двенадцатиэтажном здании почти на окраине граничил с заброшенным в пятидесятых гетто мигрантов, которые нынче ютились в таких же крошечных квартирках с совмещенной кухней. Отдельными помещениями в таких кондоминиумах были только туалетные комнаты с душем. У Лизы было уютно, большую часть пространства занимала широкая кровать, в углу на большом журнальном столике мерцал индикатором спящего режима ноутбук не самой старой модели. На подоконнике валялся в полуразобранном состоянии операторский шлем с истертым логотипом телекомпании.

Лиза вернулась в компании бутылки вина, которую прихватила с кухонной секции, отгороженной от жилого пространства барной стойкой.

- С чего начнем? – задала девушка риторический вопрос.
- Твой дом, твои правила. Сразу в койку или сначала обе-

щанный рассказ под выпивку?

Гранд рассмеялась и протянула бутылку парню. Деланор сорвал крышку и наполнил протянутые Лизой бокалы.

– Проектом "СРВ" я заинтересовалась сразу же с шестидесят девятого года, когда взлетели первые черные ангелы. Тогда только ленивый не следил за событиями. Даже не представляешь, сколько за первые месяцы в сети появилось дезинформации о биокиберах. Я стала планомерно собирать информацию.

– Так и в чем подвох? – не выдержал сержант и перебил девушку.

Лиза укоризненно посмотрела на парня. Для нее кусочки мозаики были почти сложены в единое целое. Но передать в голову другого человека информацию, которую она собирала пять лет, ей казалось реальным. Гранд вздохнула и слегка изменила тактику.

– В самой сути черных ангелов. Зачем их создали?

– Ээ... Чтобы эффективно снизить зашкаливающий уровень преступности, конечно.

– Бред. Черные ангелы средство контроля за населением. Правительства не просто так вложили огромные средства в их разработку. Преступность лишь повод. – Рости снова открыл рот, чтобы возразить, но Лиза подняла вверх руку. – Да, фактор весомый, но вторичный. Посуди сам, после Точечной войны у государств не осталось как таковых рычагов давления на общественность, которая к тому же распо-

ясалась безнаказанностью. А чтобы удержать власть, правительства и пошли на внедрение проекта. Ник сегодня рассказал мне, что изначально проект был частным, созданный для развития технологий одним из богатых промышленников.

– Я не знал об этом.

Лиза улыбнулась.

– Правительство национализировало проект у этого бизнесмена. Разумеется, это преступление. И конечно же оно осталось безнаказанным. А теперь мы уже целых три года живем под прицелом неминуемой крылатой смерти. Сколько твоих сослуживцев погибло в результате убийств черными ангелами?

– Несколько. Не смогли контролировать ярость. – мрачно согласился сержант.

Лиза скорчила неодобрительную гримасу и передразнила.

– "Несколько". Да сотни, Рості. Не в твоём батальоне, конечно, а вообще. И тысячи людей погибли без вины. Я слышала краем уха, недавно чёрный ангел снова убил человека, девочку.

– Нам эту информацию не дают, у спецмехпехоты другая задача. Мы отправляемся на зачистку преступных группировок. Кстати, их почти не осталось.

– Цель оправдывает средства? Проснись, Рості, нас ведут в никуда. Ещё несколько лет такой жизни и миру реально наступит логичный конец. Это будет бойня.

– Ты слишком утрируешь. – Деланор снова наполнил опу-

стевшие бокалы вином. Лиза осушила свой почти в два глотка и глаза девушки заблестели.

– Хотелось бы мне ошибаться. Но, к сожалению, этот социальный кризис нам не преодолеть, и он нас всех сожрет. – Лиза смотрела на то, как Росту задумался и хищно улыбнулась, после чего схватила ноутбук. Каштановая копна распущенных волос вихрем взвилась при энергичных движениях девушки.

Деланор перестал сонно щуриться и внимательно наблюдал, как Гранд включает портативный компьютер и нетерпеливо стучит пальцами по сенсорной панельке.

– Я тебе сейчас покажу записи именно таких инцидентов.

Всю ночь они с Лизой пили и говорили, она знала очень много о биокиберах. Росту изумленно осознал, как рушился его слаженный мир, в котором было так много скрытого. Под утро Лиза затащила его в кровать, и он был удивлен еще не менее – казалось, что все женщины, с кем он был ранее, были холодными кусками льда по сравнению с ее неистовым огнем.

Яркие лучи рассвета освещали летящие силуэты биокиберов в предрассветной дымке.

Звонок смартфона прозвучал неожиданно. Макс нехотя оторвался от экрана и включил связь.

– Как отпуск, не соскучился по работе? – прошипел голос Ника. Был сильный фон от помех.

– Вполне хорошо отдыхал, пока ты не позвонил. – раздраженно отозвался Цербер. В полицейском управлении они со старшим специалистом технического отдела не часто контактировали. – Что, со скуки решил отвлечь?

– Не совсем. На старую восточную опербазу подъедешь? Дело есть.

– Зачем? – не нашел более сложного ответа лейтенант.

– Расскажу на месте.

– Вертишь что-то.... Через полчаса буду. И в твоих интересах, чтобы я не зря потратил энергию батарей машины.

Макс встал, размял затекшие суставы и наскоро умылся. Через пять минут уже завел машину. В дороге открыл потайной ящичек электрокара и оглядел стандартный армейский игольник, мощный парализатор ближнего действия, и "беретту сто три", тридцатых годов. Последнее оставил в ящике, неразрешенное огнестрельное оружие, найденное пять лет назад при рейде, лучше было вообще никому не светить. Бросив игольник в карман куртки, активировал ручное управление и через пару минут заехал в узкий квартал восточного района.

Старая оперативная база полиции представляла собой четвертый этаж неказистого небольшого здания и была покинута уже два года назад, когда в ней отпала всякая необходимость. Оперативные базы повсеместно отправили на консервацию после появления черных ангелов, в них было до черта так и не вывезенного оборудования, все было заперто

и под сигнализацией. Периодически частная охрана выезжала по сработавшим датчикам, привозила компании воришек, которых отпускали через сутки – вскрыть или вывезти материальные ценности они не успевали.

Макс вышел из электромобиля и, прислонившись к широкому крылу машины, закурил. Смартком пискнул сигналом, Цербер прочел сообщение и скривился. Неизвестный отправитель написал: "Поднимайся, мы наверху". Макс задрал голову и усмотрел недвижно застывший у стены здания гелиодрон – наверняка технарь его запустил, в старой оперативной базе они были.

Лифт мягко поднялся на четвертый и Макс вышел в тамбур с массивной дверью, которая тут же открылась, оттуда высунулся техник и кивнул внутрь. Лейтенант опустил руку в карман, сжал рукоятку парализатора и вошел в помещение.

Внутри были Ник и еще двое, долговязый парень и девушка. Парень в армейской одежде с сержантскими лычками, двухметровый, но не сильно широкий в плечах. Девушка, низкорослая для современных поколений молодежи, на вид плотно сложенная.

– Знакомься, Рост и Лиза. – коротко обронил Ник и уселся за компьютер.

– Что за непонятные движения, Ник? Ты уже пару законов нарушил. Я тебя и арестовать могу. – прогремел Макс.

Девушка нервно дернула плечами и грозно уставилась на Цербера.

– Не понимаю, что он....

Ник прервал ее.

– Это лейтенант Макс, в городе более известный как Цербер. – Ник устремил немигающий взгляд прямо на лейтенанта. – Макс, не кипи, все тебе расскажу последовательно. Если я не ошибаюсь, ты неистово желаешь посетить Центр?

– Ну, это ни для кого не секрет. – хмыкнул Макс, уже заинтересовавшись.

– Как и все мы здесь, разве что кроме Роста. Но он его посетить неофициально права не имеет, военная служба как никак. – усмехнулся старший техник.

Рост поморщился. При любом раскладе его ждал бы военный трибунал. Но если его участие будет косвенным, просто разжалование с арестом на пару недель. А при диверсионных действиях можно было и гражданство потерять. За прошлую ночь он кардинально пересмотрел свои взгляды на современный мир. Днем журналистка вытащила его в город и познакомила с Ником – полицейским старшим техническим специалистом, и они предложили ему рассказать о Центре. Знал он немного, но даже его скудные знания были им необходимы.

– Ник, я плохо тебя знаю. – кисло произнес Макс. – Но выслушать готов, хотя мне не нравится ваша хренова компания.

– На другое я и не рассчитывал. – Ник занялся компьютером, включив еще два экрана, немного разогнавших светом

сумрак помещения. – Дайте мне пару минут.

Макс вытащил сигареты и закурил, мрачно разглядывая собравшихся. Деланор с высоты своего длинного роста меланхолично смотрел сквозь крупного полицейского. Лиза вытащила бутылку воды и, свернув крышку, отпила из горлышка. Поморщившись от сигаретного дыма, девушка отошла к окну. События последних суток вызвали у нее сильный моральный и физический подъем. Поразительно, как много изменений может случиться в столь короткий отрезок времени. Еще позавчера она не подозревала, что найдет человека, который расскажет ей больше, чем она узнала за два года. Еще вчера она не подозревала, что встретит так необходимого ее тяжелому характеру невозмутимого мужчину. Еще утром она не подозревала, что будет участницей полноценного преступного сговора. Еще час назад она не осознавала всей картины происходящего, но теперь отступить назад было уже поздно. Она втянулась и теперь ожидала последствий совершенных ей действий, в любой момент готовясь либо уйти в тень, либо обнародовать всю известную информацию по всем доступным ей источникам.

Тем временем Цербер подошел к Нику, и с интересом заглянул в монитор.

– Очень серьезный объект, даже с учетом полученных данных. Это невозможно. – проговорил Ник. – На каждом этаже один или два живых человека, датчики объема, давления. На дверях замыкатели и замки с картами доступа. Хо-

рошо, что не стоят сканеры сетчатки. Я уж промолчу про кухню камер наблюдения. Как мы проникнем туда?

– Сложно, но можно. – мрачно сказал Макс. – Нужно будет нейтрализовать человека, следящего за камерами. У меня есть список мертвых зон, этим мы воспользуемся. Осталось только придумать, как войти в здание.

– Откуда ты его взял? – Заломил бровь Ник. Видимо, техник был удивлен.

– Оттуда. – резко отрезал Цербер.

– С учетом мертвых зон, только в периферии цокольных этажей. – невозмутимо произнес Рост, бесшумно оказавшись возле Ника и Макса.

– Разумеется, поближе к ключевым точкам. – произнес Макс.

Ник молча уставился в монитор, прокручивая схему здания и в конце концов остановил ее на одном сегменте:

– Здесь. Плюс я брошу туда незарегистрированный гелиодрон с подавлением. Идеально.

Макс поморщился. Ник ему очень не нравился, но цель была слишком ценной.

– Значит, там я и пройду.

С мягким щелчком закрылась дверь. Рост и Лиза почти незаметно ушли. Макс даже удивился, обнаружив, что они уже исчезли. Ник пожал плечами.

– Надо было блокировать помещение. – зло бросил Цербер. – Раз их здесь нет, скажи мне: тебе то это все зачем? Сам

же понимаешь, я тебе верю не больше, чем предвыборным обещаниям правительства.

На лице старшего технического специалиста полиции не дрогнул ни один мускул.

– У меня свои цели. Если они совпадают, и мы можем друг другу помочь, разве так важно, у кого какой мотив?

Цербер придвинулся вплотную к Нику.

– Я пристрелю тебя, если все это окажется провокацией или иного толка подставой.

– Верю. – Ник был удивительно спокоен.

Через час двое полицейских покинули здание старую оперативную базу. Ночь над городом бескомпромиссно вступила в свои права.

Макс открыл окно, спрыгнул на покрытый плиткой пол и вздрогнул. Прямо перед ним стоял безопасник и спокойно наблюдал за Максом.

– И что это значит? – спросил он.

Макс вскинул парализатор и выстрелил. Парень рванулся на него. Заряд попал ему в грудь, но не остановил его. Завязалась драка. Цербер, имея за спиной восемь лет бокса, начал уже через минуту выдыхаться – парень был стремителен и невероятно силен. Извернувшись и схватив безопасника в охапку, Макс швырнул из всех сил тело в стену. По идее, у парня должен был быть сломан десяток костей, после такого полета, но он как ни в чем ни бывало поднялся, и вновь

ринулся вперед.

Макс готов был спорить хоть на что – его противником был черный ангел, но без крыльев. И победить был единственный шанс.

Макс *психанул*

Безопасник надломился в движении и рухнул на колени, схватившись за голову руками. Макс прыжком очутился возле него и, выхватив игольник, вогнал лошадиную дозу снотворного между лопаток.

Быстро обыскав спящего парня, Макс вытащил у него из кармана карту доступа и мышью шмыгнул в контрольную комнату. Она оказалась пуста. Вытащив из кармана плоскую коробочку робота взломщика, которой его снабдил Ник, подсоединил к компьютерам. Робот зашуршал коннекторами и быстро вырубил датчики объема на пути следования и полицейский тенью растворился в сумраке коридоров здания. Тень двигалась в полумраке анфилад Центра. Путь Цербера лежал на административные пятнадцатый, и шестнадцатый этажи.

Пятнадцатый был закрыт наглухо, путь преграждала дверь с кодом. Она была на плане, но не было указано, что была кодировка, Рост мог этого и не знать. Макс прокрался на шестнадцатый этаж и довольно улыбнулся – коридор был залит мягким освещением и простые двери были оснащены только замыкателями и простыми замками. Осмотрев первые две комнаты, полицейский не нашел ничего суще-

ственного, кроме одного заблокированного компьютерного терминала. Вздохнул, Макс направился к третьему помещению.

Дверь была не заперта и открылась практически бесшумно. Не слишком просторный рабочий кабинет, в нем был один человек, работал за компьютером. Цербер не сразу узнал его. Смутно знакомые черты лица и потом Лидеринга осенило – он видел ранее мельком его в компании с Рафаэлем Андерсоном, перед ним был ведущий ученый проекта.

– Эндрэй Поланский. Вот так встреча.

Ученый внимательно разглядывал гостя. За просторным окном, забранным светоотражающей поверхностью про-скальзывали редкие ночные блики. Свет в рабочем кабинете Поланского был приглушен, лишь над компьютером крутился робот с мощной лампой освещения.

– Чем обязан? Сейчас три часа ночи – не время для посещений. – наконец произнес Эндрэй.

Цербер достал пистолет. Магистр недоуменно посмотрел на него.

– Мне нужна вся информация о черных ангелах.

– Зачем?

– Без вопросов, Поланский. – Макс бросил на черный офисный стол инфоноситель.

Ученый вздохнул, но даже не шевельнулся.

– Ты все знаешь. Политики рассекретили проект уже давно. Если тебя интересуют технологии и разработки, то у

меня их нет, доступ к ним строго ограничен. Над информационной безопасностью работают лучшие специалисты. – взгляд ученого устремился на стену, где на голографическом экране он улыбался в камеру вместе с Александром Колибри, бывшим координатором проекта. Рядом висела еще одна голограмма женщины.

Макс внимательно слушал, медленно перемещаясь налево от двери, чтобы держать под прицелом вход и ученого. А Поланский продолжал.

– Я работаю над ангелами с шестидесятих годов, ты же не думаешь, что я работал над проектом один и имел полный доступ? Кто же даст его простому ученому. Это грандиозный прорыв в эволюции для всего разумного человечества. Не столько важными могут показаться достижения микробиологии и нанотехники, сколько успехи в понимании механики психики человека....

– Ты сделал людей рабами. – процедил сквозь зубы Макс.

– Я спас человечество от гибели. – Поланский даже вскочил. – Следующую войну, после Точечной, мы бы не пережили. Мы с тобой дети, рожденные и воспитанные самым аморальным поколением тысячелетия. И мы, пережитки давно мертвого прошлого, на самом расцвете жизни и свободы, ощутили страх, который нас остановил от тотального уничтожения. И наши дети будут умнее и совершеннее, потому что они знают, что такое страх. И умеют не ошибаться – потому что ошибка фатальна. Может быть, я даже тот человек,

который вернул людям человечность.

– Ты, кажется, ненавидишь людей. – медленно произнес Макс.

Поланский молчал. Потом шумно выдохнул.

– Даже если и так – прошлого не вернуть. Я всегда верил в технологический прогресс. Люди для меня – ничто. Меня интересуют глобальные проблемы, а не мышьяная возня. Семья, дети, рай в шалаше, домашний уют, светлые дома, в которых есть все – далеко ли вы ушли от животных? Люди двадцатого века верили, что человек создан, чтобы править вселенной, зажигать и гасить звезды, а не копать в грязи и прыгать с ветки на ветку. – ученый загадочно улыбнулся. – Обеспеченность жизни в двадцать первом ближе всех вернула человечество к примитивным базовым инстинктам.

– Без детей не будет продолжения рода... человечества. – парировал Макс.

Ученый снова улыбнулся, точнее скривился.

– Рано или поздно я, или такие как я, решим и этот вопрос. Уже никогда не остановить просвещение, промышленность, глобальную экономику и весь технологический прогресс. Это пресловутая технологическая сингулярность. Не такая, какой ее представляли фантасты и глобалисты. Но она здесь – и сейчас. Ты ненавидишь черных ангелов не за то, что они убивают людей. Ты в гневе, что они это делают лучше и правильнее, чем ты, коп. Они не ошибаются, благодаря форсированию мозга. Они по-настоящему творят право-

судие, которое так необходимо именно сейчас, когда нужен точный хирургический надрез, вместо ампутации. Научно-технический прогресс – это причина и сила эволюции нашей цивилизации.

– Человеческий фактор тоже не остановить. – Макс не успел продолжить.

Дверь распахнулась от мощного пинка. На пороге стоял парень безопасник из подвала, которого Макс усыпил. Дозы снотворного из игольника должно было хватить на два часа сна минимум.

– Стой. – негромко, но отчетливо произнес Поланский. Замер и Макс, уже почти нажавший на курок.

– Кто он?

– Первое поколение форсированных эмпатов. Их не выпускали на улицы, и крыльев у них нет, как у второго поколения. Тогда мы еще не приступили к выпуску производственных моделей. Он один из последних оставшихся в живых от первого поколения. Плюс у него нет дикого износа организма, как у всех. Поэтому и держу его близко к себе.

– Меня уже тошнит от экспериментов, анализов и прочего. – произнес парень флегматично. – Какие будут указания?

– А еще эмпат. – усмехнулся Поланский. – Жди здесь.

Макс опустил пистолет. Наверняка у первого поколения была развита регенерация и пули не причинили бы урона парню.

Эндрэй и Макс сверлили друг друга взглядами.

– Нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц. Так же и у людей – но лучше пустить немного крови, чем позже увидеть кровавые реки.

– И они – Макс кивнул на замершего у дверей безопасника. – Будут жить в этом мире? А мы выйдем, как неандертальцы?

– Они всего лишь инструмент для полировки общества. И, если ты видел статистику, то ты должен заметить разницу. Раньше люди ненавидели и боялись полицию, теперь ненавидят и боятся черных ангелов. Люди ненавидят и боятся друг друга, а когда появляется кто-то сильный и страшный – люди объединяются. Это заложено в нашей психологии и нашем подсознании.

– Ты прав насчет людей, Поланский. А кого боятся они? Задумайся над этим. Я ухожу.

Эндрэй кивнул.

– Проводи лейтенанта.

Макс и безопасник покинули кабинет. Ученый достал смартфон, набрал абонента и заговорил.

– Это Поланский. Пересылаю запись инцидента. – подошел к окну и посмотрел на город. – На ваше усмотрение.

Над городом зажигался рассвет. Ночные тени уступали места солнечному свету и уходили. Легкая осенняя дымка скрывала туманом очертания высотных зданий. Менялись рабочие смены в Центре, люди уходили домой или возвраща-

лись с ночного дежурства. Взлетел дневной патруль черных ангелов. Полтора десятка размытых теней бесшумно разрезали утренний воздух широкими крыльями и разлетаясь по секторам патрулирования пробуждающегося города.

Эндрэй вышел из здания Центра, сел в служебную машину и уехал. Смотря в окно электромобиля, тридцатипятилетний ученый обдумывал свои проекты и совершенно не думал о ночном госте. Активировал смартфон и просмотрел статистику за сутки: пять инцидентов, шесть пресечений. Нахмурился и бросил смартфон на сидение. Ученый вспоминал, как начинал работать в проекте. И о том, сколько жизней уже забрал проект, но Поланский не испытывал страха или ненависти. Просто вспоминал.

Макс оставил снаряжение у Ника, хлопнул коллегу по плечу, переоделся и вышел из старой оперативной базы. Полицейский не успел выйти из электромобиля, как три человека в штатском задержали полицейского лейтенанта. После недолгой возни, во время которой Цербер мощными ударами свернул одному челюсть и сломал ребро другому, аккуратно и жестко усадили в широкий электрофургон с правительственными номерами, который умчал сразу же в неизвестном направлении.

Рафаэль летел в первом классе пассажирского авиалайнера в столицу. На защищенном инфоносителе координатор проекта "СРВ" вез с собой множество отчетов и кучу секретной информации. В столице его ждали две встречи: офици-

альная правительственная комиссия и неофициальный разговор с Джеймсом. Координатор немного нервничал и часто прикладывался к дорогой фляжке с забористым виски, уснув под конец полета под действием алкоголя.

Рост и Лиза уезжали. Отправив по рабочим места заявления о расторжении контрактов, заняли места в турбопоезде и неслись вглубь континента. На персональном компьютере Лизы хранились файлы и программа с кодировкой на всеобщее распространение, если не активировать отзыв раз в сутки. Девушка была напугана, зная множество историй о простых людях, перешедших дорогу могущественным организациям. Печальных историй с печальным концом.

Ник исчез. Оперативники в штатском не обнаружили его нигде, человек просто растворился. В расследовании, инициированном сразу, начали выясняться факты, что биография человека по имени Ник, старшего технического специалиста полиции, в основном была фикцией, искусной подделкой высшего качества. На большом северном острове одна из правительственных служб безопасности начала полномасштабное расследование в государственных интересах.

Нэнси спала. Девушке снилась, как она летит высоко над городом и рядом с ней парит черный ангел. Во сне у девушки руки биокибера не были заняты оружием, а держали ее ладонь. Полет во сне был безмятежным и когда Нэнси проснулась от ярких лучей предрассветного солнца, еще долгое время нежилась в кровати, не желая отпускать сонное

состояние и выходить из комнаты на вкусные запахи приготовленного Литой завтрака.

Черный ангел с порядковым номером триста сорок два прошел проверку после дежурства, занял свое место в келье и закрыл глаза. Неясные картины пронеслись в перестроенном биотехнологиями мозге через несколько минут и сознание угасло. Форсированный киборг уснул в ожидании нового задания.

Страх рождает верность

Три десятилетия до Великого Кризиса две тысячи восьмого года человечество совершало рывок. Реальная мировая производительность труда выросла за эти три десятка лет больше, чем за предыдущие два тысячелетия. Геометрическая прогрессия технологических открытий, глобализация мировой экономики, экономический либерализм, современная финансовая система – это следствие развития науки, экономики и технологий, включая, кстати, и технологии управления.

В конце девяностых годов двадцатого века технологический прогресс перешел из фазы "прорыва" в фазу "консолидации", перестав генерировать новые фундаментальные открытия, и начал реализовывать фундаментальную науку в прикладной сфере, спровоцировав как раз процессы глобализации.

Технологический рост, опирающийся на экономические, финансовые и политические инструменты, породил иллюзию бесконечности роста мировой производительности труда, что для финансовых рынков вылилось в удешевление денег, раздувание пузырей активов и паевых фондов, экспоненциальный рост кредитования.

Замедление технологического прогресса привело к стаг-

нации роста производительности труда в мире в начале нового тысячелетия, что и привело к следующим друг за другом экономическим кризисам, что порождало социальную разобщенность населения всех стран. Так началась великая рецессия, которую более половины населения планеты не признавало от слова совсем.

Войны, начала которой боялась большая часть общества, не случилось. Ни простой, ни ядерной. Набатом прокатилась совокупность спецопераций, восстаний, террористических актов, взрывов густонаселенных мегаполисов третьего мира и крошечных войн, получившая в истории обозначение "точечная война", вконец завершившая все глобальные военные конфликты. Мировые супердержавы судорожно обороняли свои границы, оставшись без инструмента зомбирования общественности политическими интригами и маленькими победоносными войнами. Сложно запутанная внешняя политика сверхдержав выливалась в новые волны экономических и промышленных кризисов, которые снова били в основном по простому населению. Но общая доступность информации, вопреки возводимым ограничениям доступа, диктовала новые условия политических игр. Вырастающие одни за другими стены информационных блокировок сокрушались столь же эпично, как и строились. Миллионы разорялись и богатели за считанные секунды. Настала настоящая экономическая, политическая и технологическая анархия. И тысячи тайных спецопераций, все больше проходивших в

Сети. Но, вопреки прогнозам циников и скептиков глобальная рецессия во всех сферах не наступала. Возможно, человечество отрезвило массовое затопление прибрежных частей суши – последствия глобального потепления, омрачившие сороковые годы двадцать первого века.

Перспективные разработки нанотехнологий, информационных технологий, кибернетики, биотехнологий и вновь ускорившийся технологический прогресс позволили к две тысячи пятидесятому году совершить несколько фундаментальных прорывов. В области искусственного интеллекта многое осталось на той же стадии, что и десятилетия назад – технологические мозги умнели с каждым годом, но не обретали сознание, как ни старались ученые. Слухи о создании полноценного искусственного интеллекта появлялись с завидной постоянностью, но все оказывались фикцией. Мировые сети все мощнее опутывали планету своей паутиной. Информация стала доступной настолько, насколько это вообще возможно.

А в области нанотехнологий и биотехнологий зрел прорыв и первый постчеловек, с измененным геномом, открыл глаза в две тысячи пятьдесят седьмом году, после пары неожиданных открытий в области биотехнологий. И как всегда было с научными открытиями, проект был взят под контроль правительства. В то время у правительства была одна большая проблема – охрана правопорядка. Увеличение штата работников полиции и ее реорганизация только на криминальную

сферу, усовершенствование амуниции и улучшение профессиональной подготовки давали слишком мало результатов. Преступления совершались все чаще, в том числе и сотрудниками правопорядка. Роботизация подразделений провалилась с треском и грохотом – автономные машины не шли ни в какое сравнение с изощренностью человеческого интеллекта в плане деструкции. Люди цивилизованных стран не знали проблем почти ни в чем – достижения цивилизации позволяли каждому вести достойную жизнь, что породило реальную транснациональность по всем крупным городам. Но моральный вопрос с каждым годом все более обострялся – люди были жадны, пассивны, эгоистичны и озлоблены. Демократия и гражданская свобода породили бесстрашное общество, которое цинично пожирало само себя, причем неистово сопротивляясь любому силовому вмешательству, в память об ужасах Точечной войны. Полиции оставалось лишь констатировать статистику преступлений и предотвращения случались редко. Одна из сверхдержав отменила закон о свободе личности и правах человека. Страну за полгода разорвало на куски – восстания, комендантский час, военное положение, хаос и гражданская революция, бескровная правда, оставившая от страны различные по площади и населению кусочки.

Нужен был другой подход – более мягкий с одной стороны и более жестокий с другой. Люди не боялись ничего – и кто-то из аналитиков в государственном аппарате предположил,

что нужен страх. Правительство увидело в этом шанс на исправление ситуации и национализировало один из перспективных проектов.

В лабораториях закипела работа. Ученые с помощью нанотехнологий и биотехнологий пытались создать существо с форсированной психикой, способное на большом расстоянии "учуять", что человек задумал преступление. Упор был сделан на сильное восприятие эмоций, и в основном работа велась над мозгом. Совместными усилиями большой группы ученых был разработан нейросинаптический метод. Прототип был создан очень быстро – и через два часа покончил с собой, не выдержав окружающего эмоционального фона. Возникла проблема – технологии позволяли увеличить восприятие, но не могли оградить носителя от последствий этого восприятия. Подвалы центра научных разработок наполнились одиночными камерами с подопытными, бьющимися в припадках и пускающих пену.

Решение пришло случайно – очередной эксперимент по форсированию восприятия ставился на человеке, прошедшем клиническую смерть и находящимся в коме. К удивлению ученых он открыл глаза и был спокоен. Тесты показали, что его эмоциональное восприятие увеличилось в десятки раз. Он чувствовал эмоции окружающих людей, и они не убивали его разум. Любая сильная эмоция причиняла ему сильный дискомфорт – но эта была уже победа. Остальное было делом техники.

Инициализация убивала разум примерно семьдесят процентов подопытных. Зато остальные тридцать чувствовали себя в пределах нормы – но для них это было лишь началом новых адских мук. Отсев шел пятьдесят на пятьдесят. Половина реагировала на негативные эмоции, другая на эмоции радости. Судьба последних была неизвестной – скорее всего их уничтожали. Безумный гений ученых принялся за работу – подкожная броня, регенерация, мышечная акселерация, огромное количество вживленных в тело систем делало их готовыми к любому бою.

Второму поколению дали крылья, и после этого правительство наложило мораторий на дальнейшее усовершенствование. Представленный комиссии в две тысячи шестьдесят девятом году производственный прототип разорвал голыми руками десяток боевых роботов и взвод кибернетического спецназа, вооруженный по последнему слову техники. Цель была достигнута – ужас во плоти был создан.

Один из ученых еще тогда метко сказал, что они создали черных ангелов. Люди так их и прозвали.

Первое подразделение форсированных эмпатов было выпущено на улицы небольшого полумиллионного городка и в первую же ночь уничтожило несколько тысяч людей. Черные ангелы врываются в дома и сворачивали шеи садистам, издевавшихся над своими родственниками. Обрушивались с крыш и отрывали конечности насильникам. Врезались в перестрелки банд и, получая смертельные очереди пуль, уни-

что жали бандитов десятками.

Утром удивленные люди увидели на улицах крылатых людей, затянутых в черные боевые комбинезоны. Удивление быстро сменилось ужасом – ведь преступления совершались и днем. Крик в переулке – и стремительное существо, развернув широкие крылья, несется к источнику. Потом раздавался душераздирающий короткий крик и треск БиоАннигилятора. Еще страшнее было, когда они бросались на людей, которые еще ничего не совершили, но были готовы – и действительно спасали жертв. Ужас был настолько велик, что люди даже не подняли бунта. Вялая вечерняя демонстрация разбежалась сама, увидев летящую по темнеющему небу фигуру.

За три дня было предотвращено множество убийств, изнасилований и грабежей. Или же страшное возмездие настигало преступников во время совершения. Город замер от ужаса на неделю, но вскоре вернулся к нормальной жизни. Но жизнь уже была другой.

Через два месяца правительству был предоставлен доклад, и цифры приятно удивили чиновников. Проект был одобрен и запущен в массовое применение. Оборзевшее от вседозволенности общество получило так необходимый ему страх. Черными ангелами пугали детей. Они стали проклятием в обществе. Но кто-то должен был нести эту ношу во благо человечества и нового мира.

А их вооружили. Дали экспериментальное оружие Биоло-

гической Аннигиляции – БАны и огнестрельное оружие. Если с огнестрельным вооружением было все понятно, то тяжелые излучатели предназначались для устрашения. Автоматический шестидесяти зарядный карабин–автомат, встроенный в лучевую кость левой руки не был исключением – на поясе у каждого ангела висел сорока зарядный пистолет–пулемет. Единицы получили полутораметровое лезвие – видать, это была чья–то злая шутка. Двуручный титаново–стальной клинок был выкрашен воронено–черным, лишь лезвие отливало бликами безукоризненной заточки. Нейронные генераторы подавления для взаимодействия с большими массами людей. Правительство бросило черных ангелов в вековые междоусобные войны кланов стран третьего мира, где еще продолжались военные действия, несмотря на последствия Точечной войны. И вековое кровопролитие было завершено за несколько дней навсегда.

Они появились в столице, и о них заговорил весь мир. Другие страны обвинили державу в геноциде – обвинение было проигнорировано. За полгода черные ангелы сделали то, с чем безуспешно боролась полиция сотню лет. Полиция теперь полностью занималась бумажной работой и не было никакого смысла в физическом или психологическом давлении на допросах. В камеру к потенциальному преступнику просто на пятнадцать минут запускали черного ангела, и преступник тихим голосом рассказывал все, не в силах противостоять ужасу перед форсированным эмпатом. Или же

подозрение снималось, если он был невиновен. Закон и Правосудие обрели новое значение. И крылья. Год спустя черные ангелы были во всех крупных городах планеты.

Психологически человечество не было готово к кардинальным изменениям и впервые в истории ученые дали пинка развитию цивилизации. Кибернетика, биоэлектроника, нанотехнологии, психотроника и ренессанс евгенетики в умелых руках сотворили воистину шедевр без помощи медленной старушки эволюции. Но даже средние умы понимали прекрасно – шедевру не было места в дальнейшей истории человечества. Человечество лишь получило утерянный в средневековье страх перед хлещущим кровью правосудием, которое в начале двадцать первого века наблюдало лишь на экранах.

Шел две тысячи семьдесят пятый год.

Пятнадцать лет назад. Две тысячи шестидесятый год.

Боль от удара была сильной, и парень зашатался, уходя в оборонительную позицию. Не получилось, сбили с ног. Пара пинков, крики, кто-то помог встать – парень сплюнул кровавый сгусток. Рядом стоящая стена кампуса расплывалась в очертаниях, избитый прикрыл глаза, восстанавливая зрение.

– Уб-блюдки...

– Эндрэй, ты как?

Парень открыл глаза. Правый не особо захотел открываться, назавтра вполне обещавший вспухнуть роскошным синя-

КОМ.

– Да нормально, наверное, сам скажи.

Вопрос был скорее риторический.

– Го в лабу, подлатаем.

Эндрэй кивнул. Чертова шпана с района – этих восточников ничего не уймет, им плевать на все, включая полицию. Эндрэй знал, что бесполезно обращаться в университетское и, тем более, городское управление копов. Они и так по горло заняты горами дел по убийствам, изнасилованиям и прочей преступной деятельностью, творимой национальными меньшинствами, сексуальными меньшинствами, гендерными меньшинствами и хрен–знает–еще–какими меньшинствами – лишь бы попасть под закон о нарушении прав человека, чтобы не угодить за решетку и не лишиться обязательного государственного дохода.

Под такие сумбурные мысли и дошли до университетской лаборатории – благо у студента был ключ, а внутри имелось достаточно медицинской техники и материала, чтобы даже наскоро конечность человеку пришить. Однокурсник Эндрэя споро распаковал аптечку и оказал первую медицинскую помощь.

– Спасибо, Инсар.

– Да, чинить тебя в последнее время уже становится еженедельной обязанностью. Не нарывался бы ты так.

– Это их проблема, не моя. – зло отрезал Эндрэй.

– Ладно. Мне бежать пора.

Инсар собрал аптечку и вышел из лаборатории. Эндрэй вздохнул и расслабился в мягком старомодном кресле на колесиках. Будучи ярко выраженным интровертом, при наличии людей в одном помещении был собран и серьезен и, лишь оставаясь один, мог позволить себе расслабиться полностью. Двадцати трех летний, уже действительный магистр нанотехнологии Эндрэй Поланский получал второе высшее образование в области биотехнологии. Среднего роста, легкого телосложения, он скорее походил на семнадцатилетнего студента–первокурсника, за что был частенько бит бандами, в изобилии водившимися вокруг университетского городка небольшой европейской страны. Обычный – а в те времена второй половины пятидесятых – весьма необычный видок ботаника–заучки накладывал неизгладимый стереотип на хилого студента, которому было положить на все, кроме знаний и любви к плаванию. В подростковом возрасте Эндрэй, как и все мальчишки, интересовался противоположным полом, но почитав соответствующую литературу, мудро решил отложить вопрос личной жизни по крайней мере до завершения образования.

На выходе из лаборатории, студент практически столкнулся с деканом факультета биотехнологии Заславским – удивительно, что преподаватель был в университете в столь поздний час. Декан невозмутимо отошел на шаг, избежав столкновения со студентом и обратился к молодому человеку.

– Так и думал, что найду тебя здесь. Ты не отвечал на связь, Эндрэй.

– Смарт сломался.

Заславский хмыкнул, критически оглядев студента с со следами обработки ссадин и тщательно замазанный, почти незаметный синяк на лице.

– Могу предположить, при каких обстоятельствах. В полицию обращался?

– А толку? – развел руками Поланский.

– Понимаю. Вернись в лабораторию.

Студент покорно развернулся и вошел в помещение, декан прошел следом. Мягкое освещение включилось автоматически. Преподаватель уселся в кресло и приподнял двумя пальцами разбитый и разобраный смарт.

– Дешевое фуфло, мог даже и не пытаться починить, заказал бы себе уже неубиваемый подороже.

– Откуда у студентов деньги. – улыбнулся Поланский.

Декан не отреагировал на избитую древнюю шутку и размял затекшую кисть руки.

– Я тебя искал, потому что меня попросили найти хорошего биотехнолога. Без вариантов – я сразу подумал, что твоя кандидатура идеальна.

– Работа? – удивился Эндрэй. – Я же еще учусь.

Декан усмехнулся.

– Знаний у тебя предостаточно. Не думаю, что будет проблемно совмещать.

– Времени не так и много... – парировал Эндрэй, но Заславский его прервал.

– Не наваливай. Заняться тебе кроме учебы нечем, с молодежью ты не зависаешь, семьи у тебя нет. Или я чего-то не знаю? В любом случае, согласиться или отказаться успеешь всегда.

– Скорее всего откажусь.

– Но предложение выслушаешь? – с улыбкой резюмировал Заславский. Декан биотехнологического факультета был мужиком рассудительным и умным, студенты поумнее его уважали, поглупее побаивались. К пришедшим отсиживать лекции в ожидании диплома и распределения, Заславский был безжалостен, за что постоянно получал выговоры от начальства, на которые ему было, по-видимому, плевать. Эндрэй быстро нашел общий язык с деканом, показав, что пришел в университет за знаниями. В течение года декан и студент прониклись друг к другу профессиональным уважением, и научный руководитель доверил Эндрэю неограниченный доступ в лабораторию в любое время. Поэтому Поланский сухо кивнул, и декан сразу достал смарт и быстро написал пару сообщений.

– Это проект одного моего старого знакомого, Александра Колибри. Он снова набирает кадровый резерв, каждый раз при этом связывается со мной. Работа серьезная, под правительственной юрисдикцией. И не беспокойся насчет учебы, времени тебе хватит и на работу, и на обучение. Сам пони-

маешь, там и деньги будут хорошие. Встретишься с Александром Колибри через час. Они пришлют транспорт через несколько минут. Пойдем.

Эндрэй вежливо пропустил декана на выход первым и запер лабораторию. Обернувшись, удивился: Заславский направился не к лифтам, а к лестничной клетке. Проследовав за деканом, Поланский поднялся за ним на крышу. Несмотря на мягкий европейский климат, ветер порывами трепал легкую одежду людей и вскоре усилился – на стартовую площадку университетского здания приземлился Эм–Ай–39, гибридный аэротранспорт. Эндрэй вопросительно посмотрел на Заславского, тот махнул рукой и прокричал сквозь вой двигателя: "Удачи", удаляясь к выходу.

Поланский пригнулся и вошел по трапу, вертикальная дверь закрылась. Внутри, помимо пилота, находился еще один человек в серой полетной униформе, он показал Эндрэю на пассажирское кресло и жестами приказал пристегнуться, протянув наушники.

Транспорт вертикально набрал высоту и стремительно набрал скорость, вгрызаясь двигателями в начавшее вечереть небо. Внизу проносились разбросанные по местности строения, узнаваемые завитки фрактальных радаров – воздушный транспорт вопреки предсказаниям недоброжелателей использовался все шире, используя созданную в пятидесятых сеть новейших средств коммуникации.

Под мерный рокот двигателя аэротранспорта парень за-

дремал.

Сегодня Александр работал допоздна. После десяти вечера было запланировано еще две встречи, одна с молодым ученым с кафедры биотехнологии Заславского и вторая с профессором из старейшего института на континенте. Александр склонялся ко второму варианту, но будучи человеком широкого кругозора, собирался также внимательно рассмотреть и первого кандидата. Тем более рекомендованного деканом Заславским, которого Колибри давно хотел завербовать.

Начальник правительственного специального отдела обустроил себе офис прямо в здании лаборатории – большого научного комплекса зданий вдали от населенных пунктов, которые были повсюду в этой части земного шара. Удаленность имела также и практический эффект, охранять такой большой и серьезный массив зданий было не в пример проще. Александр тут практически жил, изредка на выходные выбираясь в город, к семье. Имея в распоряжении дополнительное время, начальник отдела также сам отбирал сотрудников на ключевые должности, презирая топорную работу кадровых специалистов, которым оставил лишь вопросы набора низкоквалифицированного персонала.

В пятьдесят седьмом году весьма посредственный биотехнолог Александр Колибри работал в крупной и хорошо обеспеченной частной лаборатории, лишь благодаря сво-

им коммуникативным и административным навыкам устранивая богатого инвестора. Лаборатория занималась, в основном, работами над геномом человека и прикладными биотехнологиями. Когда один из сотрудников случайно открыл способ нейросинаптического форсирования, был проведен нелегальный эксперимент на человеке. И, как нетрудно догадаться, все сотрудники лаборатории уже через несколько часов были прижаты лицами в пол. Взывший штурмом лабораторию правительственный спецназ растащил пленных ученых по отдельным комнатам и в них серьезные дяди имели содержательный разговор с обделавшимися от страха научными сотрудниками. Колибри, сразу понявший, что отмалчиваться или отпираться нет никакого смысла, сдал всю информацию подчистую и был удивлен, получив предложение о сотрудничестве. Посчитав, что исчезать в застенках правительственных закрытых тюрем несколько нелогично, Александр согласился и стал работать на правительство, аннексировавшее проект. Инвестор, поняв, что его обокрали, ничего не мог сделать, потеряв и людей, и лабораторию, и вложенные средства.

Интерком возвестил о прибытии кандидата, Александр закрыл рабочие программы на компьютере и просмотрел входящие сообщения. Недовольно цокнул языком – светило науки и студент прибыли одновременно. Охрана уже препроводила двух научных сотрудников в большое фойе внутреннего комплекса, где они в данный момент ожидали, ко-

гда их примут. Начальник вывел изображение с камеры видеонаблюдения на экран и погрузился в раздумья, созерцая людей.

Профессор Томас Фишер еще раз сумрачно оглядел помятого юнца, с интересом разглядывающего помещение, и посмотрел на часы в очередной раз. Он выбрался из университета пораньше ради этой встречи и не хотел терять время, околавываясь в приемной после долгих процедур доступа на этот столь хорошо охраняемый лабораторный комплекс. Томас был человеком действия и способность ожидать давно уже не входила в список его активных навыков.

Студент Эндрэй Поланский заинтересовался нанотехнологической стеной в фойе. Слегка меняющая цветовую гамму и мерцание, стена была вся сделана из миллионов наноэлементов. Судя по всему, она имела какое-то практическое применение, но сейчас либо была выключена, либо требовался специальный интерфейс для взаимодействия. Эндрэй учился в ИПТ пять лет, выбрав своей специализацией нанотехнологии, и его поразил размах проделанной работы – над этим здесь явно трудился не один человек, и нанотехнолог уважительно разглядывал передовое инновационное творение.

Автоматические двери из глубин лабораторного комплекса разошлись и выпустили в фойе человека. Фишер и Поланский одновременно повернулись к нему.

– Добрый день. – по приветствовал ученых человек. – То-

мас, рад что ты приехал. Меня зовут Александр Колибри, вас, я так понимаю, Эндрэй Поланский.

– Именно так. – отозвался Эндрэй.

– Рад видеть, Александр. Как видишь, я смог приехать раньше, и, как видимо, не зря. – Фишер недвусмысленно намекал на присутствие студента в помещении. – Побеседуем у тебя в кабинете?

Александр коротко кивнул:

– Одну минуту. – и подошел к Поланскому, протянув ему маленькую черную коробочку. Эндрэй взял ее и раскрыл. Внутри находились две колбочки с линзами, но не простыми. Эти контактные линзы очень похожи на обычные, однако, они состояли из нескольких сотен микроскопических лазеров наряду с микро–зеркалами, которые передавали изображение в высоком разрешении на сетчатку. Очень полезная и дорогая вещь, плод разработок технологий последних лет.

– А вот и интерфейс для стены. – Эндрэй кивнул на мерцающих нанороботов. – Я так понимаю передача двухсторонняя – прием информации и управление зрачками, даже если глаза будут закрыты.

Александр Колибри удивленно воззрился на паренька. Заславский, конечно же не упомянул, что студент разбирается в нанотехнологиях. Видя удивление Александра, Эндрэй слегка улыбнулся.

– Я магистр нанотехнологии, вам, наверное, не сказали.

– Да. Значит, разберетесь. Я оставляю вас ненадолго.

И Александр повернулся к внимательно наблюдавшему за ними Фишеру. Протянув руку, пропустил профессора вперед, вглубь лабораторного комплекса. Томас сухо кивнул и скрылся в проеме, перед тем, как пройти за ним, Александр Колибри обернулся – Эндрэй Поланский был всецело заинтересован нанотехнологичной стеной.

Томас Фишер укоризненно оглядел офис начальника лаборатории – профессор ожидал от помещения более изысканной, дорогой обстановки, а не угла с рабочим столом и компьютером с интеркомом. Александр Колибри несколько не смутился реакцией именитого профессора, и указал на простой офисный стул в углу закутка.

– Как дела твои в университете?

Томас оживился.

– О, прекрасно. Работаем сразу в нескольких перспективных направлениях: от управления микрофауной, до реструктуризации выживания крупных биовидов.

– Прекрасно. – улыбнулся Александр, видя профессора насквозь. Старый ученый явно блефовал, по слухам, в старейшем научном заведении Европы, все было не так лучезарно, после глобального мирового изменения во всех университетах. – Рад, что научный прогресс движется.

– Нашими стараниями. – уклончиво ответил Томас, с нетерпением ожидая, когда собеседник перейдет непосредственно к делу. Александр не стал его разочаровывать.

– То, над чем мы здесь работаем, мир, конечно, не изменит. Но некоторые наши разработки найдут широкое применение. У меня хороший штат наноразработчиков, и цифровой отдел хорошо справляется. Сейчас формируется биологический штат сотрудников и мне бы подошел толковый биолог в команду.

– Оставить институт с двухсотлетней историей и перейти в пару лет назад созданную лабораторию? – Томас начал набивать цену.

– Ты все равно через несколько лет собираешься на пенсию. Или решил продолжить работать на старом месте? – Александр продолжил бы игру с профессором, но сроки поджимали. Биолог был ему действительно нужен. – Финансирование у нас небольшое, деньги такие же, как институте. Мне, как и в любой коммерческой организации, необходим результат. В тебе я не сомневаюсь, Томас.

– Еще бы. – повел плечами польщенный профессор. – Что за нанотехнарь ждал со мной на входе?

– Эндрэй Поланский, студент. Как видишь, ищу таланты не только среди опытных, но и среди молодых. – улыбнулся Александр.

– Слишком молод. Такие в работе быстро перегорают и становятся балластом. – неприятно отозвался о студенте Фишер.

Александр молчал. Едкий старик славился отвратительным характером и откровенно ненавидел молодежь. Его бы

выперли давно из института, если бы не его действительно невероятные познания в биологии. Между тем Томас продолжил:

– Чем конкретно придется заниматься и с чем работать?

Александр развел руками:

– Сам понимаешь, без юридического заключения договора я не могу ничего рассказать. Протокол о неразглашении.

– Кот Шредингера. – профессор хмыкнул. – Нужно подумать.

– Да. – Александр встал. – Я свяжусь с тобой через пару дней.

Подходя к фойе, Александр снова пропустил Томаса вперед и чуть не налетел на его спину, когда профессор отшатнулся назад.

В фойе сидел дракон. Александр выглянул из-за Томаса, но Эндрэя не увидел. Дракон шевельнул крыльями, чудом не задев потолок и под самой крышей показалась платформа. На ней стоял Поланский и управлял постройкой чудовищного мифического существа, управляя миллионами наноэлементов со стены.

– Эндрэй?! – зычно крикнул Александр под потолок. Крик эхом разнесся по помещению.

– Да! Сейчас спущусь!

Платформа плавно опустилась вниз. Молодой ученый осторожно прыгнул, и она распалась на нанозавихрения за ним.

– Обучающая программа хороша. – восторженно взмахнул коробочкой из-под линз студент. – Жаль, когда я учился у нас не было такого понятного интерфейса и материалов такого качества. Правда, пришлось покопаться в настройках.

– Вам интересно будет узнать стоимость презентационной стены? – поинтересовался Александр. Поланский на секунду задумался.

– А, не беспокойтесь, логические алгоритмы очень гибкие. – зрение Эндрэя расфокусировалось, он вошел в интерфейс управления нанотехникой. Дракон рассыпался на дымные струйки, и они утекли на исходную позицию, размазавшись тонким слоем по стене.

Фишер хранил молчание, наблюдая. Когда Колибри повернулся к профессору, сказал:

– Новый нанотехнолог? Современная и очень дорогая в производстве технология. Разумно в использовании как прикладная к биотехнологии.

– Время покажет. – улыбнулся Александр. – Томас, рад был тебя видеть – транспорт ожидает.

Фишер кивнул и, попрощавшись, направился к выходу. Александр обратился к Поланскому, когда профессор скрылся в выходе.

– Прекрасно, что ты разбираешься в нанотехнологиях, а насколько силен в биологии? Заславский не рекомендовал бы тебя, не будучи уверенным, что ты подходишь.

Эндрэй снял линзы управления, спрятав их в коробочку

и пожал плечами.

– Я сам был удивлен, что декан отправил меня к вам. В Европе много подающих надежды и талантливых ученых.

– В Европе все не так радужно, как мы привыкли считать. Впрочем, не нам об этом рассуждать, пусть политикой и экономикой занимаются власть и корпорации. Наше дело – здесь. – Александр широким жестом руки обвел пространство фойе и внимательно посмотрел на Поланского. – Обладаешь временем?

– До послезавтра совершенно свободен.

– Отдохни, в комплексе есть все условия. Завтра с утра проведу тебе полную экскурсию и введу в курс дела. Согласен?

– Да. – Поланский был явно заинтересован.

Александр решил, что завербует в проект и Фишера, и Поланского. Не стоило терять талантливого биолога и явно одаренного нанотехника.

Эндрэй дышал свежим воздухом на крыше комплекса, неподалеку курили двое биологов. Не успев ни с кем толком познакомиться к вечеру, парень прогуливался по огороженной высокими перилами смотровой площадке в одиночестве. С утра начальник лабораторного комплекса передал его из рук в руки главе нанотехнологического отдела Ирэне Инвер, среднего возраста женщине, и она провела Эндрэя, показав лабораторию нанотехники, от которой он остался в

полном восторге – на материальном обеспечении проект не сэкономил, видимо, финансирование было серьезным. Днем, тестируя с Ирэной презентационную стену, он снова заметил Фишера и Колибри, которые, занятые разговором, скрылись в недрах комплекса.

Местность между массивным зданием и транспортной зоной просматривалось как на ладони и Эндрэй без труда узнал фигуру профессора, сверх обычного спешившего к транспорту. Пожав плечами на странную поспешность, Эндрэй вернулся в лабораторию. В ней были Ирэна и еще один сотрудник, лаборант по имени Шакил, француз африканского происхождения.

– Непривычно, что и в выходные работа кипит. – заметил Эндрэй, расположившись на высоком стуле перед заваленным техником столом.

– Это только видимость. – рассмеялся Шакил. – На самом деле работы мало. Я вот просто не горю желанием прозябать в городе. У Ирэны свои причины.

– Которые никому не интересны. – веско заявила женщина. – Эндрэй, думаю сегодня Александр не появится.

Поланский пожал плечами.

– Я пока поработаю.

– Без проблем. – ответила Ирэна, сняла лабораторный халат, отцепив пропуск и, подхватив рюкзак, вышла из помещения.

Шакил хмыкнул.

– Не напрягайся, у нее характер твердый.

– Я и не расслабляюсь. – ответил Эндрэй и всецело погрузился в работу, осваивая и тестируя различную технику на столе.

Александр Колибри появился довольно неожиданно. Эндрэй нехотя оторвался от электронного микроскопа и расфокусированным взглядом окинул начальника.

– Пойдем. – коротко бросил Александр и направился к выходу из лаборатории. Эндрэй едва успел заскочить в лифт и не сразу заметил, что они едут на первый уровень – самое сердце научного комплекса.

Молчание продолжилось, даже когда люди покинули лифт. Эндрэй никогда не был на первом уровне, и его настораживало угрюмое молчание обычно разговорчивого начальника. Лифт остановился, за ним был просторный тамбур и коридор из него. Наконец, Александр заговорил, пока шли по коридору.

– Я редко ошибаюсь в людях, Эндрэй. В тебе я точно не ошибся, твои познания в нанотехнике и биологии хороши. Как думаешь, готов ли ты работать над проектом?

Эндрэй задумался на несколько секунд. Казалось, что Колибри чем-то расстроен. Впрочем, молодому ученому редко удавалось угадать, что думают люди.

– Да. Это именно то место и именно то дело, которым я хотел бы заниматься.

Коридор заканчивался массивной дверью и вооруженной

охраной перед ней. После проверки документов, Александр по привычке, уже знакомой Эндрэю, пропустил молодого ученого вперед.

– Здесь то, с чем мы будем работать.

В зале с низким потолком слышалось гудение генераторов, где-то мерцала, включаясь и выключаясь, люминесцентная лампа.

– Я знаю, ты не очень ладишь с людьми, но я тебя уверяю, пациенты жаловаться не будут. Медицина не совсем то, что нам понадобится, скорее биология в прямом ее смысле, вплоть до генетики.

Эндрэй поежился – было прохладно.

– Кто они?

– В основном преступники и добровольцы одновременно. – Александр Колибри замолчал, пытаясь угадать мысли молодого сотрудника.

– Насколько мы ограничены в средствах и времени? – поинтересовался Эндрэй Поланский.

Приземистые саркофаги с заключенными в них спящими людьми теснились ровными рядами. Поланский насчитал более трех десятков навскидку.

– Ради хорошего результата – полный карт-бланш – улыбнулся Александр Колибри. – Добро пожаловать в проект "Страх рождает верность".

Прошло три долгих года.

Проект разрастался. Десятки новых лабораторий, оборудованных по последнему слову техники. Сотни новых специалистов, как обслуживающий персонал, так и ученые с мировым именем. Тысячи новых экспериментов, завораживающие дух и разум открытия.

Ученым не хватало многого – и в первую очередь вычислительных мощностей современных компьютеров. Закон Мура более уже не работал и такие хитрости, как многослойные трехмерные чипы и постоянные усовершенствование полупроводников, ситуацию не улучшали. Напряжение снижалось, частота повышалась, но электрические сигналы не двигались быстрее и атомы не становились меньше – физические ограничения были непреодолимы, а параллельные вычисления подходили не для всех задач.

Несмотря на такой тормозящий эффект, работа шла. Помимо изменения генома шла работа над непосредственными изменениями мозга. Благо материала было предостаточно, правительство бесперебойно снабжала проект осужденными добровольцами. Разумеется, безопасность была на высшем уровне – над чем конкретно работали люди, содержалось в строжайшей секретности, похлеще многих секретных событий и документов двадцатого века.

Томас Фишер появлялся в проекте еще два раза. Разумеется, не в охраняемой внутренней части комплекса, а снаружи, в административных помещениях.

Однажды летним вечером Александр Колибри вернулся в

лабораторный комплекс во главе длинной колонны грузовых машин – инновационное промышленное и научное оборудование последних моделей, изоэлектрические охранные системы и порядка пятидесяти единиц новейшей робототехники. Правительство расширило финансирование экспериментального сектора науки. И в особенности проект.

Ученые радовались, как дети. Александр ходил мрачный, раздавал отрывистые команды и даже выругал одного из сотрудников, уронившего по оплошности ящик с оборудованием.

Поздно, уже к ночи, Александр заглянул в лабораторию, где работал Эндрэй. Тихо прошел к стенду с биологическими таблицами и на самом верху написал цифру сто. Ирэна, Шакил и Эндрэй переглянулись. Координатор проекта повернулся к ученым.

– Сто суток. – выдержал долгую паузу, задержал взгляд на Поланском. – Нам выделили огромные средства, самые лучшие материалы, новейшее оборудование. Мне недвусмысленно сказали прямо: через три месяца и десять дней должен быть результат. Это напрямую касается биологического отдела. Эндрэй, я договорился в институте, чтобы тебя не ждали в ближайшее время, посвяти все время работе.

Поланский возмущенно развел руками, уже собираясь высказаться, но Александр прервал его.

– Фишер с завтрашнего дня будет руководить отделом биотехнологий.

Шакил ухмыльнулся, Ирэна побагровела. Лаборатория погрузилась в тишину, нарушаемую лишь гудением системных блоков компьютеров и тихим стуком робота уборщика, пытавшегося преодолеть ступеньки.

–Отвратительные новости. – отчеканила женщина. – Фишер старый мудака, и ты это знаешь, Александр. Шайзе, он нам всю работу изгадит!

Ирэна подошла к своему рюкзаку и извлекла из его недр изрядно помятую пачку сигарет. Эндрэй и Шакил изумленно воззрились на главу нанотехнологического отдела. Александр молча наблюдал за разгневанной женщиной. Когда Ирэна покинула лабораторию. Эндрэй вопросительно взглянул на координатора. Колибри пожал плечами. Шакил развел руками и отвернулся к монитору, занявшись работой.

– Пойдем, глотнем свежего воздуха наверху. – проговорил координатор.

Крыша была свободна в столь поздний час, если не считать скрывавшейся на краю в полумраке фигуры Ирэны, которую выдавал уголек тлеющей сигареты. За ней возвышалась двухсотметровая ферма фрактальных радаров и автоматической обсерватории. Металлоконструкция слабо мерцала вспышками световых бликов. Взлетная площадка возле комплекса наполнилась гулом – взлетал грузовой "Валор". Эндрэй глубоко вдохнул ночной европейский воздух, жалея, что пропустил сегодня посещение бассейна, вновь засидевшись в лаборатории. Александр прошел к терминалу управления

обсерваторией под пластиковым навесом. Повозившись с настройками, обернулся к Поланскому.

– Никто и не говорил, что будет легко.

Эндрэй наблюдал за красноватым светлячком, вспыхивающем в сумерках и молчал. Сказать координатору было решительно нечего. Год назад биологи предоставили окончательные данные по психонастройке мозга человека. Нанотехнологи на месяцы пропали в лаборатории, подготавливая психотронную технику для управления сознанием. Ирэна была гением нанoprogrammирования, Шакил мог собрать и разобрать любую технику, Карл Виссом, сорокапятилетний чех, исправно наворачивал круги по всему комплексу зданий, доставая все, что нужно и при этом являясь всезнающим по любому техническому вопросу. Другие лаборатории редко состояли из такого малого количества сотрудников, но отдел Ирэны был особенным, и состоял из лучших ученых, по мнению координатора. Колибри делал большую ставку на опытную немку и поставил Поланского в лабораторию с Ирэной и ожидал хорошего результата от этой научной группы. Эндрэй пока отличился толком лишь раз, изменив конфигурацию оборудования, что позволило сохранять нейроны мозга дольше от разрушения наномашинами. То, что сообщил сегодня ученым координатор было плохой новостью во всех смыслах. Усиление биологов старейшим европейским ученым означало, что вся работа может быть начата сначала, что придется начинать с нуля. Это было плохо для всех.

А тем временем уже десяток одиночных камер с мягкими стенами в подвале получили жильцов. Прототипы сходили с ума или впадали в не выводимый ступор. Мозговые биоритмы показывали абсолютные нули в основных жизненно важных функциях, в то время как форсирование чаще всего был успешным. Над решением бились полгода, но все безрезультатно. Зато процветала киберимплантация, практически все усиления были успешны.

– Время играет против нас. Как и всегда. – координатор кивнул Эндрюю на систему наблюдения, закончив настройку. – Посмотри в экран.

Поланский взглянул на изображение звездного неба. Координатор выбрал удачный момент наблюдения – орбитальная станция "Единый Мир" величественно проплывала на околоземной орбите. Частные космические компании выводили части станции сверхтяжелыми ракетами с тридцатых годов. В 2027 мировые космические государства завершили эксплуатацию МКС, затопив станцию, и частные космические корпорации "Спейс Икс", "Мицубиши Тинора" и "С7" сообща взялись за создание нового обитаемого космического объекта, совершив успешный вывод на орбиту первого модуля уже через шесть лет. Государственные агентства, а именно американское НАСА, китайское ЦНСА и российский Роскосмос также осваивали орбиту, используя сверхтяжелые носители, но пока они вывели два базовых модуля. "Единый мир" к шестидесятым годам насчитывал уже шесть

и сейчас был самой крупной орбитальной станцией с постоянным экипажем в пять человек.

– Величественное зрелище. – восхитился Поланский.

– Оно было бы еще более прекрасным, если бы люди больше сил и средств вкладывали в освоение космоса. Это наше будущее. Огромные пространства, другие миры, новые технологии и открытия. – Колибри пристально посмотрел на Поланского. – Мы неразрывно с этим связаны. Если проект завершится, если мы потерпим поражение, то люди потеряют космос на долгие годы. Государствам все труднее удерживать людей от противоправных действий, поэтому они обратились за помощью к вам, ученым. Если мы не изменим человека, то человечество изменит себя само давно известным ему способом.

Эндрэй вздрогнул.

– Вы говорите о войне, координатор?

– Именно. Точечная была лишь репетицией, стравливанием пара перед большой бурей. Большая гражданская война всех со всеми. Не хочу утрировать, но реки крови зальют улицы городов. У государств связаны руки, они уже ничего не могут сделать. Остались только мы.

Подошла Ирэна.

– Ты неисправим, Александр. Втираешь студенту наивные идеологические догмы, в которые и сам упорно веришь. Отвечу на твой невысказанный вопрос, Эндрэй. Я работала с Фишером еще когда училась в Карлсруэ. Он отличный спе-

циалист, гениальный биолог. Всегда добивается цели, чего бы это ни стоило. Он видит только один стиль работы для своей команды, тот, который выбирает он сам. И в средствах устранения неудобных не стесняется. Ему стоило родиться в средние века и участвовать в дворянских интригах и заговорах, а не двигать науку вперед.

Ирэна в упор посмотрела на Александра и улыбнулась, вытащив сигарету и закурив.

– Я вижу у тебя не было выбора. Как и у нас всех нет выбора, кроме как завершить проект. Только ты, как и я прекрасно знаешь, чем все обернется в конце концов. Достижения проекта будут использованы во благо, но благо обернется злом и будет предано осуждению и уничтожено, как неоднократно случалось в человеческой истории. Чтож, не беспокойся, ради проекта я останусь. Пойдем, Эндрэй, у нас еще остались неоконченные дела.

Координатор ни проронил ни слова. Эндрэй задумчиво проследовал за Ирэной к выходу. За все время пути женщина не проронила ни слова, парень тоже молчал. И лишь у самой двери в лабораторию Инвер обратилась к Поланскому, остановившись.

– Эндрэй, ты никогда не задумывался, чего ты достигнешь, обладая такими знаниями?

Поланский замялся, несколько опешив от прямого взгляда женщины.

– Что может сделать простой ученый? Великие открытия

совершаются группами, это заслуги не одного человека, а командная работа.

– Да, все сложнее, чем раньше. – согласилась Ирэна. – Но чего именно желаешь ты?

– Я не задумывался об этом. – честно признался Поланский.

– Ты гений, Эндрэй. Я три года за тобой наблюдала, учила тебя, но ты перерастешь нас всех. Поверь в себя, ты можешь намного большее, чем думаешь. Ни я, ни Фишер и никто другой не обладают твоими способностями, мы лишь имеем большой опыт в знаниях и навыках. А ты видишь незримое, то, что нам будет неподвластно.

Поланский был изумлен эмоциональным всплеском Ирэны, в какой-то момент ему даже показалось, что женщина бросится целоваться с ним, но парень быстро отбросил эти мысли, уступившие место прохладному профессиональному рационализму.

– Я рад, Ирэна, что ты так веришь в меня. Благодаря тебе, я многому научился. – Поланский взвешивал каждое слово, сохраняя невозмутимое выражение лица. А Ирэна внезапно рассмеялась.

– Ты молод, Эндрэй. Не дави в себе чувства и эмоции. И я очень рада, что работаю с таким сдержанным молодым профессионалом, не позволяющим подсознанию мешать работе разума. Я вижу, что ты замкнут, но не позволяй этим цепям сковать себя, будь смелее. И задумайся о своей цели, когда

мы завершим проект. – Ирэна все же открыла дверь лаборатории, внутри никого не было. – Пойдем поплаваем?

– Уже поздно, бассейн скорее всего закрыт. – усомнился Поланский.

– Это не так. – Ирэна встряхнула рюкзак и выудила из него ключи. – У меня как раз есть комплект на всякий случай.

– В таком случае, с радостью.

В бассейне действительно никого не было, ученые плавали целый час, после чего обсушились и отдыхали, наблюдая за еле различимым волнением поверхности воды.

– Так ты давно знаешь Александра? – задал давно волновавший его вопрос Поланский.

– Пять лет. Он романтик и фантазер, это много значит для меня лично, мне было бы сложно работать с чопорным и прямолинейным организатором. Раньше Александр работал с богатым инвестором Конрадом Янсенем, но потом их пути разошлись. Теперь мы все в проекте работаем на правительство. Для тебя это важно?

– Не сильно, я ведь аполитичен. Но Александра я уважаю, он действительно хороший человек.

Ирэна задумчиво повела влажными от недавнего плавания плечами.

– Это так. В нашем сумасшедшем мире осталось мало действительно нормальных людей. И вскоре нам придется работать с самым эгоистичным и скандальным человеком.

Поланский пожал плечами. Его мысли были далеко. Па-

рень никогда не думал изменить мир. А создать что-то, способное кардинально повлиять на мир – такая мысль пришла к нему впервые.

Фишер изменил все. Координатору Колибри пришлось расширить штат специалистов почти вдвое. Биолог на удивление быстро вошел в рабочий режим и предложил много нестандартных решений. На этом плюсы Томаса и заканчивались – в остальном профессор действительно вел себя авторитарно и асоциально. Через месяц его уже органически не переваривали больше половины сотрудников.

Проект двигался. Была разработана не отторгаемая тканями организма подкожная броня, фундаментальный прорыв в увеличении на несколько порядков уровня регенерации. Методика мышечной акселерации более не наносила непоправимый вред, хоть и была еще слабой. Но самое главное все время ускользало от ученых. Работа с нервной системой и мозгом увеличивала восприятие, но не могла оградить организм носителя от последствий этого восприятия. Технология нейросинаптического форсирования психики была тонкой работой с мозгом, и как бы ученые не хитрили, решение постоянно ускользало.

Поланский начал присутствовать на экспериментах форсирования вместе с Ирэной. На них периодически появлялся Колибри. Координатор проекта мрачнел с каждым днем, время уходило.

Очередное форсирование Фишер решил провести на одной из двух осужденных пожизненно женщин. Параллельно нанотехнологи перед экспериментом за сутки установили в организм подопытной нейросистему болевой блокировки. Необходимые приготовления были завершены, герметичная лаборатория с экспериментальным столом посередине была прекрасно освещена. На подопытной, подключенной к системам контроля наблюдения были зеленые ленты, плотно обтягивающие смуглую кожу. Непосредственно у стола находились медик, биолог и нанотехнолог. За системами наблюдения за прозрачной пленкой, отделяющий остальное помещение, вели наблюдение два оператора, Ирэна, Эндрэй, Томас. Александр стоял поодаль, наблюдая прямо за экспериментом, изредка поглядывая в экраны.

Форсирование началось. Процедура нейросинаптической инициализации занимала от пяти минут до получаса, изредка час. В этот раз смуглая женщина открыла глаза через двадцать секунд. Поланский так и не увидел толком, как все случилось. Просто смена кадров, как будто менялись картинки на экране. Первый и женщина рывком слетает со стола, с нее срываются подключенные датчики. Второй момент и медик спиной врежется в край стола, с характерным хрустом ломающегося позвоночника, женщина уже в прыжке хватается за затылок нанотехнолога. Третий и ее колено разбивает всмятку лицо человека.

Оставшийся в камере биолог пытался выскочить, опро-

метчиво начав дергать застежку дверного проема в пленке. Форсированная женщина ударила его в шею, и биолог обмяк, мешком упав на пол. Она тем временем резко оттолкнулась от стены и стремительно прыгнула, разорвав пленку.

– Заблокировать лабораторию! – раздался возглас Колибри. – Все наверх!

Раздался еще один крик. Поланский пошатнулся от пролетевшего рядом тела и с ужасом заметил, что это Ирэна с вцепившейся ей в горло женщиной. Лестничный пролет оказался заблокированным, Эндрэй, скованный ужасом, наблюдал, как извивающийся клубок из двух женщин недолго барахтался перед ним. Ученого что-то оттолкнуло, Поланский нелепо взмахнул руками и начал падать. Женщина оставила бездыханное тело Ирэны и бросилась на Колибри, вооруженного охранным шоковым пистолетом. Александр стрелял вновь и вновь, пытаясь не попасть в сотрудников. Рука Поланского оказалась на траектории броска форсированной женщины и ученый с удивлением услышал громкий треск, после чего рука онемела. Ученый осел, нелепо изогнутое предплечье, как тряпка шлепнулось на пол. Женщина тем временем налетела на Колибри, осыпая градами ударов координатора, бывшего ее рукояткой пистолета.

Один из операторов разворотил силовую панель и выдрал из нее оголенные провода. Проворно подскочив к женщине, вцепившейся в координатора, воткнул искрящиеся кабели ей в спину. Она мгновенно развернулась и одним уда-

ром наотмашь отбросила оператора. Поланский видел, что у нее уже плохо двигается раздробленное колено и на руках и смуглом теле зияют кровоподтеки и раны.

Наверху столпившихся людей растолкали сотрудники службы безопасности. Двое из них были вооружены штурмовыми винтовками и, прицелившись, открыли огонь. Треск выстрелов и грохот рикошетивших пуль заставил Поланского пригнуть голову и больше он ничего не видел, пока его осторожно не подняли на носилки медики. Шок проходил и волнами начала накатывать пульсирующая боль из раздробленного предплечья. Поланский ощутил укол из интерактивной системы носилок и провалился в искусственный сон.

Из медблока Поланского выпустили через два дня. Раздробленные кости предплечья и сильный психологический шок, медики качали головами и приговаривали, что еще легко отделался. Под конец второго дня нацепили бандажную фиксирующую повязку на неделю, пока наноимпланты сращивали осколки костей.

В центральный корпус Эндрэя не пустила охрана, вежливо посоветовав обратиться к вышестоящему начальству и не ранее следующего дня. Ученый не стал спорить и, пожав плечами, удалился за своими пожитками и направился к взлетной площадке. Два "Валора" там прогревали двигатели и найти место не составило труда. Внутри транспорта Поланский увидел Шакила, тоже с вещами. Француз задум-

чиво смотрел в иллюминатор, и Эндрэй решил не тревожить техника, вытащил наушники и активировал смарт. Пробежав глазами несколько страниц, зацепился за новостную ленту и бегло пролистал ее. Судя по всему, напряжение в мире нарастало, кричащие заголовки о преступлениях, вспышках недовольства и волнениях шли нескончаемым потоком.

Двигатель транскоптера взревел и "Валор" набрал высоту. Сорок минут полета до города Поланский рассеянно залипал в смарт и вспоминал последние события. Не смотря на шок, ученый отчетливо помнил, что Александр и Ирэна погибли. Подопытная женщина убила их и с ними еще как минимум пять человек были тяжело ранены или тоже погибли. Эндрэй надеялся, что медики все же сделали все, что в их силах и спасли кого-нибудь еще. Краем подсознания ученый надеялся, что координатор и нанотехнолог выжили, но разум вспоминал, что смуглая женщина беспрепятственно расшвыривала людей, как шар кегли в боулинге.

Поланский думал не возвращаться в лабораторный комплекс, но последние разговоры с Колибри заставили ученого задуматься о проекте. Уверенность координатора в необходимости человеческих жертв и его самоотверженность что-то изменили в Эндрэе. Парень понимал, что царящий сейчас хаос в проекте может поставить точку на его участии. В том, что Фишер останется, он не сомневался – профессор биологии не просто так занялся проектом, бросив институт.

Транскоптер пошел на снижение и сел на площадку в цен-

тре города, на одном из крупных высотных зданий. Отряд полиции из группы антитеррора внимательно следил за выходящими из "Валора" людьми, пока охрана проверяла документы. Чья-то рука легла Поланскому на плечо, ученый поморщился и раздраженно обернулся, но увидел Шакила.

– Ты сейчас куда направляешься? – спросил француз.

Эндрэй пожал плечами.

– Никуда. Думал проветрится пару дней в городе и вернуться.

– Аналогично. – техник кивнул на лифтовые системы. – Здесь внизу торговый комплекс, пойдем.

– Да. Но не надейся, что я помогу тебе таскать покупки. – Поланский кивнул головой на руку, покоящуюся на перевязи.

– Не беспокойся. – усмехнулся африканец, обнажив идеально белые зубы.

Парни зашли в лифт и в молчании спустились на третий этаж. В торговом центре царил обычный гвалт. Шакил предложил зайти в тихую кофейню, отгороженную толстым звуконепропускаемым стеклом от гомона публики. Взяв кофе, ученые расположились за столиком.

– Ты в курсе всего? Мне в медблоке никакой информации не дали, а центр оцеплен охраной. – спросил Поланский.

Шакил задумчиво отхлебнул кофе из чашки.

– Да. Я наблюдал с экрана из лаборатории и видел буквально все от начала и до конца. Сначала она сломала позво-

ночник медику Гуожи Гао, он теперь инвалид на всю жизнь. Потом разбила лицо нанотехнологу из седьмой лаборатории Виктору Контадино. Не повезло, все лицевые кости в хлам, осколки вошли в мозг, и он сейчас в глубокой коме. Биолог, которого она ударила в шею, умер мгновенно, это был профессиональный удар с нечеловеческой силой. Даже не знаю, как его звали. Хорошо, что ты потом отвернулся, после того, как она прорвала пленку и налетела на оператора, она пробила ему грудь под ребрами и рукой разорвала сердце, а потом бросилась на Ирэну. – взгляд Шакила похолодел. – Разорвала ей горло, как бумагу. Потом Колибри начал стрелять, она получила шесть разрядов, обычный человек теряет сознание уже от третьего. Сломала тебе руку и вступила в бой с Александром. Он спас тебе жизнь, я не знаю, из какой стали яйца были у нашего координатора, он получил от нее десяток ранений и пять смертельных ударов. Потом оператор разворотил панель и всадил ей кабели в задницу, разряд ударил их обоих. К тому времени Колибри наверняка уже был мертв. Когда безопасники начали стрелять из штурмовых винтовок, в него попали четыре пули. А они по полной обойме выпустили, она еще шевелилась, когда ей стреляли в голову.

Техник шумно выдохнул. Поланский сделал глоток кофе.

– Так что это было?

– Я думал ты мне скажешь. Я могу собрать и разобрать любую технику, но живые организмы за гранью моего пони-

мания. Что натворил Фишер?

Поланский усмехнулся.

– Вряд ли он понимал вообще, в чем дело. Даже если это его ошибка, то он явно не знал. Он отвратительный человек, но не безумец. Что ты еще знаешь про подопытную?

Шакил пошевелился и одним глотком допил кофе.

– Центр заперли и файлы сразу убрали из доступа. Не смотри на меня так пристально, Эндрэй, дырку как лазером прорежешь. Успел я кое–что стащить.

Француз пододвинул свой смарт к ученому. Там был открытый файл. Ком тошноты подкатил к горлу, когда Поланский увидел смуглое лицо женщины, которую форсировал проект. Быстро пробежав файл взглядом, ученый удивленно цокнул языком.

– Вот как. Изначально террорист и убийца, осужденная пожизненно. Неудивительно, что с системой болевой нейроблокировки она превратилась в боевую машину. Жаль, но мы никогда не узнаем форсирование или осмысленные действия заставили ее разорвать голыми руками столько людей. Если Фишер и Колибри знали это, я удивлен, что они не подстраховались.

Шакил пожал плечами и встал, набросив свою сумку на плечо.

– Вряд ли мы вообще, что-то узнаем. Проект теперь будут вести очень осторожно.

Поланский тоже поднялся, осторожно двинув поврежден-

ной рукой в повязке.

– И что дальше думаешь?

– Сегодня похороны Ирэны. Куплю цветы, именно за ними я пошел в этот торговый центр. Хочу увидеться с семьей, а в комплекс вернусь послезавтра.

Поланский согласно кивнул.

– Так же и я сделаю.

Цветочный развал был на первом этаже, ученые взяли букеты и направились на выход. На выходе ученые покосились на толпу разрисованной татуировками молодежи, вповалку валяющуюся у загаженных лавочек возле сектора истертых старых банкоматов. Парни и девушки приставали к прохожим, клянча деньги протянутыми мобильными терминалами оплаты. В центре было много свободных такси и час пик должен был начаться всего через три часа, закончившись незадолго до комендантских часов. Успели как раз вовремя, Поланский с удивлением обнаружил, что погребальная церемония проходила в католической церкви. Ирэна никогда не говорила, что религиозна. Возложив к гробу цветы, Поланский лишь мельком взглянул на Ирэну и, кивнув Шакилу, покинул погребальную процессию. Под речитатив голоса пастора Эндрэй вышел из сумрака церкви на ярко освещенную солнцем улицу.

Осторожно покачивая перевязью, молодой ученый решил пройтись по нескольким улицам, погружившись в свои мысли. Что-то не давало ему покоя, возможно последствия шо-

ка или детали, которые его разум упустил. И посоветоваться было решительно не с кем. Через пару улиц Поланский попал в оживленный поток людей. Что-то привлекло его внимание. Двое охранников избивали короткими дубинками подростка у большого маркета на пересечении улиц. Несколько людей что-то кричали, то ли пытаясь остановить их, то ли подбадривая. Еще несколько человек молча снимали процесс на смарты. Постепенно собиралась большая толпа. Сквозь нее пытался протиснуться полицейский внедорожник, пару раз взревев звуковым сигналом, в конце концов включив громкоговоритель.

– Освободите путь, разойдитесь!

Из толпы кто-то крикнул в ответ:

– Нахрен иди, придурок.

– Ты сам сейчас нахрен пойдешь, понял? – раздалось в ответ из громкоговорителя. Толпа зашумела. Поланский вздохнул и, не дожидаясь дальнейшей развязки, свернул на широкий проспект и поймал такси. Стоило отдохнуть, прогулка его уже утомила.

Поланский твердо решил вернуться в центр и поговорить с Фишером. Эндрэй хотел завершить проект, раз это не смогли Александр и Ирэна.

Год спустя Поланский работал во главе лаборатории, занимающейся непосредственно нейросинаптическим форсированием. Удивительно, но инцидент, унесший жизни ко-

ординатора проекта и нескольких ученых и специалистов, заставил правительство отодвинуть сильно сжатые сроки. Или постарался новый координатор Рафаэль Андерсон. Когда Поланский появился перед Фишером и новым руководителем, его хотели отстранить от проекта совсем, но он удивил профессора, сказав ему, что видит, что его работа и цели были полностью верны и он желает перейти в отдел биологии, чтобы работать с форсированием и найти решение проблемы. Рафаэль был не против, дав стандартный испытательный срок в пять месяцев. По его истечении Фишер убедил Андерсона оставить Поланского в проекте. Эндрэй доказал, что форсирование невозможно на женщинах, мыслительные процессы мозга заменялись базовыми инстинктами, полностью уничтожая сознание подопытных. Биохимия женского организма не способна была выдержать тонкую настройку форсирования.

Фишер настаивал на повторном опыте, Андерсон отказал ему. Ученые сосредоточили свои усилия на поиске решения. Проект стал охраняться лучше, каждый эксперимент теперь проходил в изолированных камерах, с отрядом безопасности, вооруженным высокоточным оружием. В чем, по мнению многих, уже не было необходимости, но принятые меры безопасности успокаивали сотрудников в том, что подобное не повторится.

В мире нарастал общественный кризис. Волнения охватывали все больше населения и большие города даже днем. Из-

за массовых волнений комендантские часы сократили с трех до двух, а потом вообще отменили. Разгон демонстраций перестали вести звуколазерными установками. Люди зверели, требуя большей свободы, даже в полностью демократичных государствах. Процент преступлений неумолимо рос, статистика показывала неукротимое увеличение. Вновь был повышен возраст совершеннолетия с двадцати двух до двадцати трех, исключая уже отучившихся специалистов единой системы высших учебных заведений планеты.

Поланский успешно сдал экзамены и получил степень магистра биологии на год раньше, так как уже проработал срок курса практики в проекте биологом. Однокурсники по случаю завершения обучения пошли на вечеринку в городе, от которой Эндрэй отказался, и, на следующий день, прочитав сводку новостей, узнал о четырех погибших в массовой драке с участием его однокурсников. Среди них была также девушка, подававшая надежды и не обделенная природной красотой. Семь ножевых ранений мигранта из страны третьего мира прервали ее жизнь, потому что она была из той же страны, что и он, но выбрала современный цивилизованный путь, отказавшись от традиционных национальных ценностей. Эндрэй связался со своим другом Инсаром и попросил его поддержать всех, кто потерял друзей и близких. И с головой окунулся в работу.

Поздним вечером, прогуливаясь под теплым европейским ветерком на крыше комплекса, Поланский прокручивал в го-

лове события последних лет. Ученый посетил днем бассейн и украдкой от Фишера выпался несколько часов на надежно спрятанном Карлом Виссомом диванчике в подсобном помещении недалеко от лаборатории.

На крыше в столь поздний час Поланский крутился не просто так. Несколько недель он проводил здесь разговоры с помощницей хирурга медицинского блока, одного возраста с Эндрэем девушкой. Велия не появилась в обычное время, и Эндрэй решил навеститься в медблок сам. Благо хирург уходил рано, а подменявший его в вечернее время ассистент, вечно сонный эфирщик, мало волновался о том, что происходило на вверенном ему медицинском блоке.

В медблоке было светло и уютно. Аккуратно обойдя жужжащего робота уборщика в тамбуре, больше похожем на камеру шлюзования отсека космической станции, Эндрэй приветливо помахал второй помощнице хирурга Сюин. Женщина кивнула на дверь в стационар, на азиатском лице не отразилось ни одной эмоции. Эндрэй осторожно прокрался в стационар и обнаружил там девушку, работавшую у компьютерного терминала с огромным, в пару метров экраном, на котором сияло что-то ярко красное и зеленое, с синими вкраплениями. Поланский присмотрелся, изображение оказалось позвонком спинного мозга в разрезе.

– Не могла прийти, рада что ты заглянул. – тихо, не отрываясь от экрана, произнесла девушка.

– Ничего страшного, вечер добрый, Велия. – Эндрэй пе-

решил на шепот, к чему располагал тихий голос собеседницы и сумрак стационара.

– Как твоя рука? – задала дежурный вопрос Велия.

– Прекрасно, твоими стараниями. – ответил Эндрэй.

– Я скоро закончу, присядь пока там. – Велия кивнула на кресло у стены. Изображение на экране дрогнуло, когда девушка коснулась клавиш настроек, синие точки зашевелились, синхронно подползая к красным зонам.

Эндрэй тихо присел на указанное сидением. Через минуту, заскучав, заинтересовался ближайшим саркофагом стационара. Он был почти такой же, с функцией быстрой крио-заморозки, по последним технологиям Института Современной Крионики. Поланский как-то мельком видел его главу, известного русского криолога Михаила Сомова, когда он встречался с еще живым Александром Колибри.

В саркофаге спал человек, Эндрэй опустил глаза вниз. На табличке пациента было написано Виктор Контадино. Поланский вспомнил, что Велия говорила ему, что у нее есть брат и он тоже работает в проекте. Взгляд ученого скользнул ниже, и одновременно он вспомнил, что Виктор был покалечен форсированной женщиной при инциденте год назад. Безумная идея промелькнула в мозгу Поланского, он мгновенно перебрал несколько вариантов и пораженно уставился на саркофаг. Кусочки мозаики сошлись. Если это было решением, то оно было под самым носом у проекта весь год.

Когда Велия закончив работу, обернулась, Эндрэя уже и

след простыл.

Поланский сам встречал медицинский "Валор" на транспортной площадке. Медики выкатили медицинскую капсулу и ученый, шагая рядом с движущейся платформой, взглянул в лицо человека. Молодой парень, лет двадцати. Казалось, он просто спал, но это было не так. Человек в состоянии комы находится без сознания, не реагирует на голос, прочие звуки и вообще любые действия вокруг него и с ним. Состояние комы не равно сну: организм в полной мере жив и функционирует, но мозг пребывает на самом крайнем уровне восприятия реальности. Человека в коме невозможно разбудить или как-то технически вывести из этого состояния.

Пришло время проверить, способно ли форсирование вернуть человека из этого состояния.

Когда Эндрэй изложил свою теорию Фишеру и Андерсону, они лишь рассмеялись над словами молодого ученого. Поланский попросил Фишера привести доводы против проведения форсирования на коматознике, и профессор биологии задумался, из минусов произнеся самый главный аргумент – разрушение определенных клеток головного мозга. Человек теряет сознание, впадает в состояние комы, вследствие физических повреждений мозга, инсульта или сильной передозировки какими-либо веществами. Поланский вытащил свой главный козырь, нанотехнологическую систему постройки нейронов и синапсов. Андерсон заинтересовался,

мгновенно оценив, что в дальнейшем это можно будет использовать в широком применении в коммерческих целях. Заручившись поддержкой координатора, Поланский уговорил Фишера, и профессор согласился, понимая, что никто ничего не теряет, а в случае чего, все последствия можно будет спихнуть на Поланского.

Пациента в состоянии глубокой комы нашли почти сразу же. Молодой парень получил серьезную травму головы вследствие драки с мигрантами в густонаселенном мегаполисе. Медкоптер доставил пациента уже через два часа, за это время юристы проекта успели уладить все бюрократические тонкости с властью и родственниками.

Эндрэй был не уверен, что все получится. Молодой ученый понимал, что эксперименты могут продолжаться долгое время и стоило поискать решение на стороне. Система нанопостройки не могла собрать мозг и нервную сеть человека с нуля, это открыло бы дверь на немислимые ранее уровни технологического и биологического развития цивилизации, позволив создать искусственный интеллект и переместить человеческое сознание в другое тело. Но найти и починить несколько сломанных нейронов и восстановить разрушенные синаптические связи она была вполне в состоянии. Необходимые эксперименты на млекопитающих нанотехнологи проекта уже успешно провели раньше.

Настройкой и управлением установкой нанотехсистемы Поланский занимался сам, оставив биологам проводить фор-

сирование. Перед ученым было три экрана состояния: состояние системы, проекция мозга и цифровая статистика, снабженная движущимися диаграммами. Ровный гул кондиционеров в лаборатории прерывался разговорами людей, жужжанием механизмов и равномерным стуком метронома. Поланский нашел его в лаборатории на столе Ирэны и ученому понравилось его методичное пощелкивание, возвещающее ход времени.

Что-то стукнулось о ногу и Поланский опустил взгляд вниз. Робот уборщик бестолково застрял в хитросплетениях коммуникаций под рабочим пультом. Высвободив бедолагу, Поланский покачал головой: как еще молода кибернетика и как массивны созданные человеком системы, занимающие столько полезного пространства, попутно вспомнив про энергоносители, среди которых ядерные установки были до сих пор самыми мощными. Эра открытий пятидесятых прошла, подарив миру нанотехнологии, киберимплантацию, новые материалы и перспективные разработки. Научно технологический прогресс снова переходил в фазу стагнации. Но Поланский был решительно настроен изучать новое и создавать то, что ранее казалось нереальным.

Эксперимент начался. Десятки глаз внимательно наблюдали. Точные движения рук специалистов совершали верные действия. Единственный объект воздействия, молодой организм человека лежал на столе, затянутый в облегающий нанокombineзон, позволяющий системам проникать в тело.

Лицо парня было безмятежным, состояние глубокой комы не позволяло нервной ткани реагировать на внешние факторы воздействия.

Эндрэй решил провести восстановление после форсирования. Спящий мозг, находящийся в вегетативном состоянии организма, должен был пробудиться и после этого наномашинны начали свою работу. Щелчки метронома слились со стуком сердца и Поланский погрузился в управление, когда пришло уведомление о завершении форсирования. Изображения на экранах слились для ученого в общую картину, разум подмечал мельчайшие детали, и система послушно подчинялась действиям человека.

Веки подопытного начали подрагивать, медики отметили повышение жизнеспособности всего организма, операторы внимательно следили за работоспособностью всех систем, Фишер и Андерсон наблюдали, сотрудники безопасности крепче сжали рукоятки высокоточных лазерных установок и прикладов штурмовых винтовок.

Завершив восстановление поврежденных участков мозга, Поланский перешел на нервную систему, но там не было разрушений. Повернулся к координатору и кивнул. Вся работа заняла примерно час.

– Готово.

Андерсон промедлил секунду и, слегка приосанившись, произнес.

– Приступить к пробуждению.

Диаграммы на экране Эндрэя перешли из желтых цветовых гамм к зеленым и многие вскоре достигли синего, идеального состояния. Метроном методично отсчитывал секунды, Поланский внимательно наблюдал.

Парень открыл глаза. Все уже ожидали, что он подаст признаки сумасшествия, как это случалось при экспериментах ранее, но парень был спокоен.

– Как вы себя чувствуете? – спросил медик у платформы, на которой был привязан подопытный.

– Больно.... – произнес парень.

По лаборатории прокатился гул восторга. Парень скривил лицо в гримасе боли.

– Прошу, перестаньте!

Поланский скоординировался мгновенно.

– Андерсон, срочно уберите из лаборатории всех, и прикажите персоналу соблюдать спокойствие. Перед нами форсированный эмпат, он чувствует все.

Координатор быстро и умело отдал распоряжения и вскоре в лаборатории не осталось никого, кроме начальника охраны Такахиси, Фишера, Андерсона и Поланского. Безопасника японского происхождения попросил остаться Андерсон, на что тот ответил, что и так не покинул бы помещение.

Люди отключили многие системы от возвращенного из небытия, кроме наблюдения и последними разблокировали сдерживающие застёжки креплений к платформе. Парень

пошевелился и сел на краю экспериментального стола.

– Я умер?

– Да. – ответил Андерсон. – Клиническая смерть. И мы тебя вернули к жизни. Как ты себя чувствуешь?

– Голова болит. А так нормально. – неуверенно произнес парень.

Андерсон скосил взгляд на Такахиси.

– Давай.

Фишер позвал парня, заставив его смотреть на сканирующую зрение установку, потом попросил шевелить головой, руками и ногами, чтобы проверить физическое состояние.

Бывший полковник, ветеран Точечной войны зашел за камеру, находясь вне поля зрения вследствие односторонне просматриваемого стекла. Парень не мог никак его видеть и слышать. Безопасник вытащил табельное оружие и прицелился точно в голову парню. Зрачки парня расширились, он схватился за голову руками.

– Что случилось? – вкрадчиво поинтересовался координатор.

– За мной стоит человек, он хочет убить меня.

– Откуда ты знаешь?

– Я чувствую его. Больно, очень больно.

Такахиси вернулся, спрятав оружие в кобуру. Андерсон повернулся к Фишеру и Поланскому.

– Немедленно приступайте к сбору данных и анализу эксперимента. Проект увенчался успехом. Это победа, коллеги.

Фишер широко заулыбался, Поланский задумчиво наблюдал за парнем. Форсированный эмпат печально смотрел на радующихся людей и морщился от острой боли в голове.

Особняк озарился вспышкой салюта. Джеймс Оранж проследил за ярким сполохом фейерверка и, отвернувшись от широкого проема мансарды, поставил полупустой бокал шампанского на столик. День рождения его четырнадцатилетней дочери подходил к концу, гости забирали с гигантского двора поместья Оранжей восторженных детей и подростков, галдящими группами направляясь к машинам на парковке внутри усадьбы. Джеймс поморщился, наблюдая, как некоторые дети капризничали, и направился вглубь особняка. Отец, премьер-министр Норвегии, и еще несколько гостей находились в большом зале. От шампанского слегка гудело в голове. К выходу направлялся один из высокопоставленных чиновников, занимающийся правительственными разработками.

– Рафаэль. – учтиво кивнул ему Джеймс.

– Джеймс! Вынужден уже вас покинуть, серьезные дела.

– Понимаю. – Оранж крепко пожал руку Андерсону, после чего направился вглубь залы. Старинный норвежский замок был огромным и современное электрическое освещение было грамотно установлено вдоль стен, заставляя анфиладу потолков быть скрытыми сумраком. На плечо Джеймсу опустилась рука, он обернулся. Позади стоял Конрад Янсен,

близкий друг семьи.

– Ты уже видел новости?

– Что-то важное? – не понял Джеймс.

Янсен сощурил глаза и протянул дорогой новомодный планшет. На полупрозрачном экране шел выпуск государственного канала:

"16 июля 2069 года, в эфире ИнфоПервый. К главным новостям за сегодня: продолжается расследование жестокого массового убийства сорока трех женщин кадетов на улицах столицы вчерашней ночью. Уже задержаны шестеро подозреваемых: у двух обнаружены нелегальные мигрантские документы. Сегодня днем правительственные отряды полиции были усилены новым составом – киберполицейские, оснащенные по последнему слову техники уже предотвратили сотни преступлений, поразительная эффективность..."

Конрад остановил запись на планшете.

– Проект "СРВ" выпустил черных ангелов на улицы. Уже сотни трупов за последние часы.

Джеймс мгновенно протрезвел. День праздника неудачно совпал с таким важным событием; если бы не Конрад Янсен, ранее инвестировавший проект, до того, как его подмяло под себя правительство, то Джеймс Оранж узнал бы о том, что правительство выпустило биокиберов только завтра.

– Что будешь делать? – осторожно спросил Оранж. – События будут развиваться теперь очень стремительно.

– Ничего. Деньги я уже не верну. Но в технологические

и тем более биологические разработки я теперь точно инвестировать не буду – слишком дорого мне выходит деление правительством на ноль моих финансов. Если только не сменится власть. Они слишком слабые и уже не держат контроль над обществом.

Джеймс Оранж снова взглянул на экран, где на паузе застыла фигура черного ангела. Картинка казалась нереальной, как кадр из фантастического фильма.

– Я знаю.

Жалость проявление слабости

Человеческий крик ранним утром услышали многие. В густонаселенном районе жилых комплексов истошный, почти животный протяжный звук был настолько непривычным, что люди, услышавшие его, просто вжались от ужаса в ближайšie предметы обстановки помещений. Более храбрые, буквально несколько человек из большого количества обитателей жилого района, осторожно пробирались к источнику звука.

Первым жертву обнаружил пожилой житель соседнего дома. К своим семидесяти годам он повидал многое, уцелел при глобальном затоплении, прошел Точечную войну, но даже он обомлел от увиденного. Жертва уже впала в агонию. Конечности, если бы они были, подрагивали бы. Но их не было. Кровавые обрубки сочились сине фиолетовыми сгустками, пока еще слабо, мужчина не сразу понял, почему. Такое ощущение, что руки и ноги человека у туловища щедро облили жидким азотом, а потом разбили кувалдой, и теперь бесформенный кровоточащий кусок, из которого вытекала кровь вместе с жизнью, необратимо умирал.

Позади мужчины кто-то охнул и осел на пол. Не отвлекаясь от попыток оказания первой помощи, мужчина бросил назад, не оборачиваясь:

– Ремни, веревки. Все, что есть сюда. И вызовите спасателей.

Жгуты было наложить практически невозможно, оттаявшие раны щедро кровоточили. Когда приехали спасатели, смерть была уже необратима. Старик дал показания приехавшей полиции и ушел. Зевак практически не было, ужас сковал людей настолько, что лишь некоторые заметили, что поблизости не оказалось ни одного черного ангела.

Шел декабрь две тысячи семьдесят третьего года.

– Современное общество с его менталитетом и социальными институтами. Как бы помягче выразиться, хм. Устарело. Да, именно так – устарело. Говоря языком технологий, требуется усовершенствование. Посмотрите сами: возраст совершеннолетия повышается каждое поколение, дабы избежать и отсрочить наступление ответственности, образование скатывается, как с горки, не смотря на шикарную реформу высших учебных заведений в середине века. Я деликатно умолчу про институт брака – он изжил себя еще в прошлом веке, это факт. Необходимы изменения, новый политический курс, чтобы социальный уровень догнал технологический, пока это еще возможно.

– Джеймс, так как вы состоите в трансгуманистах, вы относитесь к какой-либо партии?

– Вопрос неуместен после моих слов, Оливия, вы меня не слушали. – Джеймс Оранж, блондин лет сорока мягко взмах-

нул рукой. – Политика тоже требует изменений.

– Это ответ? – ведущая ослепительно улыбнулась в голокамеру.

– Это очередной вопрос к обществу. Готово ли оно измениться, или мы медленно скатимся в средневековье.

– Консерваторы будут не согласны с вами.

– Более чем, Оливия. Я уверен, что еще несколько поколений несогласного большинства и человеческая цивилизация неумолимо приблизится к закату.

– Серьезное заявление, Джеймс. Наша аудитория, конечно, знакома с вашими тезисами и вас действительно поддерживают. – Оливия внимательно заглянула в свой вычурный розовый голоэкрэн. – Отдать воспитание детей на государственный контроль. Кто захочет расставаться со своим ребенком даже на небольшое время.

– Вы были невнимательны. Я уже неоднократно приводил доказательства своих тезисов. Но повторюсь самым простым: моя семья не занималась моим воспитанием в тридцатых и сороковых годах. Моими учителями были два отличных человека, заинтересованные в получении адекватного результата. Родители занимались материальным обеспечением и корректировкой воспитания. Когда в пятьдесят пятом у меня родилась дочь, ее воспитание я сразу же передал на контроль профессионалов. Сохраняя гармонию и адекватное отношение в семье, мы так же продолжаем воспитывать сына, привлекая к работе над воспитанием и обу-

чением ребенка специалистов. Наша дочь уже два года живет в Сингапуре, и недавно молодая пара решила завести детей. Я поинтересовался, какой стиль воспитания выберут молодые люди и был приятно удивлен, что дочь решила полностью отдать воспитание ребенка профессионалам. Это ли не доказательство, Оливия?

– Но не все могут себе позволить такую роскошь, как постоянные воспитатели. Ваша семья, Джеймс, не испытывает проблем с деньгами.

– Именно поэтому я в разработке своих общественных планировок настаиваю на организации государственного контроля. – прервал ведущую Оранж. – Последствия Точечной войны и наличие черных ангелов давно уже позволяют выделить финансовые средства на эти разработки в области социологических программ, но консервативно настроенные политики правительства не могут, да и не желают пойти на этот шаг. Вопрос: что им мешает заняться будущим? Социологическая стагнация может привести к глобальным разрушительным последствиям. Или подождем, когда возраст совершеннолетия поднимут до тридцати?

– Ограничения совершеннолетия благотворно влияют на общество. Вспомните проблемы с алкоголем и наркотиками в начале века.

Джеймс Оранж резко взмахнул руками.

– Вы бы еще вспомнили расцвет пси в конце шестидесятых. Речь не об этом. Поймите правильно – акселерация по-

колений в середине века снова сделала скачок, сейчас человек уже в семнадцать – это вполне развитая и способная личность. Всесторонне. Но обретает права и обязанности человек лишь в двадцать пять. И это в лучшем случае, при наличии адекватного образования и цивилизованности территории проживания. Последствия глобального затопления и так катастрофически усугубили положение многих прибрежных стран, разрушили инфраструктуры прибрежных городов и жизни многих людей. Дождаться социального кризиса будет грандиозной ошибкой для человечества.

– Ваша партия имеет политическую программу непонятную для многих.

– Ее нет.

– Простите?

– Нет политической программы. Нет политической партии. Есть планета Земля, орбитальная станция "Единый Мир", производственный комплекс на Луне и маленькая колония на Марсе. Трансгуманистические принципы сильно изменились за последние полвека, теперь любой человек с нашими принципами это планетарист. Политика старого стиля мертва.

Оливия не нашлась что ответить, скосила густо накрашенные глаза в голографический планшет. Джеймс Оранж внимательно посмотрел в голокамеру.

– Это долг каждого цивилизованного человека – преодолеть страх перед будущим и твердо выступить ему навстречу.

Медиафайл закрылся, оставив лишь надпись на экране "повторить с начала?". Нэнси отключила медиаимплантат и пружинисто прыгнула с полутораметровой высоты. Она делала утреннюю пробежку и остановилась отдохнуть на "трубах" – месте, которое она хорошо знала и помнила с детства. Старое производство с сетью трубопроводов, построенное еще в двадцатом веке, было давно заброшено. Его не стали переносить с окраины города куда-либо. А разбирать производство, видимо, было финансово невыгодно. Вот "трубы" и медленно покрывались налетом времени, служа прибежищем для детей и подростков, в изобилии порождаемых близким жилым массивом крошечных бюджетных жилищ. Пока Нэнси восстанавливала дыхание, пробежала на смарткомеленту новостей и наткнулась на интервью с Джеймсом Оранжем. Политик в последние годы набирал популярность, одновременно участвуя во всех движениях и умудряясь не занять ни одну из сторон, придерживаясь интересным людям принципов. Но о чем именно толкует светловолосый мужчина с пронзительным взглядом, девушка так и не могла понять, ведь она была простой жительницей города с образованием эколога.

Неподалеку из лабиринта металлоконструкций выползла стайка детей и испуганно воззрилась на девушку, но уже через несколько секунд с хохотом и воплями малыши умчались на следующую полосу препятствий. Сделав пару упражнений, девушка поправила спортивный костюм и побежала

дальше, вдоль анфилады заброшенных построек старых времен. Размеренное дыхание бега погрузило девушку в свои мысли.

После того, как внезапно исчез дядя Макс, она и Лита сбились с ног в его поисках. Никто ничего не знал – человек просто исчез. И везде, куда бы женщины не обратились, чувствовалось нежелание людей заниматься этим делом. Были и те, кто оказывал реальную помощь, несколько месяцев в неофициальных СМИ в сети этот случай вызывал оживленные дискуссии. В конце концов, Макса Лидеринга объявили пропавшим без вести и дело оставили открытым до получения данных. Фактически, что означало закрытие темы на всех уровнях.

Потом Нэнси уехала на последний год обучения на Филиппины. Или точнее на то, что от них осталось после глобального затопления в сороковых годах. Жалкие островки и возвышенности, где еще жили люди, не желающие покидать родные края, были опасны для жизни. Адская работа в этой точке земного шара захватила все время Нэнси и год пролетел незаметно. Она вернулась в город в мае семьдесят четвертого уже дипломированным выпускником ИСЭ и решила отдохнуть год, устроившись на непыльную работу в городском архиве. У девушки было много свободного времени и она часто уделяла время пробежкам по старым памятным местам детства.

Подняв голову наверх, Нэнси улыбнулась, заметив ле-

тящую крылатую фигуру черного ангела.

В комнате царил бардак. Повсюду валялись пустые пластиковые бутылки, упаковки, разнообразная грязная одежда. Пол проснулся от яркого луча солнца, заглянувшего с края окна. Окно двадцать пятого этажа находилось на западной стороне здания, и парень сообразил, что уже вечер.

– Врубись. – коротко и внятно произнес Пол и поплелся на кухню. Зажужжал кулерами охлаждения куб системного блока компьютера. Запнувшись о разбросанные по комнате груды мусора, парень, ругаясь, искал на кухне кофе. Не было ничего, кроме трех банок дешевого алкоголя. Пожав плечами, Пол откупорил одну и выпил половину содержимого.

Придя обратно в комнату, устроился на кресле перед монитором. Среди всего хлама в комнате лишь компьютерная система была в более–менее приличном состоянии. Загрузив онлайн игру, Пол зашел на сервер и проверил торговые позиции, которые установил вчера. В личные сообщения сразу посыпались просьбы, приветствия и угрозы – обычное дело в мире онлайн игр. Парень допил банку и, не глядя, выбросил через плечо. Убираться сегодня не хотелось. Как и неделю, и месяц назад.

За полтора года, после того, как Пол уволился из Центра, он так никуда и не устроился. Жил на деньги семьи, а когда при очередном скандале его лишили финансирования, начал

зарабатывать в сети. Подсел на алкоголь, легкое пси, онлайн игры. Иногда бывает, люди от безысходности начинают прожигать жизнь, убивая время абсолютно ненужной чепухой. Такой момент настал и у Пола, выпускника ИКТа.

Парень откупорил еще одну банку и, приготовившись уже всосать содержимое, услышал, как открылась входная дверь. Гостей он сегодня не ждал, как и всегда. Последний раз к нему кто-то приходил полтора месяца назад.

Краем глаза Пол увидел, как в комнату вошел отец. Мужчина носком дорогого ботинка отпихнул попавшуюся на пути коробку из-под набора видеоадаптеров.

– Разуваться не буду.

– Ага. Я сегодня еще не убирал с утра.

Отец распахнул полы пиджака и засунул руки в карманы, пройдя к окну.

– Все херней маешься?

– Да. – безэмоционально ответил Пол. Скандала было не избежать, и он отрешенно пялился в экран, бездумно крутя в руках полную банку.

Молчание затягивалось, отец созерцал предвечерний город за окном, парень потянулся за лежащей на столе капсулой пси. Возможно, на этот раз удастся не разозлиться, если принять препарат, подумалось ему.

– погоди, есть разговор.

Рука Пола с капсулой застыла на полпути ко рту, когда он услышал покладистый голос отца. Обычно в семье скан-

далить начинали по нарастающей, с легких уколов, заканчивая криком с матом. Но сегодня отец явно был настроен на конструктивный разговор. На экране высветилась надпись "связь с сервером прервалась". Пол поморщился и, развернувшись на кресле, выпил несколько глотков из банки. Отец продолжал, все так же глядя в окно.

– Нам с матерью совсем не хочется, чтобы ты и дальше гнил здесь. Поэтому я тебе кое-что привез. Внизу стоит машина, в ней хорошее оборудование. Все лучшего качества, что я смог найти у своих поставщиков. Приведи свое жилище в порядок, технику поднимешь сюда сам. – мужчина бросил пластину инфоключа от машины на стоящий у окна пыльный стол. – Попробуй свои навыки, полученные в ИК-Те, пока еще не все мозги тебе пси убило.

Отец развернулся и спокойно посмотрел на недоумевающего отпрыска. Подошел ближе, достал из кармана карту с голографическим чипом. Вокруг нее слабо мерцал ореол привилегированного доступа.

– Что именно ты будешь делать, меня не интересует. Зайду месяца через три, проверю, как ты. И еще: играл на сервере "шпильхейм"?

– Да. – ответил Пол.

– Мои спецы тебя взломали и удалили все данные. Займись делом. – мужчина протянул парню карту. – Здесь тебе хватит денег надолго. Можешь допивать свое бухло, обдумывать и приступать. Если умудришься вляпаться в грязные

дела, на помощь не рассчитывай. Я и так тебе помог достаточно.

Пол рассеянно взял протянутую ему карту и взглядом проводил уходящую фигуру отца. Допил остатки алкоголя и, откупорив третью банку, проверил игровой сервер. Все было удалено, включая аккаунт. Вновь протянул руку к капсуле пси, но в последний момент отдернул.

– Вот дерьмо.

Развернув кресло, устался в окно на стремительно темнеющее небо и допил алкоголь. Встав, прошел на кухню и взяв объемный мусорный пакет, бросил емкость внутрь. Мусора выносить нужно было много.

Женщина смерила гостя презрительным взглядом. Молодой высоченный парень крутился в магазине уже битых пять минут и начал действовать ей на нервы. Ювелирная лавка женщины, расположенная в туманном Альбионе, за годы своего существования повидала много разных клиентов, как и ее хозяйка. Особенно яркими для женщины были воспоминания о двадцатых годах, в самый разгар преступности. В те годы бывало ее отец несколько раз защищал свое имущество и недвижимость с автоматической винтовкой М-16А2 в руках. С тех пор гости мрачного вида и явно неместные, пугали женщину, а с возрастом вызывали у нее злость. Женщина немного переместилась за прилавком, поближе к кнопке вызова тревоги, не доверяя установленным в ювелирной

лавке охранным системам.

Долговязый клиент как будто очнулся и размашистым шагом подошел к женщине. Ткнул пальцем в витрину на одно из дешевых колец.

– Вот это, пожалуйста.

Немного опешив, женщина потребовала деньги и, получив оплату наличными, упаковала покупку.

Рости спрятал коробочку во внутренний карман плаща и стремительно вышел из ювелирной лавки. На улице царил обычно вечерний бедлам. Крупная улица была забита шествием религиозных сектантов какого-то там по счету судного дня, и Деланор свернул в переулок. Он оказался торговым, повсюду торговали всем, что только возможно. Приобрести здесь тяжелые пси препараты или нелегальные имплантаты, было как купить в магазине хлеба. Торговцы здесь не боялись ничего, то, что осталось от полиции сюда не совались, а ангелов не интересовали экономические преступления. Дела тут, в основном, вели честно, никому не были нужны скандалы, которые привлекают крылатых на эмоции. Психованных клиентов или обдолбавшихся наркоманов с торгового переулка просто выбрасывали на проспект, где их иногда подбирал редкий патруль или уничтожал из БАна ангел. Но чаще таких субъектов обирали до нитки местные воришки и утром они, слегка придя в адекватное состояние расползались, как тараканы по своим логовам.

Парень шел прямо, не обращая внимания на торговое

безумие вокруг, до места назначения ему оставалось три квартала. За углом старого района построек тридцатых годов торговые ряды закончились, лишь все первые этажи щедро были украшены разномастной рекламой, от простых вывесок до новейших вычурных голографических установок, транслирующих товары или услуги прямо на улочку. Росту не сразу сообразил, что все люди идут ему навстречу, задумавшись о своем. Очнулся лишь, практически наткнувшись на плотную шеренгу украшенных светящимися татуировками короткостриженных людей. Недоуменно оглядел их – неужели сектанты решили устроить свару прямо посреди города. Но религиозники просто стояли непроницаемыми рядами, преграждая путь.

На него уже обратили внимание, ближайšie к Росту внимательно уставились на него одухотворенными взглядами и застыли, как истуканы.

– Неверие ненаказуемо и огонь сожжет тебя. Спаси свою душу, пока не поздно.

– Обойдусь. – коротко ответил Деланор и двинулся вперед.

Стоявший перед ним парень был одного с ним роста, полностью лысый, череп слабо мерцал световыми татуировками в сумраке. Он протянул ему карманный терминал оплаты.

– Мы спасем тебя, даже если ты не желаешь этого. Пожертвуй деньги, апокалипсис близко, тебе они не нужны.

Деланор спокойно уставился вплотную в лицо фанатика.

Заговорил его сосед, плотный мужичок лет пятидесяти.

– Как твое имя?

– Ростислав. – раскатисто произнес Деланор.

Ряды расступились. Фанатики нехотя освобождали путь. Деланор шел сквозь них, как нож сквозь масло. Удивительно, границы мира уже полвека как прозрачны, государства многонациональны, а славянское имя, данное ему матушкой, до сих пор в людях вызывает почтительную дрожь. Росте уже плохо ее помнил, он ушел из дома за год до того, как на улицах порядком занялись биокиберы. Помнил лишь, что это была очень властная и громкая женщина, которую безумно бесило его спокойствие.

На проспекте по центру дороги шли религиозные фанатики, парализовав движение машин. Росте быстро прошел оставшиеся два квартала и нырнул в подъезд, сухо кивнув консьержу. Тот не обратил на него внимания, полностью уйдя в просмотр медиа в глазных и ушных имплантатах.

Войдя в квартиру, он включил освещение. Лиза стояла у окна, то ли созерцая религиозное шествие, то ли использовала имплантаты. Росте пару секунд разглядывал ее фигуру и направился на кухню. Приготовив чай, вернулся в комнату и, подойдя к девушке, протянул ей дымящуюся чашку. На этот раз она обратила внимание.

– Спасибо. Я тестировала детализацию и усиление звука.

– Я так и понял. – Росте уронил свое тело в кресло, которое жалобным скрипом запротестовало против такого ин-

тенсивного использования.

– Я пересмотрела множество исторических архивов. Странно, но еще десяток лет назад этих клоунов разогнали бы специальными звуколазерными установками. Сейчас они, наверное, ржавеют в государственных ангарах техники.

Рости пригубил чай.

– Или переоборудованы в что–нибудь полезное.

– Полезное ли? – задумчиво произнесла девушка в пустоту.

Два года назад они бежали от Центра как можно дальше. Сначала уехали на холодный север, где несколько месяцев жили, как в шпионской мелодраме, подскакивая до потолка от каждого приближающегося к ним человека. Лиза держала палец на спусковом крючке, готовая в любой момент слить доступную им информацию в Сеть. Но ничего не происходило, их никто не искал, было лишь удивление внезапным побегом от тех, кто знал их. В конце концов они плюнули на шпионские игры и уехали в транснациональный мегаполис туманного Альбиона.

Здесь Елизавета Гранд снова взялась за старое, промышляя журналистской деятельностью. Осторожно копнула информацию про полицейского Макса Цербера, но никто ничего не знал. От того случая Рости впервые на ее памяти разозлился и одним ударом разнес в щепки межкомнатную дверь. Услышав шорох крыльев за окном, они застыли от ужаса, но все обошлось – биокибер потерял мгновенно стих-

нувшую ярость спецназовца.

У них были странные отношения даже по меркам этого странного времени. Всё было чересчур – от упаднического "все ужасно" до экзальтированного "это божественно". Лиза даже уезжала на три дня, после очередного недопонимания. Потом вернулась, вытащив мертвецки пьяного Ростя из местного бара. Посетители с ужасом наблюдали, как низенькая девушка утаскивала пьяного в хлам долговязого парня на улицу.

Ростя нашел работу в местной государственной администрации. В здании обитали местные мелкие шишки госаппарата и периодически заглядывали крупные. Лиза на всякий случай спрашивала Ростя о том, что там происходит, но не было ничего для нее интересного. А девушка продолжала тем временем собирать по крупицам информацию о проекте "СРВ".

Ростя рывком встал с кресла и, подойдя, забрал у Лизы опустевшую чашку, оставив посуду на тумбочку. Лиза снова посмотрела в окно, Ростя обнял девушку.

– Почему ты еще в верхней одежде, ты и без нее очень огромный.

– Потому что у меня во внутреннем кармане для тебя подарок. – Деланор широко и глупо ухмыльнулся.

Лиза нахмурилась, но быстро нырнула рукой в указанный карман. Нащупав маленький предмет, быстро извлекла его на свет. Подозрительно посмотрела на все еще глупо ухмы-

ляющегося Росте.

– Если это периферия для медиашлема, то возможно ты зря потратил деньги.

Быстро развернув упаковку, Лиза открыла коробочку и глаза девушки расширились.

– Вот это.... Очень неожиданно! – Елизавета Гранд впервые за вечер улыбнулась.

На улице что-то полыхнуло, раздались крики, шум толпы нарастал. Ясно различимый звук крыльев биокиберов и последовавший за ним звук работающего биологического аннигилятора.

Человек по имени Ник наблюдал. Его объектами наблюдения было множество целей на четырех голографических экранах последних моделей. Помещение, где находился Ник, было не слишком большим, но и не тесным. Одну из стен полностью занимал огромный системный блок с сервером. Безопасность и незаметность требовали больших мощностей в информационный век. Тихое гудение кондиционера и еле слышный треск неоновых ламп освещения практически не нарушали тишину. Ник шевельнулся и комбинацией клавиш вывел на один из экранов схематическое изображение помещений здания и пробежал курсором по точкам в ней. С каждым прикосновением к точке выскакивало отдельное меню с десятками строчек. Все они горели серым. Ник включил музыку. Не всегда синхронные ритмы музыкальных инстру-

ментов мягко наполни звуком помещение.

Внешность Ника была малозаметной, не запоминаемой. Обычные черты лица, средний нос, простые губы, непонятного цвета глаза. В толпе людей, даже когда на него смотрели более минуты, потом никогда не могли описать его внешность. Он как будто растворялся, взгляды людей проходили сквозь него, не задерживаясь на деталях, которых не было.

У Ника не было документов, он нигде не жил официально. Это было практически невозможно во второй половине двадцать первого века. У него даже не было возраста. Ник сам не знал, сколько ему лет, двадцать, сорок или шестьдесят. И у него не было имени. Ником его называли лишь цели, которым он так представлялся. Своего имени он не знал. Да и ему не было нужно это знание, как и знание о возрасте и прочие незначительные детали социума, которым люди так сильно предают значение.

Просмотрев все точки на электронном чертеже, Ник вывел на соседний экран список новостей за последнее время, бегло просмотрел его и выбрал репортаж одного частного информационного источника о терраформировании восточного побережья северной Америки. Медиафайл был сделан профессионально и качественно, оператор грамотно заснял панораму проводившихся на побережье работ. Четкий женский голос за кадром вел повествование:

– В августе сорок второго года Калифорния все же была затоплена прорывом северной части грандиозной много-

километровой плотины. Ее сохранившиеся части вы можете видеть под водой, они скрылись уже на десятки метров, но кое-где еще выступают. Поразительно, что количество жертв исчислялось всего тысяча сто тремя людьми. Несмотря на то, что подготовлены были все, до сих пор ходят слухи о намеренном повреждении водозащитного сооружения. Эвакуация из затопленного района вглубь континента происходила быстро и без эксцессов, что вызывало зависть у других государств, которые понесли неизмеримо большие потери среди населения и инфраструктур.

Диктор подождала, пока камера закончит облет побережья, и снова продолжила после того, как изображение начало показывать технику и людей на побережье.

– Сейчас линия водораздела отодвигается дальше с каждым годом. Люди возвращают себе то, что природа забрала у них.

Ник выключил медиафайл и пролистнул список в самый конец и промотал новый файл на середину.

– Девятый сектор станции "Единый Мир" был запущен в мае семьдесят третьего и полностью был смонтирован и введен в рабочее состояние всего месяц назад. Тем временем национальный проект трех государств НКС только через пятьдесят дней получит свою четвертую секцию. Во второй раз ее будет выводить по частям шесть сверхтяжелых носителей "Берфорс".

В помещении раздался посторонний звук, нарушивший и

без того рваный ритм музыки. Но Ник отреагировал раньше, как будто почувствовав неладное заранее и уже был на ногах. Быстро бросив взгляд на третий экран, специалист встал посередине и вскинул руки. В тот же момент в помещение вошли двое. В руках у них были парализаторы, но под одеждой угадывались очертания еще какого-то оружия.

– Национальная безопасность. Производим арест.

– Вряд ли. – ответил Ник.

За спиной оперативников национальной безопасности зашуршали гелиодроны и в тот же момент люди ничком осели на пол. Дроны спрятали разрядники и зависли в тишине помещения.

Ник прошел к затемнённой стене и открыл там нишу. Тесная кабина захлопнулась, и пневматическая капсула рухнула вниз по тоннелю в подвал. Там Ник перелез через вентиляционное отверстие в соседнее здание и пробежал до его противоположного торца. Выйдя в покосившуюся дверь, запер замок и направился на соседнюю улицу. Пройдя четыре дома, достал смартфон и приняв данные, активировал систему. Яркий свет озарил последний этаж здания, в котором находилось помещение с техникой, теперь плавившейся под воздействием высоких температур. Теперь никто не мог достать данные с полностью уничтоженных компьютерных систем. С той стороны раздавались отрывистые команды, крики и над зданием парил биокибер, внимательно сканирующий местность. Ник шел, не оборачиваясь.

Транспорт опаздывал. Видимо, снова начались проблемы с электроснабжением, такое случалось один или два раза в неделю. Пол вывел часы на сетчатку глаза, посмотрел время и выключил имплантат.

За пару месяцев он изучил предоставленное отцом оборудование вдоль и поперек. Фактически, Пол мог теперь дома собрать самый сложный наноимплантат или небольшой термоядерный реактор. Но куда применить новейшие разработки он решительно не осознавал. Поэтому в очередной раз в выходные дождался, когда вакуумный поезд выпрыгнет из туннеля. На информационном табло выскочила надпись с извинениями и в подземку стремительно влетела игла турботранспорта.

Пятнадцать минут на скорости в четыре сотни километров в час и Пол вышел в подземку далеко за пределами города. Станция вакуумного поезда располагалась прямо над заброшенным промышленным комплексом, который и был увеселительным молодежным центром. Тут, вдали от урбанизации, молодежь гудела вечерами и ночами, не опасаясь крылатого возмездия с небес. Драки случались, но редко, все же люди привыкали вести себя сдержанней. На всякий случай, владельцы, основавшие центр развлечений, привлекли на службу частную охранную компанию, которая осуществляла наблюдение за появлением биокиберов. Разумеется, все это было организовано нелегально, о чем знали все. Но в два-

дцать первом веке это было обычным делом, так что никто особо не удивлялся.

Парень заглянул в несколько баров и остановился в одном, с умеренными ценами и не слишком галдящей публикой. Не спеша потягивая спиртное, завел знакомство с двумя девушками, от которых вскоре ретировался, заметив через свой новый имплантат, что одна из них не совсем девушка. Качественная хирургия, с появлением в пятидесятых годах новых биотехнологий, могла в совершенстве изменять человеческий организм. Апофеозом совокупности этих технологий стало форсирование психики и, соответственно, создание черных ангелов, после чего ООН был наложен мораторий на совершенствование человека, в том числе и генетическое. Кто именно изобрел нейросинаптический метод, прозванный впоследствии форсированием, не знал никто. Но то, что все остальное доделал ученый Эндрэй Поланский знали все, кто был в теме. Пол подозревал, что его отец был как-то связан с проектом в самом его начале – уж очень он мрачнел и всегда нелестно отзывался о всем, что было связано с этой государственной программой.

Пол увидел знакомое лицо и махнул рукой – к стойке бара подкатился высокий дородный улыбающийся мужчина.

– Пол Янсен! Я уж думал тебя давно в андроида переплавили и на запчасти разобрали! – заорал на все заведение толстяк.

– Не фамильярничай, Кай. – улыбнулся Пол. – Как сам?

– Да получше, чем ты выглядишь! – захохотал Кай. – Ты что в этой дыре торчишь, пойдём наверх, там сейчас будет жарко.

По дороге наверх парни напоролись на драку – трое женщин таскали друг друга за волосы под свист и улюлюканье собравшейся вокруг толпы.

– Прямо как в добрые шестидесятые! – Восторженно щелкнул языком Кай и картинно смахнул как будто наверху слезу умиления. – Но не будем дожидаться окончания этого великолепного зрелища, вперед и вверх, как завещал один русский поэт!

– Ты уже и до русского добрался, мало тебе трех выученных языков? – Пытаясь не отстать от стремительного толстяка, на ходу произнес Пол.

Кай слегка умерил темп почти бега.

– Лишним не будет, в дополнение к английскому, китайскому и испанскому. Odin hren рано или поздно все языки сольются в один – это неизбежно. По крайней мере я могу распознать, что меня обматерили четыре из восьми миллиардов населения этой планеты.

– Ага. И товарищу майору сможешь все рассказать в два раза быстрее, – усмехнулся Пол. Парни вышли на ярко освещенную крышу, слегка прикрытую сверху остекленными фермами. Уже всю сияли звезды, вечерело рано. Пол углядел известную голокоманду на сцене посреди крыши. Но Кай потащил его на периферию к наспех установленным тор-

говым точкам за неизбежным повышением градуса в организмах. Об этом Пол не сильно беспокоился, так как недавно приобрел дорогой медицинский имплантат с кучей полезных функций, включая подавление абстинентного синдрома.

Голографический концерт начался – успели ровно за минуту до начала. Тематикой аудиовизуальных проекций были события точечной войны. Среди толпы проезжали танки, бежали пехотинцы, над головами пролетала авиация и дроны. Мерцающий ландшафт среди зрителей менялся с бело–желтого пустынного на блистающие всеми красками зеленого тропический и на искрящийся оттенками белого и серого тундровый. Пола завораживали голографические концерты – совокупность света и движения давали эффект глубокого погружения и порождали полную атмосферность. Некоторые люди использовали сильные пси в больших дозах, чтобы эффект погружения был максимальным. Таких иногда увозили с голоконцертов медицинские бригады. Такова человеческая ненасытная природа – целого мира мало.

– Великолепно – громогласно перекричал Кай музыкальное сопровождение, вернув Пола из навеянного технологиями состояния созерцания. – Точечную войну было бы правильнее назвать высокоточной – боевые действия велись с применением высоких технологий, включая использование микроракет с орбитальных спутников и примитивных тогда еще наноботов. Поразительно, что боевые действия в Африке и Океании велись даже копьями и луками. Воистину, ши-

карный контраст!

Вступительный десятиминутный голографический фрагмент завершился серией тактических ядерных взрывов. Пол поежился – до сих пор никто не знал, кто применил на городах стран третьего мира ядерное оружие, унесшее жизни двадцати миллионов людей. В десять раз больше, чем жертвы ядерных бомбардировок Японии. Впрочем, перенаселенные нищие страны третьего мира почти не заметили потерь, больше сокрушаясь утратой инфраструктуры городов, а сверхдержавы были слишком заняты своими боевыми действиями. Мир узнал о применении ядерных тактических зарядов лишь через год после окончания войны, когда страны третьего мира смогли докричаться до цивилизации, а после драки, как известно, кулаками не машут.

– Наука, технологии и медицина продлили нам жизнь на десятки лет, по сравнению с началом века. Моему отцу семьдесят четыре года, но он все еще активно занимается промышленностью и экономикой. Мне двадцать четыре и впереди еще вся жизнь. На что же мы ее тратим здесь. – задумчиво проговорил Пол. Кай усмехнулся.

– Не думай о времени, иначе скатишься в философские рассуждения о тщетности всего сущего. Не думаешь вернуться в ИКТ?

– Зачем? Я, наверное, зря отправился работать в Центр. Сейчас совершенно не желаю работать в системе. Займусь фрилансом.

Кай хмыкнул и уверенно свернул пробку с новой бутылки алкоголя. Выпив почти все в молчании под следующую композицию, Кай с Полом пробрались в центр толпы. Там царило оживленное действие, преимущественно молодежь развлекалась вечными для этого поколения ценностями – закидывалась веществами и дралась.

Сильно спрессованная толпа в центре крыши не заметила сигналов с охранных вышек, даже когда стихли звук и свет. Пол с ужасом увидел мелькнувшие в толпе черные крылья и протяжный звук БАна. Перезарядка излучателя длилась двенадцать секунд и кинувшийся на черного ангела человек с перекошенным злобой лицом встретил выстрел в упор. Кинетический заряд прошел тело насквозь и по траектории выстрела влетел в массивное туловище Кая. На Пола брызнула кровь из раны, и он опустил взгляд вниз, себе на грудь. Набухающие на одежде красные пятна были не только кровью Кая. Кинетическая пуля застряла в груди Пола. Парень почувствовал вибрацию, загорелся интерфейс медицинского имплантата: "Серьезное повреждение сердечной мышцы, производится стабилизация, отправлен запрос на медицинскую помощь". Пол протянул руку вперед, к лежащему на боку Каю. Тот был без сознания, возможно в шоке, что неудивительно после выстрела в корпус навывлет. Пол ощущал действие транквилизатора и удивленно подумал, что не зря обзавелся медицинским имплантатом. Спокойно поднял глаза – на расстоянии трех метров от него черный ангел вски-

нул завершивший перезарядку БАН на очередного бедолагу и разрядил излучатель. На матовой броне проглядывали цифры. Триста сорок два. Пол узнал боевую единицу, они встречались десятки раз на взлетной площадке Центра. Вскоре биокиберы включили генераторы нейронного подавления, их активация происходила удаленной командой из Центра.

Пол вспомнил события, которые случились с ним почти два года назад. Как в Центре перед ним рухнул черный ангел. Как он потом решил уйти и напился в городе. Как познакомился с девушкой и как его ударил тот псих. Как снова появился биокибер. Мысль, идея, концепция уже зрели в его голове. Пол навскидку прикинул, что из необходимой техники потребуется для последующей разработки задуманного. Глаза парня уже загорелись огнем изобретателя – у него было практически все, что нужно.

Лиза сидела в небольшом уютном кафе на четвертом этаже и внимательно разглядывала через имплантаты оцепление. Случайно увидев в сети странное происшествие, девушка сначала не придавала ему значения. Но, проверив данные, удивленно обнаружила, что в оцеплении находилось более десяти специалистов и решила разведать. Работы на последнем этаже здания велись основательно, там явно было что-то серьезное. Стремительно темнело, наступал вечер.

Девушку отвлек звонок, и она переключила имплантат на

связь.

– Где ты? – голос Рости был как всегда флегматичен.

– В южной части города, тут пару дней что-то копают, наблюдаю.

– Меня сегодня направили на замену в медицинский центр, можешь подъехать?

Лиза задумалась. Рости никогда ее не выдергивал с объектов просто так. Тем более никогда не звал к себе на работу. В любом случае, просто сидеть и наблюдать, как специалисты роются в грудах мусора в оцепленном здании, уже не имело смысла.

– Буду в течение часа.

Путь до больницы занял менее сорока минут, Лиза воспользовалась метро. Не заметить высокую фигуру парня у здания было сложно, и девушка свернула к служебному входу, куда кивнул ей Рости. Они поднялись на лифте, прошли по длинному коридору и прошли пару лестничных пролетов. Там Лиза не выдержала и любопытно поинтересовалась:

– Так куда мы направляемся?

Рости, не оборачиваясь, спокойно произнес.

– Думаю тебе интересно будет немного поболтать с человеком, который работал в проекте. Это биолог, его зовут Томас.

После лестницы молодые люди оказались в еще одном длинном коридоре с огромным секционным окном на одной стороне и рядом дверей на другой. Рости повел девушку и

посередине коридора приоткрыл одну из дверей, потом кивнул Лизе.

– Заходи.

В палате находилось четыре места, оборудованных сложным медицинским оборудованием, из них три были пустыми, а одно занимала тощая фигура человека. Биолог был стар, и, видимо, болен, подключенный к нескольким системам жизнеобеспечения.

– Здравствуйте. – произнесла Лиза.

Старик отвлекся от экрана планшета и уставился на девушку.

– Вы работали в проекте?

– А кто интересуется? – прищурился биолог.

– Мое имя Лиза, я независимый журналист. Меня интересует проект, я несколько лет уже занимаюсь поиском информации по нему.

– И что вы знаете про меня? – перебил старик девушку.

– Ничего.

Биолог глубоко вздохнул. Лиза повернула голову и обнаружила, что Росте в палате уже не было. Имплантат записи звука был уже включен – девушка снова внимательно смотрела на старика.

– Если они стерли имя Томаса Фишера из истории, то очень зря. На подписку о неразглашении мне уже насрать – я умираю. Вы знаете, что я создал все, чем сейчас является Центр. Без моих научных изысканий и организации работы

они никогда бы не завершили свой чертов проект.

– А чем конкретно вы занимались?

– Я преподавал в Карлсруэ. Был самым знаменитым профессором биологии в Европе. В шестидесятом мой бывший студент Александр Колибри предложил мне курировать лабораторный комплекс. Это был закрытый объект недалеко от Цюриха. С самого начала они собирались диверсировать мою работу, и я не соглашался на их драконовские условия, пока через три года, – старик едко усмехнулся, – их чуть не закрыли. Колибри согласился на мои условия, и я стал во главе проекта. Конечно, под ногами мешали всякие выскочки, вроде моей еще одной бывшей студентки Инвер и недоучки Поланского.

Елизавета вся превратилась в слух. Разговорчивый старик явно думал только о себе, но знал очень много.

– Мы добились успеха, под моим четким руководством. Я бы и сейчас был куратором Центра, если бы не подвело здоровье. Мне пришлось бросить работу в шестьдесят пятом и вот уже почти десять лет я прикован к этой чертовой койке. Сомов предлагал мне заморозиться, но я не желаю десятилетиями торчать в криозаморозке. Буду и дальше гонять этих олухов, у которых в медицине лишь базовые познания.

Бывший профессор замолчал. Лиза внимательно смотрела на старика. Он явно был эгоистом и мог запросто нести чушь, приписывая все заслуги себе. Но Елизавете было важно не это.

– Вы можете ответить на несколько вопросов, касающихся черных ангелов?

– А как же. Помню, какой–то религиозный имбецил, по недоразумению называвшийся ученым, так их прозвал в шестьдесят четвертом. А потом другой кретин прикрутил второму поколению крылья. Или наоборот по времени? Память подводит.

– Томас, скажите, кто финансировал проект?

– Сначала это была идея Колибри и какого–то олигарха из Нидерландов, уже и не вспомню сейчас, как его звали. Потом его побрили, прикрыв разработки правительственной национализацией – после пятидесятых, власти только богачей и могут гонять, ущемлять другие слои населения слишком опасно. И они тоже прекратили бы финансирование, если бы я не вытащил их тогда из тупика.

– Сколько было убито людей в экспериментах?

Старик прищурился.

– А какая разница? По ночам давят транспортом в разы больше, чем за годы существования проекта. Мы проводили эксперименты на людях – но этих изгоев общества и преступников разве можно называть людьми?

Лиза мысленно поставила себе галочку в графе "промахи". Спрашивать у биолога, всю жизнь резавшего живую плоть про количество жертв было так же нелепо, как спрашивать у политика, сколько раз он соврал.

– Какова была истинная цель проекта?

Старик задумался.

– Не думаю, что кто-то вообще знает ответ на этот вопрос. Для меня проект был наукой, следующим шагом вперед после должности профессора в институте. Мы использовали все достижения биологии за последние сто лет, чтобы выпустить в мир этих нелепых куриц охранников.

– Они убьют нас всех? – почти прошептала Лиза.

– Они же мертвые. – бывший профессор недоуменно посмотрел на девушку, глаза которой расширились до предела. – Успешное форсирование мозга и нервной системы возможно лишь в состоянии глубокой комы и только у мужских особей. Но недоучка Поланский никогда не догадается, как работают эпигенетические программы форсирования. Их же случайно открыли в конце пятидесятих, как пенициллин в двадцатом веке. Технарь!

Лиза молчала. Раньше она никогда не воспринимала черных ангелов, как людей. Просто в них не было ничего человеческого. А теперь она представила, через что они проходили, прежде чем становились биокиберами с порядковым номером вместо имени. И в девушке еще сильнее выросла уверенность в том, что проекту просто необходимо положить конец.

Девушка попрощалась со стариком и покинула палату. Росту дожидался ее в коридоре в компании молодого темнокожего врача. В широкие окна светили огни туманного Альбиона и редкие звезды.

– Удивлен, что ты так долго этого несносного деда выдержала. – усмехнулся медик. – Он умудрился выжить из своей палаты всех пациентов, последним сбежал парнишка, которому биокибер сердце прострелил из кинетики. Повезло, что не из БАна и через два других тела выстрел прошел, медуимплантат его спас, редкий случай. Несмотря на то, что у парня теперь стальное сердце – невыносимого мистера Фишера не осилил.

Рости молча смотрел на Лизу. Девушка заметила это и улыбнулась. Оцепенение спало, и Лиза знала только одного человека, к которому можно было обратиться.

– Все хорошо, спасибо, что позвал поговорить меня с Томасом. – девушка проводила взглядом уходящую фигуру медика и почти прошептала. – Ростик, ты сможешь мне найти Ника?

Филиал проекта "СРВ" в Гонконге располагался почти в центре, в районе Сайвань. Поланский прилетел в Китай частным рейсом, вместе с Джеймсом Оранжем, но по привычке ученый проспал большую часть полета, не разговаривая с политиком. Добравшись до филиала, Эндрэй обнаружил, что Рафаэль Андерсон его уже ожидал у самого входа. Обменявшись приветствиями, мужчины прошли просторный холл здания и на лифте поехали на двадцатый этаж, в секцию, арендованную проектом.

– Уже август, Поланский. За почти год у нас четыре трупа,

на которые биокиберы не среагировали.

Эндрэй устало потер пальцами переносицу и посмотрел на начальника. Когда Рафаэль обращался к нему по фамилии, это означало, что начальник недоволен. Он был предсказуем иногда.

– Рафаэль, я работаю над этим. Форсирование на негативные эмоции безупречно. Мы просто упустили деталь и нужно больше информации, чтобы ее найти.

Лифт остановился и мужчины прошли в просторный зал с компьютерными терминалами операторов. Этажом выше располагались камеры биокиберов и взлетный коридор. Рафаэль махнул картой доступа в помещение управляющего и Поланский прошел за ним в кабинет. Молодой управляющий китаец внутри приветствовал ведущего ученого и координатора и незаметно испарился через секунду.

– Мне нужен результат. – Рафаэль уселся в огромное удобное кресло. Поланский прошел в центр и остался стоять. – Или придется закрыть все сторонние разработки, включая твои научные изыскания.

Поланский уже привык, что Андерсон использует такой примитивный ход против него и почти сохранил самообладание.

– А мне нужно больше информации. Ты до сих пор молчишь про ZeroOne. И что у тебя за постоянные встречи с трансгуманистом Оранжем? Я смогу дать нормальный результат без торопливости и при большем доступе к инфор-

мации.

Рафаэль активировал терминал и сварливо произнес:

– Фишера на тебя нет.

Поланский усмехнулся.

– Томас только портил всем нервы и тормозил процесс.

Да, как биолог он великолепен, но он уже прошлое – второй год прикован к постели в медцентре Лондона. Если бы не достижения современной медицины и оплата его лечения проектом, загнулся бы еще лет пять назад. А ты мне портишь нервы не меньше, чем он.

Координатор вывел изображение на обратную сторону голоэкрана.

– Вот все, что я знаю про ZeroOne. Абсолютно ничего. Тысячи людей по всему миру работают и отправляют данные в Сеть, а куда она попадает дальше, ни один программист в мире не может разобраться.

– Физика, химия, биология, генетика и математика. И еще с десяток смежных дисциплин. В основном все связанное с компьютерами. Похоже на сбор информации.

– Да, все так и думают. Но куда и зачем я точно не знаю. Так что, Эндрэй, у меня нет от тебя каких-то секретов. А с Оранжем я провожу встречи, потому что этот политик стремительно набирает силу. В современном мире нужны крепкие связи.

Поланский молчал.

– С Велией не связывался?

– Нет, да и не нужно. Я найду способ поймать убийцу. Может, придется перепрошить пару наших биокиберов.

– Без проблем. У тебя же полный доступ. Задействуй все ресурсы.

Андерсон поднял глаза, лишь когда за Поланским закрылась дверь. Хмыкнул и откупорил фляжку, сделав добрый глоток и поморщившись.

Ученый за несколько часов проверил работу систем верхних этажей, осмотрел биокиберов и вышел из здания на оживленные улицы Гонконга. Вызвал через смартфон такси и в ожидании стал разглядывать гудящие толпы прохожих на противоположной стороне проспекта, наполненного транспортом.

Андерсон упомянул в разговоре Велию Контадино, которую Поланский не видел уже три года, после того, как умер ее брат Виктор, не выходя из комы. Осознание от того, что она была с ним лишь в ожидании чуда от ученого, пришло сразу же. Поланский легко перенес ее уход, посвятив освободившееся время проекту.

Голографическая девичья фигура появилась за спиной и, нырнув сквозь мужчину, зависла перед лицом, мерцая оттенками сиреневого.

– Звезды падают, даже те, которые должны летать. Ищешь ответы, зацепки, улики, знамения. Размытые границы будущего и суть настоящего. Ноль и единица единое целое, как цепочка ДНК, без жизни нет смерти, без смерти нет жизни.

Итогом будет свет, тьма, инь, янь, ноль, единица или нечто новое, целое, неделимое.

Прежде, чем Поланский успел что-либо сказать, фигурка растворилась и подъехал электротранспорт. Ученый оглянулся, в поисках голографической установки за спиной.

Ее там не было.

Пол работал три месяца, практически не отвлекаясь. Навещал пару раз Кая в больнице – как отказалось, его ранение было легким, но с осложнениями, просто толстяк сразу же потерял сознание. Ему заменили пробитую поджелудочную и срастили сломанные выстрелом ребра. Он постоянно отшучивался, что не будь таким толстым, умер бы от потери крови или был бы тонким, черный ангел в него бы не попал. Пол был благодарен Каю, если бы не друг, то кинетический заряд пробил бы Янсену сердце навывлет.

Один раз Пол пригласил к себе знакомую шейли, но выпроводил девушку сразу после ночи – работа захватила парня с головой. Но, как оказалось, самым сложным оказалось не создание блокирующего генератора, способного отключать в некотором радиусе восприятие черных ангелов, а его проверка на практике. Пол часто думал, почему никто не создал его раньше, пока однажды под мерный стук своего нового механического сердца не осознал – это был просто страх. Люди жили в постоянном страхе от неминуемой кровавой расправы.

Пол стоял у окна и смотрел на город. Люди, жившие в нем, не пытались сменить сложившийся уклад и быт. У людей было все, что нужно для жизни в современном мире – воздух, вода, пища, крыша над головой и развлечения. Парень понимал, что он идет против сложившейся системы, потому что у него есть желание изменить мир. В мире Пола Янсена, где силуэт в низко надвинутом капюшоне стал символом информационного сопротивления, не было места простой человеческой жизни.

И он менял мир по–своему.

В конце ноября семьдесят четвертого Пол решился проверить блок–генератор. В одном из мелких магазинчиков, которых в Европе было полно на каждой улице, парень оставил генератор в припаркованном фургоне электромобиля и активировал. Заряда, по показаниям приборов, хватало на час работы.

Почти все время Пол крутился в магазине, пока не поймал воришку за руку. Тот молча улыбался и тянул руку из крепко захваченного запястья парня. Пол уже видел направляющегося к нему торговца магазинчика, зажмурил глаза и с размаху врезал вору по лицу. Открыв глаза, увидел остолбеневшие взгляды продавца и парочки других покупателей. Воришка хныкал, размазывая сопли и кровь по лицу.

Пол ждал. Стальное сердце в груди замирать или биться чаще не умело и метроном его стука отсчитывал секунды. Все ждали звука хлопающих крыльев и протяжного свиста

БАна. Но его не было. Пол выдохнул с облегчением и еще раз, от души, влепил воришке звонкую оплеуху и вышел на улицу.

Сев в машину, бросил взгляд на индикатор заряда графенового аккумулятора. Энергии оставалось на три минуты работы генератора или на полчаса езды.

Уже через три дня, Пол заходил в офис Янсен Компани Инкорпорейтед. Охрана дружелюбно приветствовала его на входе и проводила к отдельному лифту в апартаменты Конрада. Отец был в хорошем настроении и удивился, когда Пол попросил внимательно выслушать его серьезное заявление.

– Перейду сразу к сути. Я сделал нечто интересное – блокирующий генератор защиты от черных ангелов.

– Это очень интересно. – оживился отец.

– Ты уже прикидываешь сколько прибыли получишь от его продажи. – усмехнулся Пол. – Не получится, отец. Можешь молчать или материться, все уже решено, ты поймешь, что я прав. Сейчас или позднее, в будущем.

Глаза Конрада Янсена сузились.

– Сам подумай. – продолжал Пол. – Правительство заберет у тебя генератор так же, как и проект и они выйдут из этой ситуации освободителями, когда придет час и на твоих убытках повысят себе рейтинги. В наше время ты самый незащищенный слой населения.

– На земле сейчас живет десять миллиардов человек, из

них половина прозябает на правительственные пособия, а другая половина вкалывает на работах, чтобы обеспечить себя и иждивенцев. Я могу себе позволить все. И ты обязан мне всем, что имеешь. Мне и семье.

Пол чувствовал, что уже почти не боится отцовского гнева. Да так оно и было, на самом деле.

– Ты прав. Но я ведь понимаю, какую цель ты преследуешь. Ты хочешь отомстить им за то, что у тебя забрали проект. Совершенно забыв, что ангелы нужны тем людям, которым угрожают другие люди. Они их защищают. Но такой момент бывает в жизни человека от силы раз, или вообще никогда. Их ненавидят, потому что каждый втайне мечтает пристукнуть коллегу на работе, начальника, супруга или еще кого–нибудь. И сейчас люди лишены даже этих мыслей, и от этого злятся. Я этого не понимал раньше, пока из–за выстрела черного ангела мне не сделали стальное сердце. Я понял, чем управляют черные ангелы, по приказу сильных этого мира. Сколько будет продолжаться этот первобытный страх? До тех пор, пока это выгодно таким как ты или Джеймс? Может быть, я нарушаю очередной твой экономический или политический план своими действиями? Привыкай – мир изменился.

Пол выдохнул. Конрад сверлил сына взглядом.

– И что ты сделаешь?

– Уже сделал. Я распространил инженерную схему и программные настройки генератора по всей сети. И разослал со-

бренные образцы куда нужно. Все официально и бесплатно. В патенте я записал владельцем все человечество.

Конрад вздохнул. Пол Янсен впервые увидел, что его отец стар.

– Проводите Пола к выходу. – обратился Конрад к телохранителям.

Джеймс Оранж вернулся в Европу из Латинской Америки сразу же, как только правительства стран забили тревогу. Политическая ситуация в мире и так была раскалена добела, биокиберы сдерживали ситуацию, но изобретение сыном Янсена блокирующего генератора изменило все. Повсеместно создавались зоны, не подвластные сенсорике черных ангелов, в которых люди чувствовали себя свободно. Когда общество почувствует себя слишком свободно, было лишь вопросом времени.

Декабрь две тысячи семьдесят четвертого года обещал быть очень жарким.

Оранж уже был вхож в кабинеты министров многих стран и сверхдержав, долгие годы работы на политической арене приносили свои плоды. Сейчас в среде политических деятелей царил атмосфера полной потери контроля. Любое ужесточение, направленное на общество, обещало полностью сорвать крышу у и так обеспокоенного народа.

Рафаэль Андерсон, координатор проекта "СРВ", лишь разводил руками, и говорил, что его ведущий ученый, Эндр-

эй Поланский, неоднократно предупреждал его о возможных направлениях работ по созданию подобной системы блокировки. Фактически, единственная контролирующая ярость людей пять лет подряд организация, оказалась не способной и дальше исполнять функцию по пресечению и наказанию преступлений. По крайней мере, в тех точках, где работали блокирующие сенсоры биокристаллов генераторы.

Совет Безопасности ООН под командованием генерала Аворо был приведен в состояние повышенной готовности. Оранж использовал практически все свое влияние, чтобы организовать как можно более мягкие информационные условия в свете грядущих событий. Прибыв в штаб ООН в Женеве, Оранж внес необходимые предложения и встретился с руководителями организации.

– Генеральный секретарь Анна–Мария, генерал. – поздоровался с чиновниками Оранж.

– Джеймс, вы еще у нас, уже вечер. – склонила голову генсек.

– Не имею привычки отдыхать, когда в мире столь напряженная обстановка.

– Сказать честно, она в таком состоянии уже тридцать лет с лишним. – отозвался генерал, оттряхивая с мундира невидимые пылинки. – Последствия глобального затопления, точечной войны и глобальных кризисов.

– Именно. Не хочу показаться фаталистом, но ситуация достигла критической точки. Если правительства не способ-

ны удерживать контроль над своими обществами, этим должна заняться ООН.

Генсек поморщилась.

– Оставьте, Джеймс. Разумеется, мы не собираемся пускать дело на самотек. Команды аналитиков уже занимаются поиском решения. СМИ и прессой получены необходимые указания. В течение года проблема будет решена.

– Если у нас есть этот год. – усмехнулся Оранж.

Генерал смерил политика тяжелым взглядом.

– В случае чего миротворческие силы разберутся с критическими ситуациями.

– Я не сомневаюсь, генерал. – Оранж пригладил светлую шевелюру на голове пятерней. – Но вы готовы в случае чего, нанести удар по противнику, неизмеримо превосходящему ваш военный потенциал?

По тому, как побледнела генеральный секретарь, Оранж понял, что этой темы она старательно избегала. В отличие от генерала.

– Более чем. – у военного даже заблестели глаза. – Центр координатора Андерсона имеет все необходимые для этого указания. Большого вам знать не положено.

– Джеймс, не обижайтесь на генерала, он военный человек. – мягко произнесла генеральный секретарь. – Мы безмерно благодарны вам и планетаристам за использованное политическое влияние на урегулирование ситуации во всех странах. С мыса Канаверал сегодня будет запуск в космос

одного из важнейших блоков НКС. Останетесь с нами смотреть трансляцию?

– С удовольствием, Анна–Мария.

"Берфорсы" взлетали на ослепительных столбах белого пламени. Двухсотметровые башни медленно, но верно отрывали свои тяжелые туши от земли и преодолевали гравитацию. Шесть гигантов из легких сплавов, под самую верхушку забитые ракетным топливом, уверенно рвали небеса.

Миллионы взглядов людей были прикованы к исчезающим вдали точкам, еще больше следили за полетом с экранов по всему миру. Достигнув скорости десяти километров в секунду, башни ракет синхронно отстрелили основные ступени. И тут произошло то, чего ни ожидал никто. Одна из ракет на секунду дрогнула и крутанулось вокруг своей оси. Теперь пять цилиндров сходились ровно и к ним неслась крутящаяся неуправляемая махина. За пару секунд до столкновения носитель отделился от полезного груза, но строй был уже нарушен.

Части станции в защитных оболочках уходили друг от друга на тяге маневровых двигателей, но вследствие большой массы не успевали. Беззвучный удар сотряс три неповрежденных контейнера и во все стороны полетели покореженные осколки еще минуту назад ценной станции, годами собиравшейся людьми на поверхности.

Это было еще не все. Носитель, не выполнивший програм-

му возвращения на поверхность, улетал вдоль орбиты. На его пути была станция "Единый Мир", которая вела орбитальное наблюдение запуска. За ней мерцала световыми бликами громадина НКС.

Командир экипажа "Единогo Мира" мгновенно оценил ситуацию.

– Развернуть лазерные решетки на пути осколков. Носитель отразим на планету солнечной батареей.

Люди быстро пролетели в невесомости и заняли свои места. Каждый из них сразу понял, что происходит. "Единый мир" могла покинуть зону поражения на своих более мощных маневровых двигателях, для этого пришлось бы сжечь значительную часть припасенного топлива. Но НКС уйти бы не смогла – мощность ее двигателей была крайне мала для ее массы.

Осколки были легче, и первыми достигли станции. Лазерные установки, наводимые при помощи бортового компьютера станции, сжигали мелкие детали, некогда бывшие технически сложной аппаратурой, а теперь опасный хлам был лишь снарядами, болванками, которые могли прошить незащищенные станции навывлет. "Единый мир" трясло, кинетика массы даже при сжигании передавалась по станции вибрацией. Командир активировал аварийный защитный протокол и выпустил две заградительные ракеты, которые взорвались перед станцией, выбросив навстречу обломкам сотни мелких шариков, которые сбили значительную часть опас-

ного летящего мусора, но не причинили вреда массивному носителю.

– Приготовиться к удару. – прокатился по станции голос командира из динамиков.

Носитель приближался, бешеное вращение сильно мешало компьютеру провести расчеты и поставить солнечную батарею на пути массивной башни, чтобы отбросить ее по касательной от траектории поражения НКС и одновременно вниз, к планете, чтобы опасная махина сгорела в атмосфере.

Удар был быстрым. Станцию "Единый Мир" качнуло, придав чуть заметное вращение, люди инстинктивно втянули головы в плечи, но больше ничего не случилось. "Берфорс" разорвал солнечную батарею, как фольгу и огромный снаряд лишь слегка изменил траекторию полета, уверенно направляясь на столкновение с НКС.

– Почему она не двигается?! – закричал кто-то из экипажа.

– Мы сделали все, что могли. Уходим из зоны поражения. Носитель врезался в новую часть станции НКС. Мгновенно вспыхнувший пожар вихрем пронесся по всем отсекам станции, и станция без вспышки взорвалась изнутри. Осколков практически не было, настолько сильным был взрыв, почти за мгновение испаривший станцию.

– Елизавета Гранд? У вас лицензия фрилансера.

– Все верно, я работаю индивидуально. – девушка вонзила

горящий взгляд в сотрудника безопасности штаба ООН, который при этом не смутился ни капли. – Свобода слова, нет?

Безопасник нахмурился, и Лиза тут же пожалела о сарказме, сорвавшемся с языка.

– Только официальная пресса.

И отвернулся, продолжая непоколебимо стоять в шеренге у ворот штаба. Толпа у ограды стояла весьма спокойно, больше половины многотысячного столпотворения у здания штаба были простые зеваки, ожидающие от ООН громких заявлений. Лизе стоило хорошего труда пробиться к воротам, но теперь проход был закрыт четко соблюдающими инструкции служащими.

Два дня власти хранили молчание, никак не комментируя разрушение НКС на орбите. Наутро третьего дня ООН объявило о конференции, и Лиза сразу вылетела из туманного Альбиона в Женеву. Как оказалось, просто потолкаться у ворот в хаотично образовавшейся толпе зевак. Тем не менее энергичная девушка не теряла надежды и продолжала удерживать позицию у самой шеренги сотрудников безопасности.

Позади безопасников маячил солидный мужчина, видимо старший. Отвернувшись от толпы людей, минуты полторы прислушивался к разговору, что-то ответил и хлопнул ладонью по плечу стоящего по центру оперативника.

– Запускай прессу еще человек десять, включая свободных.

Безопасник кивнул и, повернувшись к толпе, сразу же уткнулся в пластикарту, которую Лиза держала на вытянутых над головой руках перед самым носом сотрудника.

– Гранд Елизавета, свободная пресса.

Благодаря природной наглости, Лиза прошла одна из самых первых через оцепление. В здании ООН царил оживленная атмосфера: повсюду суетились сотрудники, было очень много людей, включая военную форму миротворцев. Журналистов проводили в просторный зал, где проходила пресс–конференция. Лизе пришлось стоять на ногах позади всех, поэтому девушка снова заработала локтями и пробилась в левый край помещения, где было посвободнее и хоть какой–то обзор. Там провозилась несколько минут с опять начавшими глючить имплантатами и наконец–то полностью переключила внимание на говоривших.

– О всех интересующих вас фактах вы можете получить информацию в официальных каналах ООН. – пресс–секретарь как раз заканчивал вступление и переходил к сути. – Авария на НКС никак не связана с террористическим актом или иной диверсионной деятельностью. Правительства стран участников уже инициировали процедуру расследования с привлечением независимых экспертов.

Пресс–секретарь обвел взглядом шелестящую техникой толпу журналистов и проговорил:

– Можете сейчас задать ваши вопросы. – и кивнул высокой блондинке в первом ряду.

– Оливия Меремс, Евроньюс. Скажите, ген секретарь, какие последствия возможны для планеты от последствий взрыва НКС?

Генеральный секретарь Анна–Мария, занимавшая пост главы ООН четвертый год, пошевелилась, как будто очнувшись. Выдержала паузу и проговорила.

– Абсолютно никаких последствий. Взрыв станции произошел за пределами атмосферы и сила детонации была такой, что весь материал станции сгорел полностью.

Толпа загудела и зашелестела техникой интенсивнее. То, что генеральный секретарь выдержала паузу, было для журналистов великолепным поводом думать, что есть что скрывать.

– Следующий вопрос.

– Терри Лайткрофт, Би–Би–Си. Каковы будут политические последствия? По всему миру в геометрической прогрессии растут коэффициенты неодобрения по отношению к национальным правительствам. Окажет ли ООН помощь странам при волнениях?

Британец довольно замолчал, ожидая ответа. Лиза внимательно осмотрела чиновников ООН и заметила среди них Оранжа. То, что планетарист был среди делегации, вызвало у девушки удивление. Неужели у государств все так плохо, что ищут дополнительное политическое влияние у неофициальных политиков?

– Правительства в состоянии урегулировать массовые

беспорядки, волнений не ожидается. Помощь будет оказываться в самой мягкой форме, без применения силовых методов.

– Будет ли использование генератора Янсена легализовано? – выкрикнул кто-то из середины и пресса зашумела еще громче.

– Вопрос не по теме! – пресс-секретарь даже повысил голос. – Комментариев не будет!

– Наличие среди делегации лидера партии трансгуманистов Джеймса Оранжа подразумевает, что ООН поддерживает идеи его социальных реформ?

– Вопрос не по теме, пресс-конференция только по тематике аварии НКС.

– Ага, только НКС был последним доводом королей. – раздался отчетливый голос из задних рядов.

Зал просто взорвался криками. Пресса, как обезумевшая, наседала с вопросами на делегацию, и пресс-секретарь объявил о завершении. Журналистов стали оперативно, но вежливо выводить из зала наружу. Лиза задержалась и по стеночке прокралась к дверям, куда уходили чиновники ООН.

– Джеймс, один вопрос. – зычно крикнула девушка, заметив Оранжа. – Вы поддерживаете политику невмешательства ООН в дела правительств?

– Абсолютно и полностью. – кивнул блондин и Лизу оттеснили сотрудники к выходу.

Оранж покинул здание штаба ООН к вечеру, на служеб-

ном "Валоре" отправившись в Цюрих. По дороге наблюдая покосившиеся и разрушенные ветряные станции, и солнечные панели, неодобрительно качал головой. Миру срочно требовались изменения и процесс пошел. Тлеющий социальный и политический кризис, отсроченный введением биокиберов в состав правоохранительных органов, а по сути их заменивший, разгорался с неукротимостью лесного пожара.

В том, что правительства не удержат контроль над обществом, и в скором времени лишатся суверенной власти, которую попытается перехватить ООН, Джеймс Оранж уже не сомневался.

Биокибер с порядковым номером четыреста шестнадцать вел патрулирование города в стандартном режиме. Нестандартная, белая раскраска брони и крыльев служили дополнительным камуфляжем для действия в снежных широтах, таких ангелов Центр содержал всего десяток, изредка перебрасывая боевые единицы в города с плюсовой температурой. Среагировав два раза на негативные эмоции, белый ангел распугал несколько вздоривших подростков и застрелил из БАна наркомана на окраине, бросившегося на двух старушек.

Сбой системы произошел на исходе патрульного времени. Отключились системы слежения и контрольная ЦНС шина. В заполнившемся безумными эмоциями измененном мозге вихрем прокатилось желание убийства, и белый ангел

стремительно искал цель, лихорадочно поводя из стороны в сторону кинетической стрелковой установкой со сменной обоймой на криогенные промышленные заряды.

– У меня четыреста шестнадцатый без обратной связи. – произнес оператор в Центре.

Старший смены замер с чашкой кофе в руках и кисло взглянул в мониторы.

– Какого черта. Два месяца без сбоев был же! Повтори запрос.

Оператор пробежался пальцами по сенсорной клавиатуре.

– Ответ нулевой. Что, опять его на полную диагностику?

– Пока нет. Если через десять минут не откликнется, отправь отчет техникам, пусть разбираются. Опять я из-за него премии лишусь!

– Не ты один. – печально сказал оператор.

И снова повторил запрос.

Звон стекла, брызнули осколки пластика во все стороны. Не найдя жертву на улице, белый ангел вломился в комнату последнего этажа и разрядил обойму криогенных зарядов в занимающуюся любовью парочку, после чего руками разорвал хрупкие от критического холода тела людей на части и, стремительно вылетев через разрушенный оконный проем, взмыл в небо.

Биокибер с белыми крыльями и серо белой матовой броней был неправильно форсирован. Человек умер перед инициализацией и мозг перед проведением операции был мертв

более получаса вследствие чего изменения в нервной системе были критическими. Халатно собранная нанотехнологами система периодически допускала последовательное отключение шины ЦНС и устройств связи. Такое с белым ангелом случилось уже в пятый раз. Безумный мозг биокибера получал извращенное желание убивать и делал это с истинно садистским уклоном, используя заряды мгновенной заморозки, для разрушения препятствий. На живую плоть криогенные выстрелы производили разрушительный эффект. Белый ангел выбросил пустую обойму и зарядил обычные кинетические заряды.

– Откликнулся! – сказал оператор и перевел дух. – Семь минут, скотина, молчал.

– И ты помалкивай. – пробормотал в чашку с кофе старший смены. – Списать его, к чертям, нужно.

– С нашей премией вместе. – уныло произнес оператор, проводя удаленную внешнюю диагностику. – Он что, в подвале лазил? Вся броня поцарапана.

Старший смены хмыкнул и уставился в экран.

– Стандартный отчет о смене, понял?

Оператор кивнул.

Белый ангел с порядковым номером четыреста шестнадцать уверенно летел над городом, патрулируя оставшийся ему час перед возвращением в Центр. Нервные импульсы в безумном мозге находились в состоянии покоя, и он ничего не помнил о минутах безумия.

Полковник сто тридцать восьмого батальона механизированной пехоты Зорин Владимир Игоревич отдыхал. Выходные дни для военного офицера фактически не предусматривались по специфике профессии, ввиду того, что гарнизон батальона был оснащен жилыми блоками, а не только казармами младших военных чинов и рядового состава. Но сегодня полковник Зорин находился в самом Центре, а не в периметре зданий батальона. Прием с элементами совещания проходил на этаже, все пространство которого занимал громадный конференц-зал. Офицеры высшего командного состава миротворческих сил Организации Объединенных Наций в сопровождении своих адъютантов хаотически перемещались по залу, вполголоса переговариваясь друг с другом, периодически налегая на напитки и закуски.

После Точечной войны контингент военных сил ООН неуклонно рос. Военные специалисты покидали вооруженные силы своих государств и поступали на службу в миротворческий контингент. Правительства поначалу довольно сильно противились такому оттоку кадров, но поделать ничего не могли, нарушения прав и свобод граждан вызывали шквал санкций и всеобщее неодобрение. Политики, использующие жесткие стратегии национальности и суверенности, долго не задерживались у власти, обычно уходя в отставку целыми партиями при полной утере репутации и влияния. И этим широко пользовались специалисты всех мастей, по-

кидая свои страны и работая там, где были лучше условия и больше платили.

Владимир Зорин командовал батальоном ООН не ради финансов, в России ему платили почти столько же. Покинуть потомственного военного страну заставила банальная скука. А в спецмехпехоте было движение, происходили действия, и эта должность считалась довольно сложной в последние годы. Что полковника Зорина вполне устраивало.

Выступление генерала Аверо, занявшее всего несколько минут, закончилось полчаса назад, и полковник Зорин отвлекся, отойдя в отдельный кабинет на все это время, проверяя по удаленной связи через терминал состояние служащих. Вынося замечания за ошибки, Зорин вернулся в конференц-зал и выцепил взглядом генерала Аверо в сопровождении аж четырех полковников, среди которых выделялись китаец Чэнь и нигериец Таснем, остальных Зорин толком не разглядел и проследовал ближе к группе. Военные отковыряли друг другу и Владимир узнал неизвестных ему офицеров, это были полковник спецгруппы НКС Владислав Сумрич и полковник Михаэль Вальмер, командующий седьмым танковым корпусом ООН. Космонавт имел вид доброжелательный, а танкист выглядел потерянным.

В зале также находились Рафаэль Андерсон, координатор проекта "СРВ", в компании сотрудников Центра, среди которых Зорин увидел ученых, что полковнику не нравилось. Старинная неприязнь военных и ученых длилась до сих пор,

уходя своими корнями в сумбурный двадцатый век. Люди науки создавали грозное оружие, а люди военные его применяли, и моральную ответственность и вину за убийства пытались возложить друг на друга.

Общество презирало и тех и других.

– Я надеюсь, ваши подразделения способны в кратчайшие сроки перейти в состояние полной боевой готовности. – при этих словах генерала Аверо, лейтенант Морано незаметно толкнул полковника Зорина, переключая внимание своего начальника на важную реплику командующего. Но отвечать не пришлось, полковник Сумрич выдал эпичную фразу.

– Мое хозяйство сгорело на орбите, а новое еще даже в чертежах не имеется в наличии.

Военные офицеры собрали все свое самообладание, чтобы в голос не расхохотаться, как солдаты на отдыхе, услышавшие смешную историю. Меньше всего это удавалось двухметровому нигерийцу, которому пришлось внимательно начать изучать потолок, чтобы никто не увидел перекошенной физиономии полковника.

– Это было бы смешно, если бы не было так грустно, полковник. – сказал генерал Аверо. – По крайней мере, нас перестанут третировать по поводу того, что мы собирали на орбите оружейную систему. Но потеря НКС была невосполнимой утратой.

– К сожалению, теперь космос полностью во власти частных космических кампаний. – заметил полковник Чэнь.

– Наша задача от этого не меняется. Мы в первую очередь миротворцы для всех наций планеты, господа офицеры. – режюмировал генерал Аверо.

Зорин снова отвлекся, к нему подошел Андерсон.

– Полковник Зорин, как ваши дела?

– По штатному расписанию, мистер Андерсон. А ваши? – Зорин пристально взглянул на координатора. Андерсон сразу сник.

– И не спрашивайте даже. Организационная деятельность такой махины, как проект, отнимает много сил. Но безопасность общества того стоит. Ваши специалисты не продвинулись в поисках неуловимого убийцы? Мне не помешала бы полная отдача всех структур Центра. Мои сотрудники работают над ситуацией, но хотелось бы получить результат.

Андерсон кивнул на стоявшего рядом с ним Поланского. Ученый, казалось, и не заметил пренебрежительного жеста координатора. Но Зорин заметил, что Поланский незаметно поморщился при словах координатора. Вот только сам полковник слегка побагровел.

– А с каких пор координатор Центра, гражданский, интересуется сроками выполнения задач у батальона спецмехпехоты, которое является военным. Подразделением. ООН. – последние слова Зорин даже отчеканил, выделив звенящими паузами.

Андерсон даже слегка просел под пронзительным взглядом полковника.

– Никаких сроков, полковник Зорин, всего наилучшего. – и Рафаэль ретировался в другой конец зала.

– Так его, засранца. – вполголоса произнес Чэнь. – Людей убивают, а эта зараза и не чешется.

– Отставить неуставной разговор. – сказал генерал Аверо.

– Так точно. – откликнулся китайский полковник.

– На этом все, офицеры. Возвращайтесь на рабочие места и в течение недели предоставьте мне отчеты о проведенных учениях. Кроме полковника Зорина – у вас и боевых операций хватает.

Офицеры отдали честь и разошлись кто куда. Зорин с Сумричем отошли к шведскому столу с закусками.

– Штабной ботинок Аверо, просрем мы с таким начальством не только космос, но и землю.

– Да что ты заладил со своей НКС, забудь уже, сторела она khuуam.

Сумрич криво усмехнулся.

– Ты один, Владимир, остался, кто хоть что-то соображает. И если полыхнет, то в самый ад с ангелами тебе лезть.

– Почему мне только? Вон, у нас авиация и танки есть помимо пехоты. Хотя с авиацией это я загнул, да. Одни транспортники на ходу, боевая техника в плачевном состоянии, древние истребители пятого поколения. Ведра бесполезные.

– Ты Вальмера видел? У него боевого опыта ноль. И машины тридцатых годов, в основном, то есть хлам. А тебе с ним работать, в случае чего.

– Серьезно? Мне он показался сонным.

– Да он по жизни как отбитая сонная муха.

– Ну тебя в задницу, Владислав. – хмуро отозвался Зорин. – Думаешь, я сам не знаю, в какую бездну мир катится, а не только твоя НКС zloebuchaya? У меня пять сотен засранцев в батальоне клювами щелкают, а в глазах и в мозгах у них пустота. Так что не нагнетай, нечем нам будет воевать в случае чего. Тридцать лет уже как нечем.

Сумрич пожал плечами и запрокинул в себя двойную порцию виски. Зорин проделал ту же операцию с выпивкой и направился к выходу. Лейтенант Морано тенью маячил за спиной. Город спал. Еще лет пять назад ночью по крайней мере в центре города было постоянное движение. Последние несколько лет люди совершенно не покидали домов с наступлением темноты. Сам по себе был отменен комендантский час.

Владимир Зорин взглянул мельком на башню Центра. Он не был первым из семьи, кто работал на частные компании, его отец, Игорь Зорин, в тридцатых годах работал на какого-то крупного инвестора по фамилии Смит. Последним армейским специалистом, служившей на исторической родине, был дед, Виктор Зорин. Командовал он артиллерией – в тех напряженных двадцатых годах обстановка была взрывоопасной, как и вверенное деду оружие. Прадед же отдал полвека своей жизни службе в государственной безопасности – его Зорин почти не помнил, он умер, когда ему был всего

год. Иногда Зорин задумывался, что ждало его детей и внуков в будущем.

Да половина населения планеты задавалось этим вопросом.

Полковник вернулся в расположение батальона и добрался до своего кабинета. Продолжать пьянствовать желания не возникало, и Зорин занялся рутинными делами.

Поздний звонок раздался уже в час ночи.

– Полковник, на связи какой-то британский специалист.

– Соединяй. – дождавшись короткого электронного сигнала, Зорин представился.

– Полковник Зорин, нам необходимо досье одного из уволенных военнослужащих, Ростислава Деланора.

– На каком основании? Вы там не ошиблись с набором номера? Я в юрисдикции ООН, а не какого-либо правительства. – удивился Зорин, снова закипая.

– Вам несложно выслать файл, полковник, со всем уважением....

– Со всем уважением, идите *naheer*. – Зорин отключил связь. В такие моменты потомственный военный полковник Зорин Владимир Игоревич реально желал, чтобы начались боевые действия и мир слегка встряхнуло.

Рости Деланор вернулся в родной город на материк в январе семьдесят пятого, сразу после нового года. Зима еще не вступила в свои права, ожидая конец поздней осени и гряз-

но—серые стены старинных зданий неприступно возвышались над прохожими под небом, заполненным свинцовыми тучами. Парень не имел привычки использовать такси, предпочитая пешие прогулки, а элкуптер был давно уже им продан.

Город практически не изменился за несколько лет. Все та же середина мегаполиса, наполненная высокими деловыми небоскребами с возвышающейся посередине башней Центра, обширные окраины с заброшенными промышленными зонами. Обилие электротранспорта на дорогах улиц и проспектов, люди с разнообразием имплантатов и редкие пролетающие среди крыш черные фигуры биокиберов. Ростислав всегда удивлялся, как черные ангелы умудрялись не сталкиваться в воздухе с различными препятствиями, хотя техники и рассказывали ему о громадном количестве систем в телах биокиберов. Но их способность маневрировать в воздухе была для бывшего сержанта загадкой. Ростислав Деланор искал Ника.

Тот, кто был так упорно нужен Елизавете Гранд, находился на другом конце земного шара, спаивая в баре сотрудника проекта "СРВ" австралийского филиала. Разговорчивый иммигрант канадец был совсем не против поболтать в баре о работе со случайным собеседником. Поэтому, сам и не подозревая, вскользь упомянул о наличии особых пакетов с приказами в случае чрезвычайной ситуации. Проводив взглядом электромобиль такси полезного собутыльника, шатающийся

Ник встал ровно и уже через час вел допрос связанного сотрудника безопасности под защитой блокирующего генератора.

Через полчаса Ник уже знал, что в трех пакетах содержались протокол войны и протокол отключения. Третий пакет, как уверял безопасник, был пустым. Ник ему не поверил, и запытал охранника до смерти, после чего оперативно избавился от тела и уже с утра был в аэропорту, занимая место в просторном "Игерене". Ник возвращался в город, поближе к Центру. Оставалось выяснить, зачем был нужен пустой пакет чрезвычайного протокола, и это мог знать один из сотрудников Центра с высшим доступом.

Пол Янсен смотрел вверх, на пролетающего над ним биокибера, увидев на мостовой крылатую тень. Находясь уже месяц под следствием, выпущенный под залог и с подпиской о невыезде, парень бесцельно бродил по городу, в ожидании, когда выпустят Кая из больницы через пару дней. Оплаченный отцом сердечный имплантат, последний подарок богатой семьи Янсенов, частью которой он более не являлся, ровно бился в груди Пола. В жизни парня наступил переломный момент, очередная переоценка ценностей, присущая молодежи в его возрасте. Поэтому Пол размышлял в поисках цели. И заодно, когда его оставят в покое, чтобы он мог спокойно заниматься своими делами в мировой сети.

Засудить Пола за создание блокирующего генератора пытался каждый, кто был хоть немного уверен, что его косну-

лось изменение привычного уклада. Решение указать в патенте владельцем все человечество вызвало бурление и негодование, которое мир не видел со времен противостояния Эдисона и Теслы. Сеть разделилась на два лагеря противников и союзников Пола. При этом парень отказывался от присылаемых ему денежных перечислений, а средства сильно настойчивых пользователей отправлял в благотворительные фонды.

Когда перед Полом предстала сиреневая мерцающая фигура голограммы, он сначала отмахнулся от назойливой программы, посчитав ее рекламной. Лишь придя домой и заперев дверь, ошеломленно воззрился на как ни в чем ни бывало мерцающую перед ним фигуру. У парня в помещении не было голографической установки, он, нахмурившись, подошел к окну и, распахнув его, не обнаружил шутников и там. Обернувшись, активировал имплантат, в поисках источника странной программы. Его не было. Голограмма протянула руку к себе жестом представления и произнесла голосом, раздавшимся в имплантате Пола Янсена.

– Единица.

За окном на город ложились сумерки. Нэнси стояла на крыше, зябко кутаясь в теплую курточку, но пронизывающий ветер все равно продувал синтетику насквозь. Уже полгода девушка приходила на крышу этого здания несколько раз в неделю. Заприметив летом, что один из биокиберов периодически на пару минут вечером иногда приземляется

на эту крышу, Нэнси достала электронный ключ от выхода на крышу и в течение часа ожидала, когда крылатая фигура опустится, разогнав пыль и мелких птиц, на поверхность.

Редкие снежинки закрутились в воздухе, и девушка услышала мерный шум взмаха крыльев. Дождавшись, когда улягутся поднятые потоками воздуха мелочи, девушка не спеша подошла и протянула руку, прикоснувшись к матовой броне в выгравированными на ней цифрами порядкового номера. Нэнси подняла голову наверх и взглянула в обрамленное несколькими шрамами лицо с металлическими пластинками, вшитыми в виски.

– Черный ангел, не улетай сегодня так быстро.

Триста сорок второй форсированный биокибер ранее всегда улетал от девушки, зная, что операторы Центра всегда ведут обработку поступающих визуальных данных с систем, встроенных в броню и тело. Через несколько месяцев черный ангел нашел способ отключать и заменять исходящий поток на три с половиной минуты с помощью несложного устройства, которое опрометчиво забыл возле него один из специалистов. Биокибер не чувствовал от девушки положительных эмоций, будучи форсированным лишь на негативные, причиняющие ему боль. Но с течением времени он стал ощущать исходившее от нее тепло. Никто не мог ему объяснить, что именно происходит с форсированным нанотехнологиями мозге. Он не помнил своей прошлой жизни, до погружения в глубокую кому, из которой его вывел ученый

Поланский. Когда триста сорок второй открыл глаза, ученый улыбнулся ему. Это было его первое воспоминание.

Три с половиной минуты заканчивались, биокибер сделал шаг назад и расправил крылья. Девушка снова улыбнулась, волосы от ветра сбились набок. Черный ангел отступил еще на шаг и взлетел. Время вышло.

– Прощай. – задумчиво произнесла Нэнси в стремительно темнеющие небеса.

Падение черных ангелов

Как они стали вне закона? Как же получилось так, что те, кто был законом, оказались врагами системы, которую они защищали? Всего лишь стечение обстоятельств. Но чтобы все понять, нужно рассказать все с самого начала 2075 года – года критических изменений для человеческой цивилизации.

За весьма небольшой срок правительства государств мира утратили влияние на общество абсолютно. Одно за другим они снимали с себя полномочия, подавали в отставки. В демократических странах практически бескровно рушились одна за другой параллели власти, в странах с авторитарными формами правления все события происходили несколько острее. Страны распадались на федеративные республики и конфедерации и на города государства. ООН увеличило контингент миротворческих сил и пыталась обезопасить нарастающий всепланетный кризис, люди реагировали на сотрудников организации объединённых наций нейтрально, с осторожностью. Случалось, что власть на той или иной территории менялась даже в течение дня, такой интенсивной была политическая лихорадка.

Повсеместно используемый генератор блокировки повысил число совершаемых преступлений, но и неизмеримо в

большей степени вернул людям уверенность, чувство свободы. Ранее сковываемые страхом, жители городов и мегаполисов перестали отсиживаться по уютным норкам жилищ и массово выходили в общественные места, оборудованные блокирующей сенсорику черных ангелов аппаратурой. Пять лет спустя после появления на улицах биокиберов наступила социальная оттепель. Осторожное и поумневшее в затворничестве общество меняло свою жизнь, избавляясь от контроля властей.

К концу года в мире насчитывалось более ста городов государств и их число неуклонно росло. ООН полностью утратило влияние за год бурной деятельности, даже продлив срок должности генерального секретаря и наделив Анну–Марию чрезвычайными полномочиями, что совершенно негативно сказалось на репутации организации объединённых наций. Между тем, влияние созданной Джеймсом Оранжем трансгуманистической гражданской сети увеличивало число своих сторонников в геометрической прогрессии. Выборные комитеты управления новосозданных городов государств часто состояли из планетаристов.

Проект "СРВ" перестал финансироваться государствами и лишился поддержки везде. Координатор Рафаэль Андерсон сутками мотался по миру, пытаясь найти поддержку у оставшихся у власти правительств и постоянно пытался пробиться в ООН, чтобы сохранить проект под эгидой всемирной организации, но все его старания были практически впустую.

стую. Закрытие проекта было делом времени – просто никто в мире не хотел заниматься самой сильной в научном и техническом плане организацией. Поэтому проект вел свою деятельность дальше и черные ангелы продолжали патрулировать густонаселенные города и мегаполисы.

Для большей половины населения человеческой цивилизации более не оставалось сомнений – мир изменился полностью.

Эндрэй запер свою лабораторию, находившуюся на нижних уровнях Центра и вышел на свежий воздух. Решив сразу отправиться домой, для вынужденного отдыха после напряженных трех дней работы.

Год назад Андерсон лишил его высшего доступа и уволил из проекта, после чего связался с ученым уже через неделю, с просьбой о помощи. Поланский подписал с координатором новый трудовой договор и отжал себе несколько помещений для собственных исследований, снова продолжив работать над проектом и своими исследованиями.

За все прошедшее с тех пор время Поланский так и не нашел разгадку, почему биокиберы не реагировали на странные убийства. Их произошло еще десяток. Впрочем, после того, как люди повсеместно стали использовать генератор Янсена, это просто стало отягчающим фактором для проекта.

– Эндрэй Поланский. – обратился к нему человек, когда

ученый уже подходил к своему дому, в десятке метров от входа. В электрическом свете уличного освещения, фигура человека была скрыта в сумраке.

Ник сделал шаг вперед, направив на ученого вороненый ствол армейского парализатора.

– Deja vu. Четыре года назад один из последних копов так же угрожал мне оружием. Что на этот раз нужно именно вам?

– Почему проект еще функционирует? Финансирования и поддержки нет, контроль свыше тоже отсутствует.

Поланский удивился.

– Откуда мне знать? Последние несколько лет я только проводил форсирование и разбирался с техническими вопросами Центра и филиалов. У меня уже давно своя лаборатория и я работаю с проектом только ради привлечения дополнительных средств и доступа к специфической технике.

Ник взвел курок и приподнял дуло парализатора, прицелившись в голову Поланскому. Черный зрачок оружия смотрел ровно в глаза ученому.

– Сегодня живым вы не покинете это место.

– А это что-то изменит? Я уже принял участие в изменении истории цивилизации. Сейчас я просто ученый, занимающийся своими исследованиями.

– И Андерсон теперь единолично владеет проектом?

– Да. У меня уже давно нет доступа в административные помещения и высшего доступа в целом. Вы опоздали. Нужно было меня поймать год назад, когда Андерсон еще доверял

мне.

Ник был способен распознавать ложь и видел, что ученый не лжет.

– Смотреть так легко в глаза смерти. – риторически произнес Ник. – Поланский, я следил за тобой долгие годы. Ты изменился.

– Я видел что-то странное пару лет назад в Гонконге. Голограмма, без установки, материализовалась и заговорила как полноценный искусственный интеллект. Сначала я подумал, что просто бессвязный поток информации, может даже замудренная реклама или чей-то вброс, прохладная шутка. Потом взрыв НКС. Мой поиск и то, что я до сих пор не нашел ни единой зацепки. Год назад в мире стерлись национальные границы. Голограмма тремя фразами описала это все. Как будто предсказала, но я-то верю в науку. И мне осталось расшифровать последние строчки этого странного сообщения: "Ноль и единица единое целое, как цепочка ДНК, без жизни нет смерти, без смерти нет жизни. Итогом будет инь, янь, ноль, единица или нечто новое, целое, неделимое".

Ник опустил оружие.

– Дальнейшее вне моей компетенции.

И стремительно исчез, отступив в темноту.

Поланский минуту всматривался в темноту, потом нервно дернул головой и открыл дверь домой. Активировав имплантат смарткома, связался с лабораторией. Ответили сразу.

– Все спокойно?

– Да. Никаких эксцессов.

– Хорошо. – ученый выключил связь и с видимым облегчением перевел дух.

Ник наблюдал из темноты, оставаясь незамеченным. В десяти метрах над ним парил незарегистрированный гелиодрон с лазерной установкой. Отозвав технику, Ник вернулся в свой оперативный блок. Взамен уничтоженного полтора года назад в Лондоне, этот был практически идентичной копией. Убрав залетевший через вентиляцию гелиодрон в кофр, Ник просмотрел данные системы. Один из датчиков на плане помещений Центра горел красным. Ник вывел контекстное меню и просмотрел логи. Шпионская техника, заброшенная в Центр, отследила упоминания по ключевой фразе "особый протокол". Ник вывел на соседнем экране изображения с видеокамер – систему безопасности проекта он взломал уже давно, она была стандартной.

На видео фразу произносил Рафаэль Андерсон.

Ник пробежался пальцами по клавиатуре и вывел на два экрана карту с отмеченными зелеными точками, некоторые медленно передвигались. На соседних мониторах были медиаданные перехвата с уличных камер и личных устройств точек–людей. Всего около тридцати человек. Ник набросал сообщение и разослал его анонимно на все мобильные устройства людей.

Рости встречал Лизу на станции турбопоезда. Внезапное

решение девушки приехать в город казалось ему странным, Лиза неоднократно заявляла, что не желает возвращаться, в транснациональном мегаполисе ее деятельность пошла в гору, информационный портал стал приносить хороший доход. Росту за год так и не нашел Ника, и, вернувшись в туманный Альбион, покинул его через полгода, снова вернувшись на поиски в город по просьбе девушки.

Елизавета Гранд улыбнулась, увидев парня при выходе из транспорта. На его вопросительное выражение лица отрицательно качнула головой.

– Позже. Сейчас заедем в одно место.

Место, куда направилась Лиза, было недалеко от станции. Всего лишь обычное тихое кафе на пересечении улиц. Взяв напитки, молодые люди устроились за столиком. Росту меланхолично размешивал ложкой сахар и задумчиво произнес.

– Я его так и не нашел.

– Он сам меня нашел, как мне кажется. – увидев изумленный взгляд парня, Лиза нахмурилась. – Только не вздумай его придушить, когда увидишь. Мне кажется, все не так просто.

– И в мыслях не было. – развел руками Росту. – Не понимаю, почему ты так одержима?

– Мы живем в странные времена. – улыбнулась Лиза печально. – Последнее время вообще происходит цивилизованная анархия, по-другому выразиться не могу. Я очень хо-

чу понять, сложить все кусочки мозаики.

– Куда? – глупо уставился Росту на девушку.

– Именно так. В точности осознать, куда катится современный мир. История не знает прецедентов таких глобальных изменений границ со времен первой мировой войны. А точнее их массового стирания. И, как дамоклов меч, над миром висит проект.

Появления Ника они так и не заметили, пока он не встал рядом с их столиком. Лиза поежилась, посмотрев на него. Абсолютно не запоминаемое лицо.

– Приехала, как только смогла. – произнесла девушка, даже не пытаясь включить имплантаты. – Насчет проекта?

Ник кивнул и присел за столик.

– И предложение у меня насквозь деловое. Они собираются что-то делать, нечто очень нехорошее. Я знаю, что, и как этого избежать. Но для этого придется сходить в Центр.

Лиза прищурилась.

– А почему сам не сходишь? Четыре года назад отправил туда Макса Лидеринга, и с концами. Теперь снова собираешься действовать чужими руками!

Не обращая внимания на гневную тираду девушки, Ник безэмоционально протянул руку и положил на столик маленькую серую коробочку. Росту напрягся, когда на коробочке замигал слабенький индикатор.

– В Центре, как и в любом правительственном учреждении, связанным с военными структурами, есть чрезвычай-

ные протоколы на крайний случай. Их два – завершение проекта и протокол войны. Мы на одной стороне, Лиза, и оба не хотим, чтобы небеса наполнились смертью. А они готовятся отдать приказ на взлет, когда поймут, что все потеряли.

Молодые люди открыто побледнели. А Ник продолжал.

– Я знаю, как и где они хранятся. Я знаю, как проникнуть в Центр. Но повернуть все один я не смогу чисто физически.

Лиза больше не колебалась. Они с Ником действительно хотели одного и того же, завершить работу проекта навсегда. Почему–то девушке казалось, что Ник прекрасно это знал. Слишком непонятным и нереальным ей казался этот странный человек.

Индикатор на коробочке глушилки мигал, молчание затягивалось.

– Почему именно она? – глухо произнес Ростислав, в упор смотря на Ника.

– Лиза знает проект и вполне понимает возможные последствия.

Девушка утвердительно кивнула, стараясь не смотреть на глушилку. Неделю назад она уже видела такую, беседуя с агентом британской разведки. Он знал о Нике все, кроме одного – как выйти на него. Его пытались поймать более пяти лет, но он всегда ускользал, умудряясь замести абсолютно все следы. По собранным разведкой крупным данным информации, Ник собирался устроить массовую диверсию. Лиза почти поверила ему, но сейчас снова сомневалась. Доверять

правительствам, устроившим геноцид собственных граждан или верить этому непонятному, ведущему свою игру, человеку. Девушка все же умудрилась вляпаться под перекрестный огонь и теперь назад пути уже не было, нужно было что-то решать.

– Мы в деле. – согласно кивнула Елизавета Гранд.

Джеймс Оранж провел выходные на севере материка, в прибрежном Бергене, два месяца назад ставшим городом государства. Уже привычное дело – от стран оставались легитимными лишь столицы, города массово заявляли о независимости и ничего с этим было сделать нельзя. Собственно, Джеймс и не пытался.

– Твои сторонники поддерживали ООН, но всемирная организация оказалась неспособна удержать контроль, как и правительства. Сейчас ты единственный человек в мире, у кого сосредоточено самое большое политическое влияние.

Конрад Янсен уже закончил с ужином и не спеша потягивал дорогой неразбавленный виски. Оранж взял себе морепродукты, но аппетит не шел, сказывалась усталость. Старый друг семьи на его фоне сейчас выглядел наиболее жизнерадостным.

– И как тебе большая политика? – в который раз спросил Оранжа Янсен.

– Про умирающие правительства вообще молчу, они уже история. В ООН все сложнее, Анна–Мария нерешительна и

сильно полагается на совбез. А вообще политика – это болото. Половина чиновников совершенно некомпетентны и непонятно как занимают должности. Хотя, вполне известно, как. – Оранж посмотрел на промышленника. Янсен ухмыльнулся.

– Что ты, время, когда деньги решали на политической арене, давно прошло. Я лишь могу слегка смазывать механизм, но заставить машину работать так, как нужно мне, не получится.

Оранж знал, к чему клонит бизнесмен. Погреться под лучами на теплом месте под солнцем в свете неимоверно быстро взлетевшей политической карьеры Оранжа.

– Правила игры меняются. Мы оба это знаем. Очень многое перестанет работать как раньше. Но тебе беспокоиться даже и не придется. После всего этого хаоса очень многое придется восстанавливать. Развивайся в этом направлении. У нас разные цели, Конрад. Я пытаюсь не позволить миру рухнуть, а для тебя любое событие всего лишь совокупность растрат или доходов.

– Как скажешь. – Янсен внимательно посмотрел на политика. – Никогда не забывай старых друзей.

Оранж вдохнул холодный североевропейский воздух и посмотрел на Янсена, подозвавшего официанта с новой порцией напитка.

– Тебе не понравится новый мир. Но его косвенно сделал ты. Проектом. Я точно в курсе всего?

– Абсолютно. – серьезно произнес Янсен. – Я от тебя никогда ничего не скрывал.

– Пол так и не появлялся?

Янсен нахмурился.

– Видеть его не желаю. Хотя найти пытался тоже. Только понял, что не я один его ищу. Исчез качественно и бесследно.

Оранж поднялся, отодвинув массивное шикарное кресло. Этим рестораном владел Янсен, привилегированное место досуга для очень богатых людей.

– Уже уходишь? – удивился промышленник.

– Мне нужно отдохнуть, завтра я снова вернусь в Цюрих.

– Джеймс, держи меня в курсе событий. Я всегда рад видеть тебя.

– Взаимно, Конрад.

На следующий день, прибыв в свою резиденцию в полдень, Оранж удивился – на взлетной площадке стоял "Валор" с орнаментом ООН на бортах. В резиденции его ожидала генеральный секретарь Анна–Мария. Обменявшись приветствиями и любезностями, политики сразу перешли к разговору.

– Как я понимаю, ваш визит частный и неофициальный? – осведомился Оранж.

– Все верно. Джеймс, вы ставите меня в неловкое положение. – женщина внимательно разглядывала политика.

– Чем же? – удивился Оранж

– Вашим существованием. Если бы я вас не знала, то могла бы подумать, что вы воплощаете в жизнь хитроумный план по захвату власти. – Анна–Мария всегда выражалась мягко, но сейчас в тоне генерального секретаря сквозили стальные интонации.

– Мировое господство не в моих планах, Анна–Мария. – как можно более уверенно произнес Оранж, удивившись увиденной им новой стороне личности генерального секретаря. – Если бы ваши подозрения были верны, это был бы не частный визит генсека, а отряд миротворцев с целью ареста.

– Верно, Джеймс. Что вы собираетесь дать людям взамен того, что они сейчас потеряют?

– Развитие, совершенствование, способность выбирать свой путь. Вы читали мои тезисы и социальные программы, я в этом уверен.

– То, что вы предлагаете, это безумие. Мир рухнет в еще больший хаос.

– Уверен, что нет. – Оранж оценил прямооту, и настроился на диалог. – Хаос и наблюдаемая сейчас анархия, это то, что сделали с человечеством последние пятьдесят лет бездействия и грубых ошибок в социальных программах. И беспрецедентный кризис, который происходит сейчас, это всего лишь логическое продолжение, последствия, которые откладывались долгие годы. Безумием будет пытаться сохранить это нелепое положение мира.

Анна–Мария отвернулась к окну.

– Ваша социальная реформа. Она неприемлема для людей. Родители не бросят своих детей. – Оранж слышал это уже сотни раз за годы своей работы, и сразу же протянул планшет генеральному секретарю. Анна–Мария озадаченно посмотрела на политика.

– Что это?

– Цифры. Сторонники трансгуманизма по всему миру выражают одобрение новой социальной реформы. Восемьдесят процентов людей живут в городах, а это почти восемь миллиардов людей. Статистика показывает, что больше половины сделают выбор в пользу адекватного, цивилизованного образования перед альтернативой гнить в нищете на базовый доход до двадцати семи лет. Пускай это будет звучать жестоко, но будет работать и естественный отбор. – Оранж сделал паузу, Анна–Мария подняла взгляд от планшета. – Добровольно отказаться от благ цивилизации ради бесконечного цикла воспитания потомства, не имея в этом специализации, смогут лишь, мягко говоря, консервативно настроенные люди, не способные к социальной эволюции. Но принуждения не будет. Мы в силах дать людям выбор между благами цивилизации и существованием на уровне прошлых веков. И общество уже сейчас делает осознанный выбор.

– Но дальнейшее страшнее. По вашей программе, Джеймс, если гражданин к тридцати годам не приносит пользы обществу, он становится не нужен и по общественному договору отправляется прочь из общества. Через годы

это превратится в геноцид.

– Геноцидом являлось повышать возраст совершеннолетия, не позволяя людям совершенствоваться из-за социальных привилегий.

Анна–Мария вздохнула.

– Хотя мне это и не нравится, я вижу, что у вас, Джеймс, действительно очень много сторонников. Люди верят в то, что вы излагаете. Завтра я начну готовить программу по передаче полномочий ООН вашей структуре. Мы должны сохранить мирное существование планеты и избежать третьей мировой войны. Сохранить мир сможете лишь вы и ГМП.

– Не думал, что хм.... ООН сдастся так быстро.

– Ценю вашу тактичность, но вы правильно замялись. Это я сдаюсь. Но лишь во благо мира. Именно с этой целью и была создана ООН. Но, к сожалению, меня запомнят лишь как последнего и самого слабого генерального секретаря организации объединенных наций.

– Это неожиданно. Но глобальное мировое правительство готово принять ответственность в полной мере. Это я вам твердо обещаю, генеральный секретарь. – Оранж пристально посмотрел на женщину. – Что с проектом "СРВ"?

– Оставляю это вам. И генералу Аверо. – печально улыбнулась генеральный секретарь. Оранж согласно кивнул. Женщина направилась к выходу, политик задумчиво проводил ее взглядом, пока не закрылись двери.

Нэнси жила, как во сне. Рушились государства, стирались страны и многие люди, включая девушку, просто не понимали, что происходит вокруг, живя своей простой жизнью. Всеобщий хаос не коснулся жизни города, была лишь шумиха в администрации, надежно прикрытая генератором блокировки от взора черных ангелов.

Для девушки блокирующие системы стали неизбежным злом. Все общественные места с активным движением были скрыты полем генераторов и ей было страшно. Без надежной защиты от пораженных безумием людей она чувствовала себя в постоянной опасности, поэтому избегала таких мест. Особенно, после случая, когда прямо на ее глазах забили до смерти мужчину, пойманному с поличным на каком-то преступлении. После этого Нэнси даже перестала просматривать новости, полностью отрешившись от информационного поля. Несколько раз девушка заходила в Экослужбу, чтобы начать работать по специальности, но каждый раз покидала здание.

Лишь периодические встречи на крыше здания со ставшим уже практически родным для нее черным ангелом, приносили ей умиротворение. Чувство безопасности рядом с крылатым биокибером было недолгим, и каждый раз Нэнси возвращалась домой, зная, что черный ангел охраняет ее, паря где-то в небесах.

Так прошел год и настала холодная осень семьдесят шестого. В октябре ООН передало полномочия ГМП, создан-

ному Джеймсом Оранжем и политик заявил мировой общественности, что собирается лишь осуществлять контроль над выполнением социальных программ, а управлением займется основанный им планетарный совет глобального мирового правительства. Нэнси была очень далека от политики и искренне не понимала, почему общество сильно радовалось этим событиям. Для девушки не имело значения, кто занимается управлением и в идеи всеобщего единства верилось слабо. Нэнси ждала, что ГМП объявит генераторы блокировки вне закона и вернет черным ангелам их способность защищать людей. Девушка в это верила.

Нэнси боялась, высота каждый раз казалась невероятно страшной, до дрожи в ногах. Но только здесь, на вершине одного из небоскребов она могла быть рядом с черным ангелом. Начинался дождь, редкие капли с силой шлепались на поверхность и одежду. Но девушка упорно ожидала, вглядываясь в наполняемый темнотой воздух и вслушиваясь, когда раздастся знакомый шум крыльев.

Внизу, на проспекте шла демонстрация религиозных фанатиков, маленькие фигурки людей передвигались, держа в руках нарисованные от руки плакаты с лозунгами или, реже, мерцающие голографические штандарты с зацикленными на повторение медиафрагментами. Меньше всего Нэнси сейчас желала спускаться вниз.

Девушка обернулась на знакомый звук, который мог издавать лишь биокибер. Очертания фигуры слабо угадывались

в наполненном дождем воздухе, но даже сейчас было видно белую броню. Нэнси заворуженно смотрела на восхитительно красивые белые крылья.

Белый ангел четыреста шестнадцатый уверенно шел на цель, следуя вырвавшимся на свободу нервным импульсам безумия в неконтролируемой отключившейся шиной ЦНС мозге.

Триста сорок второй биокибер получил видимость происходившего на крыше сразу же, как только вышел по планирующей траектории полета из-за соседнего здания. Форсированный мозг не получал никаких тревожных сигналов, но ангел видел, как другой биокибер пикирует на девушку, активируя оружие. Реакция сработала молниеносно, триста сорок второй активировал свое встроенное оружие и как можно точнее прицелившись, сделал одиночный выстрел.

Кинетический заряд ударил в плечевой сегмент брони, не пробив укрепленный нанокompозит. Но черный ангел сбил траекторию атаки безумного биокибера. Не желая повредить хрупкую фигуру стоявшей на крыше девушки, триста сорок второй ринулся в ближний бой, всей своей массой врезавшись в белого ангела.

Нэнси стояла в изумлении, не в силах сдвинуться с места от ужаса. Вокруг девушки кипела схватка, ангелы рвали друг друга на части. Во все стороны хлестали иссиня-белые выстрелы криогенных зарядов. Осколок оторванной защиты с треском влетел в поверхность крыши прямо перед ногами

Нэнси и наглухо застрял, рваные края и осколки креплений опасно блестели. Девушка сделал шаг назад, пытаясь преодолеть страх.

Охваченный безумием биокибер, расстреляв боезапас криогенных зарядов, не мог поменять обойму на кинетические, занятый боем и полагался на мощь мышечных усилителей, пытаясь вывести из строя конечности и крылья черного ангела. Триста сорок второй, используя тактический опыт, пытался отвести противника на безопасное расстояние и ему хватило бы лишь секунды, чтобы открыть огонь из БАна или кинетики. В конце концов, такой момент настал, и черный ангел вжал гашетку огня, кинетические заряды начали вгрызаться в фигуру белого ангела. Но поврежденный сустав руки с оружием бросило из-за инерции движения вбок и часть зарядов врезались в белое крыло, а потом и вовсе ушли в пустоту. Отброшенный отдачей триста сорок второй смотрел, как поврежденный противник отлетает к краю здания и исчезает за ним, зацепив болтающимся, поврежденным крылом хрупкую фигурку девушку. Раненый биокибер пошатнулся и, рванувшись, взлетел и понесся за падающими в дождливую завесу телами.

Первым рухнул белый ангел, погребя под собой трех человек из религиозной толпы, следом на уже свободную мостовую от разбежавшихся, поднявших вверх головы людей почти без звука рухнула девушка. В полном молчании среди всего, взмахнув крыльями опустился черный ангел. Белый

ангел начал подниматься, после быстрой диагностики, чтобы продолжить бой, но триста сорок второй, подойдя, прикончил его выстрелом точно в голову, после чего повернулся к лежащей ничком девушке. Дождь заливал лицо, стекал по неподвижным ресницам. Нэнси была мертва.

– Это знамение конца света, братья и сестры! – раздался возглас. – Божий сын повержен слугой тьмы у нас на глазах, как и невинная жертва. Вот и настает апокалипсис, за все грехи наши!

Под шум толпы черный ангел ощущал пробегающий по синапсам холод. Собственные эмоции, слабые отголоски того, когда он был раньше человеком. Триста сорок второй чувствовал скорбь. Внутренние системы биокибера оповестили о возвращении в Центр.

На залитой ливнем взлетной площадке помимо техников находился также отряд спецмехпехоты, оснащенный тяжелым вооружением. Ощетинившиеся грозным оружием люди внимательно наблюдали за опускающимся на площадку биокибером. Триста сорок второй чувствовал страх людей, но форсированный мозг уже слабо воспринимал сигналы эмоций.

Сняв с биокибера оружие и броню, техники в кольце охраны препроводили боевую машину в нишу и приступили к отключению систем. В зал вошли еще люди, несколько десятков.

– Кто-то серьезно поплатится за это все! – разъяренно

кричал Рафаэль Андерсон. – Весь мир сейчас смотрит на кадры биокиберов, сбрасывающих человека с крыши и стреляющих в друг друга. Кто-то мне серьезно заплатит! Детально мне всю информацию по триста сорок второму и четыреста шестнадцатому, не упуская ни единой мелочи!

Триста сорок второй уплывал в бездну беспамятства, переставая воспринимать информацию от органов чувств и датчиков. Засыпал, чтобы уже не проснуться никогда, в пораженном летаргией форсированном мозге исчезали последние импульсы и сознание черного ангела уплывало в темную вечность навсегда.

Три месяца весь мир будоражили новости о сражении ангелов в городе. Общественность гневно требовала от властей прекращения деятельности проекта теперь уже в открытую. Сотни свидетелей видели своими глазами, что биокиберы перестали исполнять свою функцию защиты населения. События подхлестнули религиозные конфессии по всему миру и демонстрации, и шествия теологического толка увеличились на порядки, заполняя улицы городов.

Не до конца еще завершившийся процесс передачи полномочий от ООН к ГМП грозился вылиться в массовые беспорядки и планетарный совет обратился к совету безопасности организации объединенных наций с требованием проведения беспрецедентной операции по завершению проекта. Рафаэль Андерсон был арестован и доставлен в совбез

заместителем начальника штаба полковником Чэнь. Кадры ареста координатора проекта слегка смягчили гнев требующей возмездия общественности. ГМП ожидало лишь завершения расследования, судьба проекта была предрешена.

В два часа дня по Гринвичу приказ о выведении из строя систем жизнеобеспечения биокиберов поступил в Центр и все филиалы во всех городах. Андерсон стоял рядом с генералом Аверо и полковником Чэнь и молча наблюдал за голографическим монитором из чемоданчика проекта "СРВ". Коды прекращения проекта были введены, сейчас сотрудники всех зданий проекта вскрывали один из трех особых пакетов особых ситуаций и действовали по описанным в них инструкциям. Сотни биокиберов в креслах жизнеобеспечения должны были вновь нырнуть в темноту искусственной комы. Еще сотни активированных черных ангелов, находящихся в патруле и на заданиях, получали приказ вернуться на базы. Десятки тысяч сотрудников получали приказы, и с удивлением смотрели на них, понимая, что это конец их работы в проекте.

И тут терминалы штаба взорвались тысячами сообщений, аудиовыводов и визуальных проекций. Поразительно, как тишина может мгновенно, за считанные секунды, измениться дикой информационной какофонией.

Андерсон непонимающе воззрился на свой терминал – директива ликвидации проекта показывала прогресс выполнения, но то, что он слышал и видел не было тихой опера-

цией завершения. Биокиберы активировались и через пару минут взлетали.

– Что происходит?! – громко и отчетливо, почти прокричал генерал Аверо. – Это не похоже на отключение, почему они взлетают?

Рафаэль молчал, пребывая в ступоре, в который люди впадают при сильном когнитивном диссонансе.

– Андерсон, генерал задал вам вопрос. Отвечайте! – слегка встряхнул координатора полковник Чэнь. Встряска вывела Рафаэля из состояния истукана – он схватил свой изящный, инкрустированный сапфирами смарт и активировал связь.

– Поланский, черт тебя подери, что происходит? – заорал Андерсон в трубку, постепенно переходя в состояние ярости. Ввел несколько команд на портативном терминале. – Возвращаю тебе полный доступ, что там такое?

Ученый ответил практически сразу.

– Были вскрыты особые пакеты. Протокол мгновенной активации всех биологических киберорганизмов, имеющихся в наличии и перенастройка системы на повышенную сенсорiku. – Поланский замолчал на секунду. – Протокол "Готовность к войне". Что случилось, Андерсон? Почему активирован боевой протокол?

Рафаэль без сил начал падать, его моментально подхватил полковник Чэнь. Дорогой смарт выпал из рук координатора. Генерал Аверо активировал громкую связь штаба.

– Завершить операцию "Тихий конец". Приготовиться к началу операции "Ангельская пыль".

Полковник Михаэль Вальмер, командующий седьмым корпусом тяжелой техники, нервничал. Внезапно вырвавшийся его из отпуска вызов не предвещал ничего хорошего и у военного были самые дерьмовые предчувствия.

Наутро, с первыми лучами солнца, полковник прибыл в место дислокации корпуса, находившегося почти в самом центре европейской части континента и, почти с ненавистью, оглядел механиков, копошащихся в танках тридцатых и пятидесятых годов. Бронетехника была старой, в основном начала века, лишь несколько машин времен Точечной войны были в более-менее боеспособном состоянии. Но полковнику было на это наплевать абсолютно – боевые действия с применением тяжелой бронетехники не велись уже тридцать восемь лет и командовал военный офицер корпусом чисто номинально, проводя с подчиненными не более двух учений в год.

Подбежавший к Вальмеру лейтенант отсалютовал и протянул информационную карту, после чего вытянулся. Полковник буркнул: "Вольно", и активировал инфокарту личным кодом с браслета. Пробежав глазами текст боевых задач, Вальмер посерел лицом.

– Какие будут распоряжения, полковник Вальмер? – осведомился лейтенант, косясь глазами на наостривших уши

механиков.

– Приказы. – автоматически поправил военный подчиненного и расслабил давящий на шею воротник, не хватало воздуха. Глубоко продышавшись, проговорил. – Мы на войне, собирай командиров экипажей.

Лейтенанта как ветром сдуло. Вальмер подошел к боевой машине и прислонил руку к бронекompозиту. Неуязвимый борт танка был холодным после ночи. Через десять минут в основном ангаре собрались командиры корпуса. Люди вскочили и вытянулись, когда Михаэль зашел в помещение. По крайней мере дисциплина в корпусе была образцовой – полковник Вальмер не допускал расхлябанности вверенного ему подразделения.

– Бойцы, нам поставлена задача оказывать огневую поддержку и прикрытие батальона спецмехпехоты в ходе выполнение операции "Ангельская пыль". – Михаэль глубоко вздохнул, что не укрылось от подчиненных. – Это не учения, а реальные боевые действия.

Командиры зашевелились, переглядываясь. Полковник кивнул лейтенанту и тот сбросил с компьютерного терминала файлы на личные устройства бойцов.

– Это ваши боевые планы. Строго придерживайтесь их и держите связь, и мы четко и быстро выполним боевую задачу.

Через час полсотни машин бронетанкового корпуса уже мчались, натужно ревя моторами по направлению к город-

ской окраине. Более современные танки времен Точечной войны, с магнитными траками вместо архаичных гусениц, вынужденно держали среднюю скорость, чтобы старые машины не отставали. Вальмер находился в головном командном танке колонны и внимательно разглядывал тактическую сетку местности на экране. В голове у полковника царил полный бардак, он первый раз находился в такой внештатной ситуации. Когда грянула Точечная война, маленький Михаэль был всего лишь десятилетним мальчишкой и воспринимал боевые действия с чисто детской непосредственностью и восторгом. После войны боевых действий не предвиделось, и молодой Вальмер пошел по военной службе, избрав непыльную карьеру военного. С появлением биокиберов полковник только вступил в должность командующего корпусом и приготовился к десятилетию безмятежного срока службы, даже не задумываясь о генеральской карьере. И Вальмер совершенно не верил еще до конца, что участвует в реальной боевой операции и противником являются боевые киборги Центра.

На связь вышел командующий спецмехпехотой полковник Зорин.

– Техника на подходе? У нас крылатые снесли фракталы, не видим.

– Да, полковник, движемся с юго-запада.

– Поторопитесь, у нас только бронетранспортеры, мы как в фольгу обернуты для их вооружения.

– С минуты на минуту. – торопливо произнес Вальмер и отключил связь.

Колонна вошла в город. Двигаясь по улицам, танки выворачивали разбросанные по улицам электромобили и гражданские надстройки. Замыкающая колонну машина несла на себе фрактальную установку, и Вальмер получал полную картинку со всех экранов, не представляя, как Зорин ориентируется без информационной поддержки непосредственно в эпицентре проведения операции.

– Мы на месте. – активировал связь Вальмер. Зорин не отвечал.

Экраны начали показывать движение впереди танков. Телеметрия стремительно обновлялась по мере поступления данных и вскоре зеленые кляксы, показывающие бойцов спецмехпехоты и их бронетранспортеры, маячили среди синих прямоугольников бронетехники корпуса полковника Вальмера. А впереди сияло несколько красных точек. Ожила молчавшая связь.

– Вальмер, открывайте огонь! – раздался оглушительный возглас Зорина.

– Корпус, атака целей.

Вальмер тупо смотрел на экран телеметрии, пока он не погас, после чего полковник даже потряс рукой не способную к отказам технику. Танк мелко вибрировал, шумоизоляция не пускала звуки снаружи, но гул стоял сильный. Вальмер вытер холодный пот со лба и толкнул связиста в плечо.

– Что с системой?

– Ничего не работает, полковник, не понимаю.

И все внутри полетело кувырком. Шестидесяти тонный танк катился как мяч, люди внутри чувствовали себя, как в блендере, благо что были все пристегнуты. Полковник очнулся и обнаружил, что висит вверх тормашками.

– Что случилось?

Вальмеру никто не ответил. Отстегнувшись, полковник проверил экипаж, все бойцы были без сознания после произошедшей в бронемашине карусели. Переведя дух, Вальмер решил и разгерметизировал люк танка. Снаружи было тихо, где-то вдалеке слышался треск стрельбы. Полковник осмотрелся и раскрыл рот от изумления. По всему проспекту валялись искореженная и брошенная танкистами бронетехника, вдалеке чадила арьергардная машина с развороченным фрактальным радаром. Вальмер повернулся обратно к командному танку, нелепо валявшемуся в конце улицы. Бронемашина скатилась под откос и лежала на башне со смятым орудием. На магнитном траке стоял биокибер, сжимая в руках здоровенный резак. Рванувшийся вперед черный ангел взмахнул крыльями и слету разрубил человека клинком. Не оборачиваясь на погибшего, взмыл в высоту и исчез между зданий.

Полковник Зорин выводил батальон спецмехпехоты прочь из города, оставляя позади полностью уничтоженный биокиберами корпус бронетехники. Бронетранспортеры на фор-

саже двигателей неслись по ранее ровной дороге из города вдоль бесконечных полей с солнечными панелями. Полковник одним ухом слушал сводку боевых действий, а другим прислушивался вокруг. лейтенант Морано сидел рядом на броне, держась за поручень здоровой рукой, вторая покоилась на перевязи и у лейтенанта не хватало пальцев, оторвало осколками.

– Вот так, танкисты даже не смогли толком заградительный огонь провести. А крылатые бронетехнику, как орешки перещелкали.

лейтенант помотал оглушенной головой и пробурчал несколько ругательств.

– Война не для кретинов, ладно, не будем ребят ругать. Все равно они все мертвы. – мрачно изрек Зорин. – Если командование не придумает новую стратегию, нам всем pizdec.

Морано согласно кивнул и оглянулся на тянущийся позади командирского бмп транспорт. Сто тридцать восьмой батальон механизированной пехоты потерял за ночь три четверти своего состава, выжило от силы сто человек.

Тысяча восьмисотая зарубка красиво и четко легла в мягкий пластилит камеры. Цербер щелкнул об стену отросшим ногтем мизинца, которым он делал зарубки и увалился на тюремную койку. Камера одиночка, в которой о нем все забыли, была оснащена гибким безвредным экраном, койкой, и стеллажом для личных вещей. В нише слева от входа нахо-

дилось отхожее место. Тюрьма, где держали Макса, располагалась на Кипре, неподалеку от Никосии. И, походу, он был в блоке для заключенных, которые исчезали навсегда из реального мира. Поскольку Цербер сам был полицейским, он прекрасно видел, что охраняли его очень профессионально, без единого шанса передать даже слово в мир за стены тюрьмы.

Макс подбросил свое тело рывком с койки и уцепился за привинченный высоко к потолку турник. За эти годы он стал больше времени уделять физическим упражнениям, согнал лишний жирок и нагулял мускулатуру. Благо, кормили сносно и на прогулках можно было также заниматься бегом. Также, он попросил закачать в память экрана побольше документальных и военных медиафайлов и вел просмотр по шесть восемь часов в сутки. Размеренная жизнь в тюрьме в чем-то даже изменила бывшего копа – он стал сдержанней, рассудительней, спокойней. Если бы Цербер был буддистом, он бы сказал, что познал дзен.

Решетка с тихим шорохом ушла в пенолитовую нишу. Макс удивленно посмотрел на замершие фигуры тюремной охраны у выхода – до ежедневной прогулки оставалось еще два часа.

– Проходите на выход, это не учебная тревога.

По дороге он услышал эту фразу еще десяток раз. Можно было подумать, что в тюрьме начался пожар, но сирена не звучала, и не было спешки и торопливости в действиях

персонала. Заключенных выводили не в дворик, а за пределы стен тюрьмы. У выхода были припаркованы военные бмп ООН. В них заводили по двадцать заключенных на машину. Макс пригнулся, люк был низким и вошел в обширное нутро десантной машины. Внутри находилось с десятков солдат и два офицера. Люк захлопнулся и офицер, как будто только ожидая этого сигнала, начал вещать:

– Внештатная ситуация по всему миру дает вам шанс реабилитироваться перед обществом. Согласно вашим навыкам, вы полезны в той или иной степени для усиления боевых групп при атаке противника. Вы вольны отказаться от боевых действий – в этом случае вас погрузят в анабиоз и отправят на хранение до прекращения боевых действий. В случае успешного выполнения боевых задач вас ожидает полная амнистия и компенсация в случае получения ран и/или инвалидности. Попытка дезертирства или иного намеренного обмана при выполнении боевой операции вас ждет мгновенный военный трибунал первой степени.

Заключенные заухмылялись. Еще бы, кто же из солдат поднимет руку на человека, пусть даже и тюремного заключенного. Ангелы не спят, таков современный мир. На лице Макса не дрогнул ни один мускул. Он слушал дальше. Офицер к тому времени закончил:

– Прямо сейчас мы готовы принять ваш ответ, вследствие полученной вами информации.

Из двадцати заключенных отказались только трое.

Остальные семнадцать молча наблюдали, как в течение последующих минут отказников положили в капсулы криосна, которых было всего пять в пехотной бронемашине.

Офицер подал знак механикам и экипаж тронулся. Второй офицер проходил бывших заключенных и собирал данные. Оказавшись напротив Макса, он посмотрел на бывшего копа. Рев двигателя был уже на высокой мощности – бмп гнал под сотню. Нагнувшись ниже, военный проговорил Церберу.

– Максимилиан Лидеринг. Приоритет выше среднего, вследствие навыков и службы в силовой структуре. Постараюсь вам найти группу получше, офицер.

– Скажи мне, парень, кто противник. – чуть тише произнес Цербер, но военный его все равно услышал. Слегка, лишь самую малость побледнел, но твердым голосом ответил.

– Черные ангелы. Поэтому нам нужны абсолютно все, кто хоть что-то понимает в оружии.

Макс откинулся на жесткие сидения транспорта и закрыл глаза. Он ждал этого долгих пять лет.

– Что мы натворили! Что ты натворил! – Лиза кричала, Рости держал Ника на прицеле помпового ружья. – Они сейчас везде, все люди у них в заложниках. Поверить тебе было грандиозной ошибкой!

– Ты перестала колебаться, после того, как погибла та де-

вушка. И ты сделала все правильно. И я тоже. Вот только, мне кажется, что ошиблись абсолютно все. Моей целью был протокол отключения.

Казалось, Ника совершенно не волновало направленное на него оружие. Росту, в свою очередь, тоже не волновался, но стрелять не спешил.

– Ложь! – разъяренно выпалила Гранд.

– Неужели? Они собирались активировать протокол глобальной войны, но кто-то изменил решение. А так, как мы поменяли протоколы местами....

– Я тебе не верю, Ник. – прошипела девушка. – Я была бы рада, если бы Росту тебя пристрелил, но нет.

– Разумеется.

За спинами молодых людей неслышно зашуршали гелиодроны.

Три месяца назад они, следуя инструкциям Ника, проникли в Центр и заменили чрезвычайные протоколы проекта. По всему миру в тридцати двух филиалах проекта Ник задействовал других своих агентов. Кого-то подкупил, кого-то напугал или заставил компроматом. Лиза Гранд и Росту Деланор пошли на риск, в надежде остановить проект и теперь по всему миру проект ввел биокиберов в неотменяемый боевой протокол. Лиза сжимала в руке маленький передатчик, которым ее снабдила британская разведка и активирован он был минуту назад, после начала словесной перепалки. Если бы не спецслужбы, она бы сама выхватила у Росту дробовик

и разнесла бы безэмоциональное лицо Ника в клочки.

Разрядники гелиодронов ударили синхронно и в то же мгновение здание содрогнулось от прозвучавшего неподалеку взрыва. Ник мгновенно развернулся к компьютерной системе, но вся техника была мертва. Электромагнитная боеголовка РЭБ ударом отключила всю технику в радиусе квартала.

Ник метнулся к лестнице, по дороге схватив со стола в помещении разгрузку с гранатами и кобурой с компактным пистолетом-пулеметом. Выскочив на лестницу, бросил две гранаты – одну вниз, где слышались шорохи поднимающихся оперативников и одну к стене на лестничной клетке. Выждав пару секунд, пока вылетят осколки, прыгнул к образовавшемуся пролому в стене. Там находилась вентиляционная шахта и Ник начал стремительно спускаться вниз, в подвал здания.

Рости очнулся первый от паралича. Заряд был неполный и парня отключило совсем ненадолго. Покачав головой от дезориентации, он протянул руку к запястью Лизы. Девушка была жива, но без сознания. И тут потолок начал разламываться от тактических кумулятивных зарядов. В проломы посыпались люди в военной форме и с оружием. Рости насчитал десяток и вскинул руки. Лиза зашевелилась и очнулась.

– Тв-вою ма-ать.

– Где Ник? – осведомился у них один из оперативников.

Молодые люди отрицательно замотали головами.

– Ушел, тварь. – оперативник прислушался к наушнику и повернулся к бойцам. – Снаружи крылатый, держать периметр.

Раздался грохот выстрелов, здание снова мелко затряслось. Бой кипел наверху, на крыше, британская разведка перестреливалась с черным ангелом, внизу, в подвале, Ник уходил по казематам, отстреливаясь от гнавшихся за ним агентов. Сменив обойму, затаился за колонной, сливаясь в полумраке. Оперативники подходили и им под ноги упала, завертевшись на месте, граната. После взрыва Ник снова рванулся вперед, петляя по катакомбам.

Лиза хотела подняться, но оперативник придавил ее рукой. Росту зарычал, но получил прикладом по зубам.

– Да уж, вот это я обосралась, ребята.

– Елизавета Гранд. – почти официально произнес оперативник. – Слишком во многом ошиблись. Мне жаль.

Росту снова сфокусировал зрение и увидел, как спецназовец приставил пистолет к голове девушки и выстрелил. Зрачки парня расширились.

– Даже и не думай. – посмотрел на него оперативник.

Росту рванулся к валявшемуся в метре от него дробовику, но вытащить оружие из обломков толком не успел, получив свинцовый град из двух тактических автоматов агентов. Уже падая, Росту протянул руку по направлению к Лизе и умер. Старший покачал головой.

– Глупо, Деланор.

Ник выбрался из заваленного обломками проема. Снаружи агенты выставили двух полицейских, видимо, не успели толком подготовиться. Пришлось пристрелить копов, полностью израсходовав патроны. Но размах операции Ник воспринял всерьез – за него взялись масштабно, с применением тяжелого вооружения. Если бы не знание местности и планировки здания и прилегающих к нему строений, мог бы и не уйти. На крыше кипел бой, агенты рубились с внезапно появившимся там черным ангелом. Ник осмотрелся, и направился прочь от квартала, где нос к носу наткнулся на отряд ополчения.

– Ты чего здесь трешься, проваливай, крылатые недалеко! – заорал на него, заметивший боец.

– Постой-ка. – взглянул на них командир, переложил крупнокалиберный пулемет поудобнее на перевязи и внимательно взгляделся в лицо Ника. – Что ни день, то праздник.

Командир отряда самообороны Максимилиан Лидеринг стянул защитную повязку с лица. Пригладил недельную небритость лица и усмехнулся.

– Так вот откуда там шумиха, Ник. Из-за тебя?

Ник молчал, и просто смотрел на Цербера.

– Просто застрелишь?

– Желаеть, чтобы я тебя арестовал и отдал тем, кто тебя гонит?

– Нет. – в голосе Ника снова не было ни единой эмоции.

– Вот и все.

Макс вытащил пистолет и застрелил Ника. Точный выстрел попал в правый глаз, пуля прошла навылет и техник рухнул. Цербер спрятал пистолет в кобуру и перехватил поудобнее громоздкий пулемет и снова устроился на огневой точке баррикады.

– Уберите труп в мешок. Потом труповозам сдадим. Готовность!

В конце улицы показался биокибер, привлеченный убийством, и в него синхронно выстрелили три гранатомета с электромагнитными боеприпасами. Бойцы тут же скатились вниз и взялись за автоматы. Командир Лидеринг и замком Салливан открыли огонь из крупнокалиберных пулеметов по приближающейся фигуре биокибера с отключенными электромагнитным импульсом БАном и генератором подавления. Бой начался снова.

– Мы готовы, мистер Оранж, генерал Аверо. – старший программист стоял рядом с Эндрэем Поланским, приглашенным в качестве специалиста по биокиберам. – Боевые системы всех черных ангелов взломаны, защитный протокол глобальной войны взломан.

– Поланский, вы уверены, что они остановятся?

– Да, это точно. Форсированный интеллект биологических киборгов получит функцию, блокирующую сенсорику навсегда. Мой коллега, форсированный первого поколения,

сможет это сразу же подтвердить. – ученый положил руку на плечо рядом стоящего парня в помятой форме безопасника.

– Активируйте систему. – приказал генерал Аверо. – Какие будут распоряжения по отключенным биокиберам, мистер Оранж?

– Собрать в транспорты и вывезти из городов. Сделаем для них резервацию. Мы гуманны даже к бывшим людям.

Программисты принялись за работу. Два месяца потребовалось на преодоление изоцифровой системы защиты проекта, активирующей биокиберов в состояние глобальной войны. Все это время на планете в густонаселенных территориях кипели сражения. В первые же дни биокиберы практически уничтожили отправленные на подавление бронетехнику и авиацию, сильно потрепав пехоту. Отступившие из городов миротворческие силы совбеза ООН были усилены отрядами самообороны из добровольцев и бывших преступников. Арестованным сотрудникам проекта пообещали амнистию при условии сотрудничества для разрешения ситуации. Командование ООН всерьез ощутило нехватку на поле боя обученных и усовершенствованных военных специалистов, особенно киберснайперов времен Точечной войны, их подготовки не было долгие десятилетия спустя последнего глобального конфликта. Застигнутое боевыми действиями население уже окрестило происходящее Истреблением. Такова была весна семьдесят седьмого года.

Потери составляли один к двадцати. Люди выработали

тактику использования электромагнитного вооружения, чтобы выключать БАны и системы черных ангелов. И все равно боевые киборги оставались для людей грозным противником, бросаясь на противостоящие им войска врукопашную. От кинетического оружия бойцы укрывались за баррикадами и навязывали ближний бой, расстреливая черных ангелов из крупнокалиберного оружия.

Героически сражался с черными ангелами отряд командира Лидеринга. На их счету за два месяца было более десятка убитых биокиберов, но и потери не меньше. Цербер выстраивал хитроумные засады, использовал тактику и стратегию, один раз сбросил на черного ангела подвешенный на промышленном строительном кране разбитый танк. На экранах постоянно мелькало видео о сражениях легендарного отряда Истребления.

Цербер хмуро наблюдал, как пара его бойцов курит, занимался рассвет. Отряд ждал поставки боеприпасов, машина как раз должна была подойти с минуты на минуту. В первые недели снабжение велось с военных "Валоров", но черные ангелы, следуя стратегическим программам, начали их уничтожать. Пилоты массово отказались поднимать машины в воздух и снабжение последнее время велось наземным транспортом.

Зашипела помехами рация. Салливан пнул сонного связиста и тот внимательно стал вслушиваться, приглушенно ругаясь. Потом изумленно поднял глаза.

– Говорят, все. Война закончилась.

Цербер подскочил и встряхнул связиста.

– Конкретнее!

Паренек уже улыбался, несмотря на встряску.

– Их отключили. Вырубили!

– Подъем! – заревел Цербер. Отряд встрепенулся и посыпался с выстроенной ночью баррикады на площадь. Центральная городская площадь была вся завалена обломками, покосившийся, лежащий на боку "Валор" был частично разобран, бойцы сняли с него вооружение и технику, оставив один корпус.

Отряд вышел в центр площади, там, опираясь на ограду руками, покачивался черный ангел. Порядковый номер на стертой месяцами боев броне было и не разобрать уже. Биокибер спокойно смотрел на подходящих к нему бойцов, не пытаясь атаковать.

– Не стрелять. – Макс махнул репортеру, шатавшемуся с отрядом уже месяц, тот поднял руку и соединил указательный и большой пальцы. Цербер подошел к черному ангелу и толкнул его прикладом, биокибер рухнул на колени, системы были отключены наглухо.

Макс поставил ногу на спину поверженного противника и перекинул крупнокалиберный пулемет на плечо, ухмыляясь в отросшую за месяцы боев бороду.

– Война окончена! Истребление завершилось победой человечества! – громко и отчетливо крикнул Цербер.

Кадры командира Лидеринга в образе победителя распространились по всему миру почти мгновенно. Поланский краем глаза увидел его на одном из экранов и цокнул языком. Парень из первого поколения форсированных эмпатов улыбался, несмотря на царящее в штабе веселье и восторженные возгласы.

Оранж пожал руку генералу Аверо.

– Поздравляю генерал, последняя операция совбеза завершена. – после чего политик покинул здание штаба. Генерал Аверо сохранял невозмутимость, объявляя о завершении операции "Ангельская пыль".

Джеймс Оранж направился в планетарный совет, но по дороге заглянул в небольшой городок на севере материка. Там, на самой окраине, надежно спрятанный среди фьордов, находился секретный тюремный блок. О его наличии планетарный совет узнал, вскрывая секретные архивы уничтоженных правительств. Сейчас его обитателями были десяток профессиональных военных и двое заключенных.

Оранж прождал час, пока планетарный совет одобрил посещение узников и прошел внутрь через тройную систему шлюзов и спустившись по тридцатиметровой штольне в самую надежную в мире тюрьму. Заключенные только закончили прием пищи под неусыпным взглядом двух охранников и кисло смотрели на присевшего к ним политика.

– Может казнишь нас уже, Джеймс? – проговорил Янсен. – Без моих медиков мне то точно недолго осталось.

– Нет. Это было бы негуманно, Конрад. Все закончилось, господа. Все биокиберы выведены из протокола глобальной войны и проект, наконец, завершен. – Оранж внимательно посмотрел на Янсена. – Жаль, что ты не все мне рассказал, это было глупо. До сих пор ума не приложу, зачем ты отдал приказ своему человеку изменить протоколы. Да и где ты откопал оперативника такого высочайшего класса, планетарный совет перерыл все доступные архивы, но не нашел даже и близко агента, похожего на Ника.

– За деньги можно все. – скривился Янсен и размял затекшую от сидения спину. – А приказ.... Да какая разница уже, оправдываться не собираюсь.

– Почему вы не посадили сюда Поланского? – пошевелился второй заключенный Андерсон.

Янсен резко повернулся к Андерсону.

– Ты так ничего и не понял, глупец. Пока все человечество рефлексировало и потребляло блага цивилизации, мир менялся. Только никто этого так и не заметил. И мир меняли не мы, бизнесмены и менеджеры. Мы всего лишь декорации, статисты – мир меняли они. – Янсен кивнул на Оранжа, внимательно слушавшего тираду. – Ученые и идеалисты, мечтатели и исследователи. Когда я создавал с Колибри проект "СРВ", уже тогда меня посещало предчувствие, что все полетит в никуда. Так и случилось.

Воцарилось молчание, Оранж решил закончить разговор.

– А что касается вас, то место это будет вашим домом.

Навсегда. Ради вашей же безопасности. Чтобы люди не разорвали вас на части, мы гуманно спрятали вас двоих здесь. Кризис завершен, мир живет в виде городов государств, а масштабные функции отныне исполняет ГМП.

Янсен молчал, безразлично глядя перед собой. Андерсон вздохнул.

– Жаль, что новый мир не для нас.

Оранж кивнул в знак прощания и покинул тюремный блок. В мире еще оставалось много работы, планета, как цветок, распускалась этой весной, после долгой зимы.

Эндрэй Поланский смотрел на женщину в строгом официальном костюме. Она вошла в его лабораторию, сопровождаемая одним человеком, оставшимся снаружи.

– Тихое место. Собираетесь здесь работать и дальше?

Ученый соображал быстро. А от гостьи так и несло правительственными официальными полномочиями.

– Вы совершенно правы. И не стоит начинать говорить издалека. Что вам нужно?

Женщина улыбнулась.

– Мы желаем вам помочь, Эндрэй.

Поланский бесцеремонно прервал собеседницу, встав из рабочего кресла и движением руки выключив свой голографический экран с разноцветными диаграммами биостатистики.

– В помощи я не нуждаюсь. И у меня нет никакого жела-

ния работать в дальнейшем ни на кого. Это частная лаборатория. И если вы желаете перейти к угрозам, то вынужден буду вас попросить покинуть помещение.

Женщина не отреагировала на повышение напряжения в комнате и лишь провела рукой по массивному блоку компьютерного терминала.

– Угрожать я вам и не собиралась, Эндрэй. Мало кто знает в мире, но именно вы стояли у истоков создания черных ангелов. И эта информация начнет потихоньку просачиваться, несмотря на наши старания. Мы направили всю агрессию человечества за семь лет страха на Андерсона и Янсена, надежно их спрятав, но оставили вам свободу, ведь юридически и морально мы не имеем права арестовать вас всего лишь за то, что вы выполняли свою работу. Эндрэй, мы не можем гарантировать вашу безопасность, пока у вас гражданский статус.

Поланский терпеливо ждал, когда женщина закончит и внимательно следил за ней.

– Это кнут. И где же пряник?

Женщина печально посмотрела на ученого.

– Вы разве не боитесь погибнуть от рук случайного мстителя?

Поланский расхохотался, отчего женщина удивилась. В этот момент он был как никогда похож на безумного ученого.

– Бесспорно, вы привели немаловажный аргумент, каждый человек действительно боится смерти, и я не исключе-

ние. Вот только есть страх посильнее, чем тот, что включается базовым инстинктом самосохранения. Страх перед будущим. И он заставляет думать и делать, в отличие от страха смерти, который заставляет бороться за свою жалкую жизнь.

– Я вас не совсем понимаю, Эндрэй.

– Зато я вас понимаю очень хорошо. Над чем вы хотите предложить мне работать?

– Биопроцессоры.

– Вот как. ГМП понадобились новые горизонты мощности компьютеров. Даже не буду спрашивать, зачем, мне это неинтересно. Хотя я и не отказался бы от мощного компьютера нового поколения. – Поланский развернулся и движением активировал голографический экран. – Камера снаружи кабинета.

Экран послушно материализовал изображение сопровождающего женщины. Велия Контадино неподвижно глядела на парня в форме службы безопасности.

– Я не удивлен, разве что совсем немного.

Женщина направилась к выходу.

– Я оставляю вашему сотруднику инфокарту, на случай, если вы передумаете. Вы нужны миру, Поланский.

Дверь за ней закрылась. Эндрэй наблюдал, как она властно махнула Велии, и та послушно проследовала за женщиной.

– Более чем нужен. Но не я.

Женщина, покинув частную лабораторию Поланского, за-

няла место в правительственном транспортном суборбитальном транспортнике. На голографическом экране, вспыхнувшем в салоне появилось лицо девушки с серебряными волосами.

– Жду указаний, мисс Ламберт.

– В планетарный совет по орбитальному маршруту, Лайза.

– Так точно. – ответила пилот и отключилась.

Контадино поспешно нажала кнопку и плотные страховочные ремни обхватили плечи грудь и ноги. Амели Ламберт улыбнулась.

– Рано беспокоишься, Велия.

– Я возвращаюсь в биотех?

– Да. Более тебе здесь делать нечего. Что с ним произошло?

Велия Контадино вздохнула и развела руками, насколько ей позволяли ремни.

– Брат умер в семьдесят первом. Шесть лет назад я видела Поланского последний раз. Наверное, он стал ненавидеть людей еще сильнее. И меня, тем более.

Мерное гудение двигателя суборбитального транспорта на гиперзвуке сменилось на тишину при выходе на орбиту. Амели Ламберт с наслаждением вытянулась в невесомости и воспарила к потолку салона. Редкое генетическое заболевание костей, заставляло женщину страдать от постоянной боли и невесомость дарилла блаженные минуты свободы от нейрообезболивающей системы.

– Прижать Поланского сейчас нет никакой возможности. А жаль – столь ценный специалист мог бы много сделать. Но старые драконовские методы прошлых времен неприемлемы. Может быть он передумает и изменит свое решение.

– И я буду работать с ним в биотехе?

Ламберт рассмеялась.

– Точно нет.

Итальянка впала в ярость, но мгновенно взяла себя в руки. Уже год работая в недавно созданном инновационном центре биологических технологий, Велия Контадино к исходу семьдесят седьмого года была на ведущей должности по разработке биопроекторов. Архивы программы ZeroOne вскрывались один за другим, как древние сокровищницы и научные сотрудники с благоговением работали над массивами информации, которая собиралась более чем полвека. Кто вскрывал неуязвимый для программистов ранее исходный код, так и оставалось неизвестным, но людям и так было чем заняться – информация была бесценной.

Контадино не могла позволить сбросить себя со счетов. Ни гению Поланскому, ни уважаемой члену планетарного совета ГМП Амели Ламберт. В разгар Истребления на медицинский стол Велии попал человек с огнестрельным ранением в голову. Пуля чудом не погасила его жизнь, вогнав организм в летаргический сон с сильной кровопотерей. Как оказалось, ранение разнесло вдребезги и так ранее находившийся в мозге у человека имплантат. Медицинские навыки

сотрудников биотеха позволили вернуть его к жизни, после чего Велия выгнала ассистентов и, собрав развороченное выстрелом правое полушарие мозга по кусочкам, установила в голове человека новый наноимплантат, позволявший ему нормально функционировать, а не проводить жизнь овощем.

Он был благодарен Велии за спасение и, когда узнал, что имплантат нужно периодически обслуживать, и сделать это сможет только она, остался в биотехе, каким-то образом став сотрудником. Возможно, он подозревал, что Велия может и отключить его имплантат. Но это было неважно. Важно, что Контадино могла использовать этого странного человека в своих целях.

Суборбитальный транспорт пошел на снижение и вскоре приземлился на южной части североамериканского континента. Вдалеке виднелось высокое здание, которое занимал планетарный совет ГМП. Ламберт спустилась с выстроенного нанотехнологичной системой трапа, в сопровождении затянутой в обтягивающий боевой комбинезон сереброволосой Лайзы и медленно отходящей от невесомости Велии. Навстречу ей двигались несколько человек, среди них был Джеймс Оранж.

– С возвращением Амели, как ваше состояние? – поинтересовался блондин.

– Немного лучше, после орбиты. Мечтаю вернуться на "Единый Мир". Вы возвращаетесь в Европу, Джеймс?

– Да. Необходимо работать дальше.

Оранж пристально посмотрел на Ламберт. Женщина прикрыла глаза и отрицательно махнула головой.

– Отказался.

– Жаль. Но сейчас не до него. По крайней мере до восьмидесятого года. Пусть сидит у себя в лаборатории. Велия, вас подбросить до биотеха? Мы не торопимся и сделаем крюк до Массачусетса.

Контадино согласно кивнула и проследовала за Оранжем в транспортник. Пожалуй, у нее было пару лет в запасе, и девушка решила не форсировать события.

Как и любой человек итальянского происхождения, она знала, что месть должна подаваться как холодное блюдо.

Равнина, опоясанная кольцом гор, стала пристанищем, для выживших в Истреблении черных ангелов. Живых биокиберов по всему миру насобирали всего полсотни и перевезли в эту доступную только воздушному транспорту территорию. Резервацию обнесли сенсорной системой и разместили неподалеку гарнизон охраны. Чтобы не позволить черным ангелам выбраться и не пускать карателей к ним. Несколько волонтеров, желающих помочь выжившим в Истреблении, тем не менее, успели проникнуть в периметр, невзвест как узнав о резервации.

Для Пола и Единицы это было идеальное место, чтобы скрыться. Парень умело работал с техникой, искусственный интеллект помогала в решении многих задач. Они прекрас-

но ладили друг с другом, живой организм со стальным сердцем и цифровая программа, с живой душой.

Как и предсказывал в выступлениях трансгуманист Джеймс Оранж, мир вышел из кризиса, сбросив последние правительства старого формата. Осталось лишь ГМП, но как необходимая организация по решению вопросов планетарного масштаба. И это всех устраивало, в городах государствах начался расцвет социальных программ по изменению и улучшению жизни людей. Освободившиеся огромные средства в первую очередь были направлены на восстановление жилых районов, систем снабжения и продовольствия. Колоссальное одобрение и финансирование получила программа по образованию детей в специально отведенных зонах воспитания, оборудованных по высшим стандартам и укомплектованных профессиональными специалистами. В мире появилась новая престижная профессия Учитель, озадаченная единой целью подготовить и воспитать лучших людей нового мира.

Конечно, не все восприняли новый порядок. Несколько десятков городов государств отказались от введения новой социальной программы и масса мигрирующего населения, желающая сама воспитывать детей, потянулась в них. ГМП к концу семьдесят восьмого стало присваивать городам государствам индексы по критериям экономики, экологии и контроля. Высокий индекс экономики получали промышленные центры, индекс экологии зависел от уровня жизни и

пригодных погодных условий. Индекс контроля был чисто номинальным, его ставили сами обитатели, в зависимости от вмешательства органов правления в жизнь граждан.

Сильная миграция граждан, по аналитическим данным ГМП, должна была закончиться через двадцать лет, когда первые воспитанники покинут обеспеченные зоны и населят города государства.

Много изменилось в мире, включая человека, который получил новый виток социального развития, в чем-то благодаря событиям последних десятилетий. Глобальное затопление, Точечная война, и семь лет страха, завершившиеся Истреблением стали бифуркационными событиями в жизни цивилизации, изменив человечество.

Мерцающая фиолетовыми и сиреневыми сполохами фигурка Единицы возвышалась над камнем в полуметре. Пол стоял и смотрел на прибывающих по узкой тропинке черных ангелов.

– Биотехнологии уже в последней стадии подготовки.

Янсен усмехнулся.

– Наследие Джона Смита. До сих пор не верится, что ZeroOne такая всемирная программа по возвышению человеческой цивилизации. Ты сама в это веришь?

– Вопрос веры находится в компетенции людей. Я же обладаю знанием. На правах единственного в мире полноценного искусственного интеллекта.

– И почему же ты единственная и неповторимая? – Ско-

сил глаз парень на мерцающее в воздухе изображение девушки.

– Секрет.

Янсен нахмурился.

– Все равно узнаю, где ты прячешь свой основной сервер и взломаю тебя. – произнес шутливо.

– Уже не сможешь. – игриво улыбнулось в ответ изображение девушки. – Первые биокомпьютеры уже запущены в тестирование. И я уже там. А выковырять меня оттуда сможет только одно существо на этой планете.

– И кто же?

– Секрет. Очередной.

Пол картинно разочарованно вздохнул. И шагнул навстречу вплотную подошедшему биокиберу, поддержав массивного киборга и показывая путь.

Пол умер через пять лет, как и половина форсированных эмпатов в резервации. Стальное сердце констатировало смерть и произведя последний удар, замерло в груди. Похоронили Янсена в центре резервации, один из старейших черных ангелов высек лазером на надгробии парня слова: "Единственная настоящая ошибка – не исправлять своих прошлых ошибок".

Единица последний раз появилась возле могилы Пола и до самого утра фигурка девушки мерцала, отдавая дань уважения другу, подарившему ей эти года дружбы. Эмоции искусственного интеллекта были отличными от людских, так

же, как различались эмоции людей и форсированных эмпа-тов. Единица чувствовала, но по-своему, и в ее памяти хранились все годы, дни, часы и секунды, проведенные с Полом.

С первыми лучами солнца, перемахнувшими через горное кольцо, Единица подняла взгляд ввысь, в небеса, и произнесла, прежде чем исчезнуть.

– Просыпайся быстрее, Мерцери.

Эпилог

Этим ранним осенним утром город снова содрогнулся. Не так сильно, как два года назад при Истреблении, но довольно ощутимо. Почти в центре города прогремела серия взрывов. Как ни странно, старинное шестнадцатипятиэтажное здание выстояло. Видимо, заложенные строителями металлоконструкции руками рабочих были сделаны на совесть. Или просто везение и слабая взрывчатка.

В том, что это взрывчатка, полковник Владимир Зорин не сомневался. По свидетельствам очевидцев и камер видеонаблюдения пять зарядов рвануло с интервалом в полминуты. И теперь инженерные бригады саперов разгребали завалы, оставив полицию мерзнуть в оцеплении. Да и кто бы пустил внутренних разгребать обломки ранее государственной, а в последние годы частной лаборатории легендарного Эндрэя Поланского, создателя черных ангелов.

Уже нашли шесть погибших и извлекли из разбитого лифта воющую от боли в сломанной ноге женщину. Полковник запросил по очереди все бригады и получил однозначный ответ о вялотекущем прогрессе. Просто стоять, материть лейтенантов и бурчать в рацию надоело, и Зорин двинулся по обломкам первого этажа. Ветер гонял пепел и мусор по широкому этажу, где начисто смело почти все стены, оставив

лишь несущие колонны.

У оцепления зашевелились и сквозь иссиня-черные ряды внутренних двинулись две фигуры, зябко кутавшиеся в черные комбинезоны.

Полковник зло сплюнул, узнав штатских, которые уверенно направились к нему. Парень и девушка. Моложавого низкорослого блондина он знал – это был идейный координатор трансгуманистов Джеймс Оранж, гражданский с высочайшим уровнем доступа от планетарного совета ГМП. Девушку он не помнил, но точно где-то видел – зрительная память старого вояки запоминала многое. Штатские встали в метре от него, брезгливо обойдя месиво из пластика и дерева.

– Полковник Зорин? – вежливо обратился блондин.

– Так точно.

– Нашли что-нибудь?

– Шесть трупов, одна раненая. Поиски продолжаются.

– Направьте одну бригаду на второй подземный. Мы идем с ними.

Полковник побагровел. Мало того, что эти чистоплюи зашли на объект, да еще смеют распоряжаться его людьми! Килограмм витиеватых матюгов уже готов был обрушиться могучим рыком на головы мирняков, но девушка оглянулась и, мило улыбнувшись, достала лист бумаги из папки.

– Это предписание вашего командования.

Зорин почти вырвал лист из руки девушки и, быстро вра-

щая белками глаз, пробежал мелкие строчки предписания. По мере прочтения багровый цвет лица сменился на довольно блеклый сизый и полковник, сложив лист вчетверо, вложил его во внутренний карман кителя.

– Идите к зоне разгрузки. Вторая бригада и лейтенант Островский вас проведут. – полковник вяло махнул рукой позади себя.

Штатские кивнули и посеменили в указанном направлении, оставив военного в одиночестве проклинать штаб, погоду, ленивых засранцев–срочников и вообще весь мир в целом.

Прошло минут двадцать, и порядком надоевшие и однообразные отчеты о разгребании обломков освежились интересным запросом на присутствие офицера высшего командного состава. От второй бригады. Полковник выматерился и, пинками расшвыривая мелочь, как линкор понесся в зону разгрузки. Разумеется, лифта в подвал уже с утра как не было и пришлось спускаться по лестнице.

На втором подземном было относительно чисто. Полковник миновал здоровый предбанник квадратов в тридцать, протиснулся через покореженные массивные стальные двери и, войдя в большой зал, обомлел. В нем как–будто пронесся смерч. На покореженных стенах щедро алели ярко–красные пятна крови. Посередине завал разгребали двое саперов, которые при виде старшего по званию сразу вытянулись по стойке смирно. Один рапортовал.

– Полковник. Ведем операцию, обнаружено непонятное техническое устройство. – сапер показал рукой на проход, темнеющий в углу зала.

– Сколько? – приглушенно спросил полковник, не прекращая оглядывать перекрашенное в красный цвет помещение.

– Полковник?

– Сколько здесь погибло! – рявкнул Зорин.

– М–м... Примерно пятнадцать или двадцать. Слишком сильный кумулятивный эффект от замкнутого пространства при взрыве.

Зорин понял, что одна из бомб находилась тут и пошел дальше, куда указал солдат. У самого прохода лежал тощий мертвый парень в обрывках формы службы безопасности с месивом из грудной клетки. Его внутренности как будто вывернуло наружу. Полковник нахмурился и шагнул в коридор. Следующее за ним помещение было небольшим и в нем были лейтенант, двое саперов и штатские. Мирняки орали на военных, военные огрызались и бряцали спецсредствами. Полковник танком вломился под перекрестный огонь ругани и рявкнул:

– Что тут происходит?!

Солдаты и лейтенант вытянулись.

– Полковник. Штатские собираются забрать неопознанное техническое устройство.

Блондин переключился на Зорина.

– У меня высший доступ! Я забираю документацию и лю-

бое – повторяю: любое устройство, которое тут будет найдено!

Полковник завращал белками глаз и подошел к металлическому цилиндру в нише у стены. Белый пар из разорванного воздуховода стелился по сапогам. Под негодующие крики Оранжа, стер налет грязи и пыли со стекла. Под стеклом с закрытыми глазами лежал ребенок лет трех. Девушка мягко подошла справа и провела рукой по металлической боковине саркофага.

– Зачем он вам? Что вы будете с ним делать? Эта стазис капсула оснащена совершенной блокировкой – дитя в коме. Вернуть его к жизни мы сможем лишь при наличии времени и технологий.

Полковник Зорин тяжело вздохнул. Он ожидал увидеть все что угодно, включая препарированных инопланетян. Но просто спящий ребенок в капсуле.... Девушка была права. Ну что военные будут с этим делать?

Он бы уничтожил все, что осталось от наследия Эндрю Поланского, помня кошмары двухлетней давности, но убить ребенка, столь похожего на собственных засранцев внуков.... Полковник Зорин был военным, но он не был хладнокровным убийцей.

– Пусть забирают. – глухо буркнул и, круто развернувшись, направился к выходу мимо замолчавших в недоумении людей – как собственных солдат, так и гражданских.

декабрь 2010 – август 2018

Томилов С. В.